

ISSN 2225-5346
e-ISSN 2686-8989

БФУ БАЛТИЙСКИЙ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ИММАНУИЛА КАНТА

IKVBU IMMANUEL KANT
BAL TIC FEDERAL
UNIVERSITY

СЛОВО.РУ:
БАЛТИЙСКИЙ АКЦЕНТ

SLOVO.RU:
BAL TIC ACCENT

2023

Том 14
Vol.

№ 3

НЕПЕРЕВОД NON-TRANSLATION
В КУЛЬТУРНЫХ СИСТЕМАХ IN CULTURAL SYSTEMS

Издательство Immanuel Kant
Балтийского федерального Baltic Federal University
университета им. Иммануила Канта Press
2023

СЛОВО.РУ:
БАЛТИЙСКИЙ
АКЦЕНТ
2023
Том 14
№ 3

Калининград :
Изд-во БФУ
им. И. Канта, 2023.
159 с.

Учредитель
Балтийский
федеральный
университет
им. Иммануила Канта

Редакция
Адрес: 236022, Россия,
Калининград,
ул. Чернышевского, 56

Издатель
Адрес: 236041, Россия,
Калининград,
ул. А. Невского, 14

Типография
Адрес: 236001, Россия,
Калининград,
ул. Гайдара, 6

Издание
зарегистрировано
в Федеральной службе
по надзору
в сфере связи,
информационных
технологий и массовых
коммуникаций.
Свидетельство
о регистрации
СМИ ПИ
№ ФС77-46308
от 26 августа 2011 г.

Редакционная коллегия

Михаил Васильевич Ильин, доктор политических наук, профессор, НИУ «Высшая школа экономики» — главный редактор (Москва, Россия); *Сурен Тигранович Золян*, доктор филологических наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Россия) — главный научный редактор; *Алексей Николаевич Черняков*, кандидат филологических наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Россия) — ответственный редактор; *Наталья Сергеевна Автономова*, доктор философских наук, Институт философии РАН (Россия); *Наталья Михайловна Азарова*, доктор филологических наук, Институт языкознания РАН (Россия); *Хенрик Баран*, Университет штата Нью-Йорк (Нью-Йорк, США); *Томас Венцлова*, профессор, Йельский университет (США); *Дмитрий Веселинов*, доктор филологических наук, профессор, Софийский университет им. Святого Климента Охридского (Болгария); *Ив Гамбье*, доктор лингвистики, профессор, Университет Турку (Финляндия); *Стефано Гардзонио*, Пизанский университет (Пиза, Италия); *Игорь Николаевич Данилевский*, доктор исторических наук, НИУ «Высшая школа экономики» (Россия); *Валерий Закиевич Демьянков*, доктор филологических наук, профессор, Институт языкознания РАН (Москва, Россия); *Вера Ивановна Заботкина*, доктор филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (Россия); *Николай Николаевич Казанский*, академик РАН, доктор филологических наук, Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия); *Максим Анисимович Кронауз*, доктор филологических наук, НИУ «Высшая школа экономики» (Россия); *Александр Васильевич Лавров*, академик РАН, доктор филологических наук, Институт русской литературы РАН (Россия); *Михаил Юрьевич Лотман*, профессор, Таллинский университет, Тартуский университет (Эстония); *Иван Борисович Микиртулов*, доктор философских наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Россия); *Владимир Александрович Плунгян*, доктор филологических наук, академик РАН, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Россия); *Джеймс Расселл*, профессор, Гарвардский университет (США), Иерусалимский университет (Израиль); *Игорь Витальевич Силантьев*, доктор филологических наук, Институт филологии СО РАН (Россия); *Игорь Павлович Смирнов*, профессор, Констанцский университет (Германия); *Питер Стайнер*, профессор, Университет Пенсильвании (США); *Су Кван Ким*, Университет иностранных языков Хангук (Сеул, Южная Корея); *Григорий Львович Тульчинский*, доктор философских наук, НИУ «Высшая школа экономики» (Россия); *Татьяна Валентиновна Цвигун*, кандидат филологических наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Россия); *Цзиньлин Ван*, Чанчуньский университет КНР (Чанчунь, Китай); *Татьяна Владимировна Черниговская*, доктор биологических наук, доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Россия)

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, доктора наук, а также индексируется в Russian Science Citation Index на платформе Web of Science, Scopus, ядре РИНЦ.

Подписной индекс 36836
Тираж 300 экз.
Дата выхода в свет 04.08.2023 г.

SLOVO.RU:
BALTIC ACCENT
2023
Vol. 14
№ 3

Kaliningrad :
I. Kant Baltic Federal
University Press, 2023.
159 p.

Founders

Immanuel Kant Baltic
Federal University

Address

14 A. Nevskogo St.,
Kaliningrad, Russia,
236041

Editorial office

56 Chernyshevskogo St.,
Kaliningrad, Russia,
236022

Publishing house

6 Gaidara St.,
Kaliningrad, Russia,
236001

The opinions expressed
in the articles are private
opinions of the authors
and do not necessarily
reflect the views
of the founders
of the journal

Mass Media
Registration Certificate
PI № FS77-46308,
on 26 August, 2011

Editorial board

Prof. *Mikhail V. Ilyin*, National Research University Higher School of Economics – Editor-in-Chief (Moscow, Russia);
Prof. *Suren T. Zolyan*, Immanuel Kant Baltic Federal University (Russia) – Scientific Editor; Dr *Alexey N. Chernyakov*, Immanuel Kant Baltic Federal University (Russia) – Executive Editor-in-chief;
Prof. *Natalia S. Avtonomova*, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences (Russia); Prof. *Nataliya M. Azarova*, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences (Russia); Prof. *Henryk Baran*, State University of New York Albany (New York, United States); Prof. *Tatiana V. Chernigovskaya*, Saint-Petersburg State University (Russia); Prof. *Igor N. Danilevskii*, National Research University Higher School of Economics (Russia); Prof. *Valerii Z. Demyankov*, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia);
Prof. *Yves Gambier*, University of Turku (Finland);
Prof. *Stefano Garzonio*, Università di Pisa (Pisa, Italy);
Prof. *Nikolai N. Kazansky*, academician, the Russian Academy of Sciences, Institute of Linguistic Research (Saint Petersburg, Russia);
Prof. *Soo Hwan Kim*, Hankuk University of Foreign Studies (Seoul, South Korea); Prof. *Maxim A. Krongauz*, National Research University Higher School of Economics (Russia); Prof. *Alexander V. Lavrov*, Full Member of the Russian Academy of Sciences, Institute of Russian Literature (the Pushkin House), Russian Academy of Sciences (Russia); Prof. *Mikhail Yu. Lotman*, Tallinn University, University of Tartu (Estonia); Prof. *Ivan B. Mikirtumov*, Saint-Petersburg State University (Russia); Prof. *Vladimir A. Plungyan*, Full Member of the Russian Academy of Sciences, V.V. Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences (Russia);
Prof. *James R. Russell*, Harvard University (USA), the Hebrew University of Jerusalem (Israel); Prof. *Igor V. Silantyev*, Institute of Philology, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (Russia); Prof. *Igor P. Smirnov*, University of Konstanz (Germany);
Prof. *Peter Steiner*, University of Pennsylvania (United States);
Dr *Tatyana V. Tsvigun*, Immanuel Kant Baltic Federal University (Russia); Prof. *Grigorii L. Tulchinskii*, St. Petersburg School of Social Sciences and the Humanities, National Research University Higher School of Economics (Russia); Prof. *Tomas Venclova*, Yale University (USA); Prof. *Dimitar Vesselinov*, Sofia University 'St. Kliment Ohridski' (Bulgaria); Prof. *Jinling Wang*, Changchun University (Changchun, China) Prof. *Vera I. Zabolotkina*, Russian State University for the Humanities (Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

НЕПЕРЕВОД В КУЛЬТУРНЫХ СИСТЕМАХ: СТРАТЕГИИ И МЕХАНИЗМЫ

<i>Азарова Н. М., Бочавер С. Ю., Корчагин К. М.</i> Предисловие	6
<i>Азарова Н. М.</i> Неперевод и перевод у Хайдеггера, Лосева и Ортеги-и-Гассета.....	12
<i>Демьянков В. З.</i> Перевод как путешествие по возможным и невозможным мирам	26
<i>Ирисханова О. К.</i> Синхронный переводчик в полимодальном измерении: роль жестов в моменты «неперевода»	40
<i>Корчагин К. М.</i> Нефть как пространство неперевода: Хикмет, Негарестани, Парщиков.....	52
<i>Дрейзис Ю. А.</i> Стратегия и практика парциального неперевода в современной поэзии (на примере гонконгских и российских авторов)	74
<i>Масалов А. Е.</i> Неперевод как палимпсест в непрозрачной поэзии.....	86
<i>Салбиев Т. К.</i> На каком языке и о чем молчали в Париже Газданов и Салказанова	100
<i>Бочавер С. Ю., Терешко Е. В.</i> Что такое «редкий» язык в переводе? Опыт дистанционного чтения.....	112
ПРИГЛАШЕНИЕ К ДИСКУССИИ: СЕМИОТИКА VS ЛИНГВИСТИКА	
<i>Циммерлинг А. В.</i> Конкретно: синтактика без семиотики?	125

CONTENTS

NON-TRANSLATION IN CULTURAL SYSTEMS: STRATEGIES AND MECHANISMS

<i>Azarova N. M., Bochaver S. Yu., Korchagin K. M.</i> Foreword	9
<i>Azarova N. M.</i> Non-translation and translation in Heidegger, Losev, and Ortega y Gasset	12
<i>Demyankov V. Z.</i> Translation as a journey through possible and impossible worlds.....	26
<i>Iriskhanova O. K.</i> Simultaneous interpreter in multimodal dimension: the role of gestures in moments of non-interpretation.....	40
<i>Korchagin K. M.</i> Petroleum as a space for non-translation: Hikmet, Negarestani, Parshchikov	52
<i>Dreizis Yu. A.</i> Strategy and practice of partial non-translation in contemporary poetry (a case study of Hong Kong and Russian authors)	74
<i>Masalov A. E.</i> Non-translation as palimpsest in hermetic poetry	86
<i>Salbiev T. K.</i> The language of muteness: examining the work of Gazdanov and Salkazanova in Paris	100
<i>Bochaver S. Yu., Tereshko E. V.</i> What is a 'rare' language in translation? The experience of distance reading	112
INVITATION TO A DISCUSSION: SEMIOTICS VERSUS LINGUISTICS	
<i>Zimmerling A. V.</i> Really: syntactics without semiotics?	125

НЕПЕРЕВОД В КУЛЬТУРНЫХ СИСТЕМАХ: СТРАТЕГИИ И МЕХАНИЗМЫ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Тематический блок «Неперевод в культурных системах: стратегии и механизмы», рассматривает функционирование неперевода как знака, указывающего на аккомодацию культурных систем. Под культурной системой здесь понимается система, в которой по определенным правилам циркулирует информация (прежде всего языковая) и которая способна к самоорганизации, перестройке и изменению. Такие системы динамичны, способны к активному взаимодействию друг с другом, благодаря чему можно говорить об идущих в них процессах аккомодации, когда они приспосабливаются друг к другу, видоизменяясь в процессе такого приспособления. Концепция аккомодации культурных систем предполагает, что контактирующие культурные системы частично уподобляются друг другу или, напротив, вырабатывают новые различия. Это происходит в силу того, что они обладают способностью к самоорганизации, перестраиваясь под внешним воздействием. При этом любая культурная система оперирует языком, и потому исследование именно *языковых* механизмов аккомодации позволяет описать динамику взаимной перестройки систем и их последующей самоорганизации. Перевод здесь возникает как один из самых частых примеров культурной аккомодации, но если возможна ситуация перевода, то возможна и противоположная ситуация — *неперевода*, когда некоторые дискурсивные элементы оригинала по каким-то причинам не подвергаются аккомодации или должны избежать ее.

Один из частых вопросов, который регулярно возникал в теории перевода, особенно когда речь шла о переводе художественных и философских текстов, — эквивалентность перевода: насколько система одного языка, не только грамматическая, но и концептуальная, поддается передаче средствами другого языка. Отсюда следует и оперирование термином «непереводимость», определяющим то, что не поддается передаче в силу объективной разности языкового устройства или по какой-либо сложившейся культурной конвенции. Эта проблематика с особой остротой стояла в структуралистской теории перевода (ср. знаменитый пример Р. Якобсона с переводом слова «сыр» на разные языки). Не разрешенная вполне в рамках чистой лингвистики, эта проблема теперь во многом получает решение в новейших разработках на основе искусственного интеллекта и обучения нейросетей. По этой причине она остается за пределами внимания авторов статей этого блока.

Введение понятия и термина «неперевод» необходимо, чтобы противопоставить неперевод непереводимости. Если последняя подразумевает — вполне в духе структуралистской науки о переводе, — что

невозможность перевода тех или иных понятий или представлений — «дефект», пусть и неизбежный, любой переводческой деятельности, то неперевод сосредоточивается на том, что не все *должно* быть переводимым, а научная проблема состоит в том, почему те или иные дискурсивные единицы остаются без перевода и что это значит для теории перевода в целом. Отказ от перевода может быть вызван разными причинами — сакральностью текста, цензурными ограничениями, культурными различиями и, наконец, всеми этими факторами вместе. Понятый в подобном ключе *неперевод* представляет собой явление такое же древнее, как собственно перевод: от оставленных без перевода слов в Септуагинте (вроде слова *Саваоф*, множественного числа от слова «воинство») до новейших поэтических практик, где целые фразы на не самых распространенных языках приводятся без объяснений. Такие ситуации часто связаны с сакральностью обозначаемого объекта или, напротив, с цензурой, необходимостью сообщить истинный смысл только посвященным, а иногда — с желанием деавтоматизировать коммуникацию между текстом и читателем, заставить его «запнуться».

В качестве объектов исследования авторами статей были выбраны художественные (в основном поэтические) и философские тексты, возникающие при устном переводе ситуации невербальной коммуникации и практика автоперевода, осуществляемая авторами-билингвами. Так или иначе все авторы сталкиваются с тем, что оппозиция «перевод *vs* неперевод» соотносится как с многоязычным обликом текста, так и с проблемой культурной иерархии языков: часто в повседневных разговорах можно услышать о «красивых» языках, некоторые языки называют «простыми» или «сложными», говорят, хотя и реже, о «распространенных», «редких» или даже «экзотических» языках. Подобного рода эпитеты могут быть совершенно необоснованными с точки зрения лингвистики, но тем не менее они отражают те черты, которыми культурная система наделяет чужой язык, а, возможно, и стоящую за ним другую культурную систему.

Это может проявляться в разных ситуациях. Например, поэт-билингв переводит свои стихи на другой язык, частично или полностью принадлежащий к иной культурной системе (с китайского топонима *юи* на нормативный китайский *путунхуа* или с эрзянского на русский), оставляя ряд реалий и понятий без перевода или, напротив, замещая реалии и понятия, неизвестные за пределами культурной системы оригинала, какими-то другими, более распространенными. Или философ переводит другого философа, писавшего на классическом языке, греческом или латыни, и считает нужным оставить что-то без перевода, а что-то заменить описательным комментарием. Очевидно, в таких случаях речь идет не только о том, что какие-то элементы текста *поддаются* переводу, а какие-то нет, но о том, что не все такие элементы *необходимо* переводить. Неперевод в известном смысле настаивает на несамодостаточности переводного текста, на невозможности *полного* и *совершенного* перевода. На практике это приводит к разным следствиям: к тому, что перевод превращается в заведомо несамодостаточный комментарий к трудному оригиналу или, по крайней мере, в «подстрочник» (это часто

встречается в переводе поэзии с неевропейских языков на английский или французский); к тому, что переводчик сосредоточивается на процессуальности перевода, снова и снова возвращаясь к оригиналу и совершая всё новые попытки приблизиться к нему, отмечая возможность окончательного, «совершенного» или «полного» перевода (такое часто можно заметить, когда один философ переводит другого: результат такого перевода — продолжение мысли, а не какой-либо конечный продукт).

Весь этот круг проблем рассматривается в статьях блока на конкретных примерах. В фокусе внимания *Н. М. Азаровой* — стратегии перевода и неперевода у философов Мартина Хайдеггера, Алексея Фёдоровича Лосева и Хосе Ортеги-и-Гассета, которые, будучи современниками, часто обращались к близкому набору античных философских текстов, чтобы выработать на их основе собственное представление о том, что может и должно быть переведено. *В. З. Демьянков* анализирует, как обширные французские вставки в романе Л. Н. Толстого «Война и мир» передаются в переводах на французский же язык и к каким аккомодационным процессам приводит столкновение «русского французского» с «французским французским». *О. К. Ирисханова* рассматривает жесты, возникающие в процессе работы синхронного переводчика, как недискурсивные аналоги неперевода, имеющие определенную смысловую функцию. *К. М. Корчагин* обращается к судьбе образа нефти в русской поэзии XX века, показывая, как последний становится радикальным выражением логики неперевода. *Ю. А. Дрейзис* анализирует, как соотносится перевод и неперевод в творчестве поэтов-билингвов Китая и России. *А. Е. Масалов* обращается к нерепрезентирующей функции неперевода в современной поэзии. *Т. К. Салбиев* рассматривает ситуацию «ритуального молчания» в быте российских эмигрантов осетинского происхождения (на примере писателя Гайто Газданова), демонстрируя, что она — как и жесты переводчиков-синхронистов или специфические стратегии современной поэзии — может быть понята как аналог неперевода, свидетельствующий об аккомодации культурных систем. *Е. В. Терешко* и *С. Ю. Бочавер* применяют методологию дистанционного чтения, чтобы выяснить, какие языки оказываются языками «неперевода» в различных культурных системах. Обращаясь к данным о переводах на русский и голландский языки, авторы описывают, с каких языков переводят чаще или реже, а с каких не переводят совсем.

Приглашенные редакторы выпуска:

*Н. М. Азарова,
Институт языкознания РАН, Москва;
С. Ю. Бочавер,
Институт языкознания РАН, Москва;
К. М. Корчагин,
Институт языкознания РАН, Москва;
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва*

FOREWORD

The thematic issue "Non-translation in cultural systems: strategies and mechanisms" delves into the role of non-translation as an indicator of accommodation within cultural systems. In this context, a cultural system is understood as a dynamic system in which information, primarily linguistic, circulates according to specific rules, while also possessing the capacity for self-organisation, restructuring, and change. These systems actively interact with one another, resulting in ongoing processes of accommodation where they adapt to each other, leading to modifications during the process of adaptation. The notion of accommodating cultural systems suggests that interacting systems exhibit partial similarities or, conversely, develop differences as a result of their inherent ability to self-organize and readjust under external influence. Language plays a vital role within any cultural system, thereby investigating the *language* mechanisms of accommodation provides insights into the dynamics of mutual restructuring and subsequent self-organisation of these systems. Translation, within this context, emerges as a common example of cultural accommodation. However, if translation is a possibility, the reverse situation of *non-translation* is also conceivable, wherein certain elements of the original discourse, for various reasons, resist accommodation or deliberately avoid it.

The issue of translation equivalence is a recurring question in translation theory, particularly in the translation of literary and philosophical texts. It raises concerns about the extent to which the system of one language, encompassing both grammatical and conceptual aspects, can be effectively conveyed in another language. The term 'untranslatability' is employed to refer to elements that cannot be fully conveyed due to inherent differences in linguistic structure or established cultural conventions. Structuralist translation theory, as exemplified by Roman Jakobson's famous example of translating the word 'cheese' into various languages, grappled with this challenging issue. While unresolved within the realm of pure linguistics, recent advancements in artificial intelligence and neural network training have offered promising approaches to this problem. However, these developments lie beyond the scope of this thematic issue of the journal.

The introduction of the concept and term *non-translation* serves the purpose of establishing a contrast with *untranslatability*. While untranslatability, in accordance with the structuralist translation theory, views the impossibility of translating certain concepts or representations as an inherent defect in any translation endeavour, the notion of non-translation delves into the idea that not everything should or can be translated. It poses a scientific problem of understanding why certain discursive elements remain untranslated and the implications this holds for translation theory as a whole.

Non-translation can stem from various factors, including the preservation of textual sacredness, restrictions imposed by censorship, cultural disparities, or a combination thereof. The phenomenon of non-translation is as ancient as translation itself, spanning from untranslated words found in the Septuagint (such as 'Sabaoth', the plural form of Rus. 'voinstvo') to contemporary poetic practices where entire phrases in less common languages are left without explanations. Such instances are often associated with the sanctity attributed to the designated object or, conversely, censorship, the intention to convey true meaning exclusively to the initiated, and sometimes the aim of disrupting 'automatic' communication between the text and the reader, prompting the reader to pause and contemplate.

The authors of this issue selected literary (mostly poetic) and philosophical texts, situations of non-verbal communication that arise during interpretation, and the practice of self-translation done by bilingual authors as objects of study. In one way or another, all authors reflect on the opposition of 'translation vs. non-translation' in relation to both the multilingual nature of the text and the cultural hierarchy among languages. In everyday conversations, one can often hear about "beautiful" languages, some languages being called "simple" or "complex," and occasionally referring to languages as "common," "rare," or even "exotic." Such epithets may not be linguistically justified, but they reflect the characteristics with which a cultural system endows a foreign language and, possibly, the cultural system underlying it.

This can manifest in various situations. For example, a bilingual poet translates poems into another language that partially or fully belongs to a different cultural system (for instance, translating from Chinese topolect *Yue* to standard Chinese *Putonghua* or from Erzya to Russian), leaving certain realities and concepts untranslated or, conversely, replacing some realities and concepts unknown outside the original cultural system with more common ones. Similarly, a philosopher translates another philosopher who wrote in a classical language such as Greek or Latin, deeming it necessary to leave certain elements without translation while substituting others with a descriptive commentary. In such cases, it is evident that the issue at hand is not only about certain elements being translatable while others are not, but rather about the fact that *not all elements should be translated*. In a certain sense, non-translation emphasizes the insufficiency of the translated text and the impossibility of achieving a *complete* and *perfect* translation. In practice, this leads to various consequences: a translated text becomes an inherently insufficient commentary on the challenging original or, at the very least, a word-for-word translation (this is often observed in poetry translation from non-European languages into English or French); the translator focuses on the process of translation, repeatedly returning to the original and making new attempts to approach it, dismissing the possibility of a final, 'perfect', or 'complete' translation (this is often seen when one philosopher translates another, and the result becomes a continuation of thought rather than a translation).

These issues are explored in the articles of Slovo through specific examples. Natalia Azarova examines the strategies of translation and non-translation employed by contemporary philosophers, Martin Heidegger, Alexei Lo-

sev, and José Ortega y Gasset, who often referred to a set of ancient philosophical texts to develop their own understanding of what can and should be translated. Valery Demyankov analyzes how extensive French inserts in Leo Tolstoy's novel "War and Peace" are conveyed in translations into the French language and the accommodation processes resulting from the clash between 'Russian French' and 'French French'. Olga Iriskhanova explores gestures that arise in the process of simultaneous interpretation as non-discursive equivalents of non-translation, having specific semantic functions. Kirill Korchagin delves into the fate of the image of oil in 20th-century Russian poetry, illustrating how it becomes a radical expression of the logic of non-translation. Yulia Dreizis analyzes the relationship between translation and non-translation in the works of bilingual poets from China and Russia. Alexey Masalov examines the non-representational function of non-translation in contemporary poetry. Tamerlan Salbiev investigates of the phenomenon of 'ritual silence' experienced by Russian immigrants of Ossetian descent, specifically focusing on the case of writer Gaito Gazdanov. Through this analysis, Salbiev illustrates that ritual silence, akin to the gestures employed by simultaneous interpreters or particular strategies employed in contemporary poetry, can be regarded as an analogue of non-translation. This analogy serves to highlight the process of accommodation within cultural systems. Ekaterina Tereshko and Svetlana Bochaver employed the distant reading methodology to explore languages that assume the role of languages of 'non-translation' within diverse cultural systems. By examining translation data into both Russian and Dutch, the authors elucidated the frequency of translations from various languages, discerning those that are more frequently or less frequently translated, as well as those from which there are no translations at all.

Invited editors of the issue

Natalia M. Azarova

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Moscow

Svetlana Yu. Bochaver

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Moscow

Kirill M. Korchagin,

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Moscow;

*V. V. Vinogradov Russian Language Institute
of the Russian Academy of Sciences, Moscow*

НЕПЕРЕВОД И ПЕРЕВОД У ХАЙДЕГГЕРА, ЛОСЕВА И ОРТЕГИ-И-ГАССЕТА

Н. М. Азарова

Институт языкознания РАН
Россия, 125009, Москва, Большой Кисловский пер., 1 стр. 1
Поступила в редакцию 10.10.2022 г.
Принята к публикации 02.02.2023 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2023-3-1

Статья посвящена отношению М. Хайдеггера, А. Ф. Лосева и Х. Ортеги-и-Гассета к возможности и необходимости перевода философских текстов. Концепция неперевода – это признание невозможности адекватного воспроизведения философского текста на другом языке при сохранении его целостности. Особенно интересными для сопоставления представляются концепции и практики перевода / неперевода в работах, написанных в одно и то же время (1920–1940-е годы), в которых обнаруживается немало точек соприкосновения. Все три философа отрицают конвенциональный перевод, предлагая вместо этого мыслить все обыденные слова как философские понятия. Несмотря на то, что в результате подобного подхода текст может показаться противоречащим привычным нормам, философы настаивают на необходимости нарушения конвенции. Оппозиция перевод vs неперевод соотносится как с многоязычным обликом текста, так и с проблемой иерархии языков, а также с отношением к переводу чужих и своих текстов. Лосев и Хайдеггер используют технику ретроспективного перевода, подразумевающую этимологизацию или контекстуализацию текстов более древних, чем текст переводимый; этимологизацию (наряду с комментарием) понимает как способ переноса идеи в иную культурную систему и Ортега-и-Гассет, называвший человека «этимологическим животным». При интерпретирующем переводе Лосева чужие переводы или переводы на другие языки рассматриваются как интерпретации и превращаются в объект изучения. Если Хайдеггер неоднократно выступает с критикой понимания языка как коммуникации, а Ортега-и-Гассет занимает принципиально антикоммуникативную позицию, то у Лосева, напротив, на коммуникации сделан акцент. Лосев и Хайдеггер оперируют понятием ясности: первый последовательно идет к достижению максимальной ясности, используя апофатические техники отсечения нерелевантных интерпретаций значений, но ясность для него – это скорее пропедевтическая задача; второй не ставит задачу достижения ясности, а использует технику бесконечного прояснения. Оба подхода позволяют поставить вопрос, применим ли критерий научности к переводу философского текста.

Ключевые слова: Хайдеггер, Лосев, Ортега-и-Гассет, перевод философских текстов, неперевод

Тема «Лосев и перевод» или «Хайдеггер и перевод» традиционно рассматривается в ключе перевода текстов философов на разные языки, но нас будет интересовать ее обратная сторона – А. Ф. Лосев, Мартин

Хайдеггер и Хосе Ортега-и-Гассет как теоретики перевода¹. Особо интересными для сопоставления представляются концепции и практики перевода / неперевода в работах, которые были написаны в одно и то же время (1920–1950-е годы) и обнаруживают немало точек соприкосновения между их авторами — как философами и филологами-классиками одновременно. Процесс перевода наиболее полно описан Хайдеггером в работе «Der Spruch des Anaximander» («Изречение Анаксимандра»; 1946)², у Лосева — в «Диалектике числа у Плотина» (1928), у Ортеги-и-Гассета — в «El hombre y la gente» («Человек и люди»; 1949–1950).

Концепция *неперевода* — это признание невозможности адекватного воспроизведения философского текста на другом языке при сохранении его целостности. Так, и Лосев, и Хайдеггер отрицают *конвенционный* (словарный, принятый) перевод: для них обих перевод — это переход в другую культурную систему, где слова родного языка начинают звучать непривычно. Подобный перевод / неперевод должен быть осуществлен невзирая на то, насколько «насильственным», «неправильным», «неверным» он может показаться. Его можно назвать *непереводом* и потому, что он не всегда осуществляется между двумя языками, но иногда в рамках одного языка — *über-gesetzt*, а не *übersetzt*³ (Moore, 2016, p. 92). И если для Лосева переводить — это прежде всего «известным образом понимать и интерпретировать» (Бибихин, 2006, с. 943), то концепция перевода у Хайдеггера сводится к трем следующим положениям:

- метафизика отрывает язык от его истоков и реального содержания;
- задача философа — повернуть этот процесс обратно и привести язык к нему самому;
- такая операция становится возможной благодаря переводу, развивающему новую внимательность к родному языку.

Таким образом, перевод — это не только и не сколько перевод на другие языки; перевод философа философом — всегда перевод в другую культурную систему⁴, то есть «аккомодация». Например, Лосев ставит задачу «попытаться перевести [учение Плотина] на язык современ-

¹ Здесь нужно упомянуть обширную литературу о том, как переводить знаменитые хайдеггеровские термины *Dasein*, *Ereignis* и другие (De Gennaro, 2000; Maly, 2000; Groth, 2017).

² Некоторые мысли о языке в знаменитых работах 1950-х годов («Das Wesen der Sprache», «Der Weg zur Sprache», «Die Sprache») также имеют отношение, хотя и не прямое, к теме перевода.

³ *Über-gesetzt* — это хайдеггеровский неологизм, который не может быть адекватно переведен вне философского текста, однако формулу *über-gesetzt*, а не *übersetzt* очень приблизительно можно обозначить как «перепоставленное, а не переставленное», или «перепосаженное, а не пересаженное», или «перевнесенное, а не перенесенное», или «перепомещенное, а не перемещенное», хотя словарное значение *übersetzt* — это «переведенное».

⁴ См. также у С. Фокина: «философия перевода включает в себе историческое становление идеи перевода в тесной связи с идеей философии, как она развивается в той или иной национальной культуре» (Фокин, 2011, с. 214).

ного философского сознания» (Лосев, 1999, с. 825). Ключевое слово здесь — *современное*. Это движение осуществляется в две стороны: из Античности к современности и из современности к греческой классике. Ср. характерное высказывание Лосева: «Жалкое понимание структуры у теперешних. Шаумян среди них однако занят делом. Его порождающая модель взята из античности» (Бибихин, 2006, с. 22).

По Хайдеггеру, мы должны не переводить текст с языка на язык, а переводить само наше мышление, причем — на греческий. Перевод для него — это переход в иную культурную систему, и среди таковых именно греческая представляет собой рассвет, где Бытие *проявляет* (просвечивает) себя и заявляет о присутствии человека. «Поворот к языку» у Хайдеггера (1942)⁵ во многом пересекается со знаменитой поэтической функцией языка по Якобсону, и это отражается и в подходе к переводу. В то же время для Хайдеггера поэтическая функция языка в переводе не равна якобсоновской: перевод, по его мысли, осуществляет переход от *духа* одного языка к *духу* другого (Heidegger, 1950b), — высказывание, продолжающее гумбольдтовскую тему духа языка. Переместиться в дух другого языка — с точки зрения принятых современных переводоведческих терминов — значит отрицать доместикацию и одновременно избегать форенизации. Переводчик, отказываясь от привычных словарных значений, оказывается на сравнительно незнакомой территории.

Хосе Ортега-и-Гассет еще более, чем Хайдеггер, настаивает на сохранении «экзотического» характера философского или художественного текста в переводе (Ortega y Gasset, 2016). Испанский философ воспринимает перевод как долг одной цивилизации (или одной культурной системы) перед другой и в то же время в предисловии к переводу средневекового арабского автора Ибн Хазма декларирует невозможность перенесения «идеи» из одной культуры в другую (Ortega y Gasset, 1952, р. 13). Призывая покончить с чисто вербальной филологией в переводе, Ортега-и-Гассет предлагает переключиться на сам предмет (в случае Ибн Хазма — любовь) и то, как он функционирует в другой культурной системе. При этом различия в культурных системах, делающие невозможным конвенциональный перевод, он усматривает и в том, что в каждом традиционном сообществе говорящих складывается свое соотношение между «сказать» (*decir*) и «молчать» (*callar*), а «ничтожество» (*miseria*) перевода объясняется невозможностью ухватить и передать такие *сказать* и *молчать* оригинального текста (Ortega Arjonilla, 1998, р. 104).

В свою очередь Хайдеггер надеется сохранить исторический дух языка, понимая перевод не как отражение или узурпирование, а как творческую апроприацию, которая позволяет идти дальше вглубь как родного языка, так и языка оригинала. Идти вглубь — основная формула техники перевода Хайдеггера: он призывает к новой внимательности к языку, что подразумевает прежде всего возвращение переводчика к оригинальным смыслам родного языка. Инструментом этой операции

⁵ Работа «Der Ursprung des Kunstwerkes» («Исток художественного творения», 1935/36) знаменует поворот от логико-грамматического подхода к языку к пониманию языка как поэтического высказывания (Heidegger, 1950a).

служит этимологизация, которой уделял внимание и Ортега-и-Гассет, называя человека этимологическим животным. Таким образом, этимологизация выступает не только универсальным алгоритмом оригинального философского текста, но и универсальным алгоритмом перевода философов. Алгоритм Хайдеггера — кружение, углубление и возвращение, в том числе и в переводе. Алгоритм Лосева — последовательное отсечение ненужного, апофатическое продвижение, отшелушивание, в том числе и в переводе.

Несмотря на эту разницу, перевод и Лосева, и Хайдеггера можно назвать *ретроспективным*, подразумевающим этимологизацию или контекстуализацию древних текстов — более древних, чем переводимый. При таких подходах принципиальным становится выявление оригинального значения, а следовательно, заведомое преимущество в толковании получают наиболее древние тексты. С другой стороны, если воспринимать этимологизацию как перевод, то тогда перевод присутствует в абсолютном большинстве философских текстов (Азарова, 2010, с. 306). Историческая привилегия досократиков, по Хайдеггеру, состоит в отсутствии метафизической традиции, сейчас бы мы сказали, в отсутствии нагруженности сознания интертекстами. Язык гомеровской «Илиады» воплощает абсолютно не субъектный способ мышления, к которому стремится сам философ: преодоление метафизики требует возвращения к мысли досократиков, и это обеспечивает саму возможность перевода. Перевод, таким образом, становится ключом к продвижению в мысли и изменению направления современного мышления. Вектор перевода, по Лосеву, может быть направлен и в сторону последователей: «...у Плотина в зародыше и что приходится тут додумывать самому, то самое нашло последнее свое философское осознание и логическую формулу. Он [Прокл] договаривает Плотина и завершает его» (Лосев, 1999, с. 912).

Оппозиция *перевод vs неперевод* соотносится как с многоязычным обликом текста, поскольку целый ряд слов дается на двух и более языках, так и с проблемой иерархии языков. Для этимологизации нужно межъязыковое пространство, обращение к нескольким языкам, и перевод в таком случае уже не бинарен. Однако тема многообразия языков по отношению к переводу звучит скорее как тема иерархии языков. Характерная для античника любовь к двум языкам — греческому и родному — объединяет Хайдеггера и Лосева. Множественность не просто подразумевает иерархию — языки и культуры выстраиваются по критерию близости к Бытию, и этот критерий, конечно, обеспечивает превосходство древнегреческого: «...die Griechen von früh an das Sein des Seienden als die Anwesenheit des Anwesenden erfahren» (греки с самого раннего времени мыслили бытийствующее бытие как присутствие присутствующего) (Heidegger, 1976, S. 376). Для Лосева попытка вернуться к онтологическому мышлению греков служит критерием положительной оценки современной философской системы: «Ну вот только Владимир Соловьев. Он защищал тезис Чернышевского, что прекрасное это жизнь. Так же как греки, онтологично» (Бибихин, 2006, с. 23).

То, что греческий язык философский, то есть более пригоден для философского высказывания, не значит, что он максимально нагружен философской терминологией. Интересно сравнить позицию Лосева, Хайдеггера и Ортеги-и-Гассета как классиков по отношению к противопоставлению греческого и латыни. Греческий признается языком, дающим наибольшие возможности для мышления. Отсюда сокрушительные последствия перевода греческих философских понятий на латинский (романский), которые приводят к совершенно чуждому грекам способу мышления. По Хайдеггеру, буквальные переводы латинизировали греческую мысль, в латинских периодах уже не слышно греческого слова.

Лосев, однако, гораздо более лоялен к латыни. Во-первых, он допускает, что греческий текст может быть прекрасно переведен на латинский: «Огромный труд Фичино [1469], прекрасно переведшего всего Плотина на латинский язык и снабдившего свой перевод ценными примечаниями, всегда будет с благодарностью изучаем каждым исследователем Плотина» (Лосев, 1999, с. 827–828). Перевод с греческого на латинский, таким образом, не только возможен, но и может быть прекрасным.

В этом контексте интересны замечания Лосева о том, что он регулярно переводит на латынь и на греческий в качестве игры, отдыха или упражнения: «Когда мне не спится, я перевожу с русского на латынь и греческий. Что придется. Стихи, молитвы, разговоры... Когда переводим на латынь с аспирантами, то идут только стихи Пушкина, Лермонтова и Державина. “Я помню чудное мгновенье...” — это же и легче перевести. Это легче сказать по-латински, чем какую-нибудь тошнотворную гадость из Попова» (Бибихин, 2006, с. 130).

Перевод с классического языка ставит перед философом и филологом-классиком вопрос о внутренней иерархии языка переводимого текста и принимающего современного языка. Иными словами, это вопрос о том, существуют ли языки пригодные и непригодные для перевода ни них. Немецкий признавался Хайдеггером (а за ним Ортегой-и-Гассетом) языком, имеющим огромный философский потенциал. Стремясь доказать это, во «Введении в метафизику» Хайдеггер перечисляет те грамматические категории, которые присутствуют и в немецком, и греческом, но отсутствуют в других европейских языках. Утверждение превосходства одного языка над другим имеет прямое отношение к положению о непереводимости: иерархия языков делает принципиально непереводимым философский текст, написанный на «высшем» языке на условно «нефилософский» язык.

Преобразование родного языка и неприятие «словарного» перевода — основной пафос Лосева, который сближает его с и Хайдеггером, и с Ортегой-и-Гассетом. Для Лосева и Хайдеггера перевод — это прежде всего перевод *слов*, но не *словарный* перевод, а для Ортеги-и-Гассета любое привнесение теории эквивалентности в перевод приводит к заведомо отрицательному результату (Ortega Arjonilla, 1998). Согласно Лосеву, попытка поисков словарных эквивалентов не может быть успешной по определению: «В настоящем языке каждое слово имеет свою интона-

цию. В данном случае ты его так понимаешь, а потом наоборот. Перевод слова на логику — это вздор. Не верь этой логической редукции. Тут провал структурализма» (Бибихин, 2006, с. 98). Суть перевода состоит во внимательной интерпретации слов родного языка, а идеальный алгоритм перевода философского текста — мыслить все обыденные слова как философские термины: «Ум очищенный... Умный мир... Это слово *умный* надо нам как-то заменить. Конечно, у богословов оно принято. Но словоупотребление меняется. Сейчас *умный* значит хитрый. А чем заменить — не знаю» (Там же, с. 24).

Интерпретация на принимающем языке неизбежно приводит к созданию окказиональных слов, которые группируются в гнезда, и этот прием характерен как для Лосева, так и для Хайдеггера. Уже на основе перевода часто появляется новая категория, которая требует нового философского термина. Авторский неологизм мотивируется требованием точности, как например у Лосева: «Эйдос есть нечто неделимое целое. Тем не менее его вполне возможно рассматривать по отдельным частям и как бы *счислять*. Тогда потенциально — энергично — эйдетическое число, не теряя своей умности, превращается в то *αριθμητόν*. Это — не число, но нечто, принимающее форму числа, или, как я осмеливаюсь переводить, нечто *очисленное* <...> Итак, в сфере умности мы находим число и *очисленность*... — Что же происходит при переходе этой числовой и *очисленной умности*...» (Лосев, 1999, с. 886). В этом пассаже можно отметить не только блестящий корневой повтор, но и метаязыковое высказывание о переводе: «...сказать сосчитанное, вычисленное» — «не выражает того, что надо здесь Плотину». Заметим, надо Плотину, а не Лосеву, то есть правильный перевод нужен *оригиналу*: переводчик неизбежно апроприирует авторство, и такой подход более характерен для философа, а не для филолога.

Если у раннего Хайдеггера внимательность к языку приводит к изобретению новых терминов и понятий, то у среднего и позднего Хайдеггера — к обращению к первоначальному (оригинальному) содержанию языка. Для Хайдеггера в переводе очень важно разграничение между словами (*Worte*) и терминами (*Wörter*). Если мы считаем, что слово одного языка может быть адекватно передано словом другого, то есть может быть найден точный эквивалент, то мы вообще должны отказаться от такого занятия, как перевод, так как идея буквального перевода обречена на провал. При переводе важен иной тип многозначности, отличный многозначности словарных статей. Хотя словарь претендует на то, чтобы давать правильную информацию о значении слова, «такая правильность заслоняет понимание истинности того, что означает и может означать слово, когда мы задаем вопрос о пространстве сущего, воплощенной в слове» («diese Richtigkeit noch nicht die Einsicht in die Wahrheit dessen, was das Wort bedeutet und bedeuten kann, sofern wir dem im Wort genannten Wesensbereich nachfragen») (Heidegger, 1984, S. 75). Все словарные статьи и просто перечисление списка существующих значений оказываются нерелевантными. Хайдеггер заинтересован в сохранении многозначности, которая сопротивляется всем попыткам перевода, и это тоже своеобразная позиция неперевода. Он

стремится пролить свет на свой язык, найти способ говорить на своем языке в непривычном и неудобном виде. Хайдеггер здесь гораздо более радикален, чем Лосев, хотя движется по тому же пути.

Утверждение, что перевод заставляет пересмотреть отношение к родному языку близко Вальтеру Беньямину: если Хайдеггер делает акцент на истоках и основаниях родного языка, то Беньямин — на способности такого языка звучать непривычно, даже вызывающе непривычно (Беньямин, 2000). Хайдеггер развивает мысль Ницше о том, что нужно услышать язык, в том числе свой собственный, наострить слух. При этом слушать язык — не значит слушать разговорную речь, здесь речь идет именно о языке, а не о речи. Интересно, что можно слушать и письменный язык (например, поэзию) вплоть до того, чтобы слышать буквы, а не только звуки, отражая это в переводе. И у Лосева, и у Хайдеггера развит анаграмматический слух, что сказывается как в использовании звукописи как приема организации текста, так и в предпочтении тех или иных философских терминов, нередко связанных с именем автора.

Критерий «ясности» перевода и сам концепт ясности регулярно появляется в текстах обоих философов в связи с переводом. Телеология перевода, по Лосеву, состоит в стремлении довести понимание до «желанной ясности» (Лосев, 1999, с. 826): переводить только то, что понимаешь, — это его правило, и подход к пониманию должен быть аналитическим, *расчленяющим*. Ясность и связность (дискурсивность) Лосев относит к безоговорочным достоинствам текста, утверждая, что перевод должен быть яснее оригинала: «Философы мало заботились о том, чтобы мы их понимали» (Там же, с. 865).

Хайдеггер, в свою очередь, мыслит перевод как *пробуждение* или *прояснение*. Можно сказать, что в переводе он использует технику *бесконечного прояснения*. Постоянное возвращение к корням, все более глубокое откапывание, кружение и возвращение: мы должны понимать греков лучше, чем они понимают самих себя (Heidegger, 1976, S. 55). У Лосева это сформулировано не так смело, но внесение полной ясности в перевод и, соответственно, в текст он также считает вполне возможным. Хайдеггер идет от самого простого (обыденного) смысла, в котором мы можем понимать греческое слово, постепенно пролагая поэтапный путь вдумчивого перевода. Он обращает внимание на те точки, в которых перевод не соответствует вещам (бытию), буквально «слетает с петель».

Так, в «Изречении Анаксимандра» Хайдеггер приходит к необходимости переводить *Адikia* 'несправедливость' как «бес-порядок», *Un-Fug* (Heidegger, 1950b, S. 371–372), а рассматривая греческое *τισις* 'наказание', он отказывается от дословного перевода (*Strafe*), потому что он не отражает бытийного смысла слова, и предлагает переводить его как «принятие во внимание», «принятие к рассмотрению или учитыванию». Хайдеггер пользуется в переводе не только «странным» современным немецким, но и средневерхненемецким, из которого он заимствует, например, знаменитый термин *Ruoche* 'забота'. Слова Анаксимандра не будут говорить нам, если мы будем объяснять их чисто историческим или филологическим методом (Ibid., S. 372).

Лосев, в свою очередь, последовательно идет к достижению максимальной ясности, используя апофатические техники отсечения нерелевантных интерпретаций, но ясность здесь в том числе и пропедевтическая задача. Он допускает в переводе «страшные повторы. Как ощупывание в потемках» (Бибихин, 2006, с. 18), что можно сравнить со специфическим прояснением смысла слова у Хайдеггера. Здесь возникает проблема сохранения целостности текста, при наличии большого количества интерпретации и комментариев: «Я [Лосев] не буду пренебрегать никакими средствами для достижения полной ясности и связности мыслей этого трактата. Я разбиваю сложную мысль на мелкие звенья и слежу за ее малейшим движением» (Лосев, 1999, с. 828). По существу, это позиция неперевода: она утверждает несамодостаточность переводного текста.

В свою очередь Ортега-и-Гассет, критикуя структурализм, вводит терминологическую оппозицию *decir vs hablar* ('сказать' vs 'говорить'). Если *говорить* — это социокоммуникативный акт, основанный на принятых конвенциях, то *сказать* — всегда персональный акт, воплощающий интенцию субъекта. Каждое *сказать* погружено не столько в лингвистический, сколько в витальный контекст, предполагающий возможность грамматических девиаций, важность жестов и соотношения говорения и молчания. Поэтому каждое *сказать* недостаточно, то есть оно говорит меньше того, что хочет выразить, но одновременно каждое *сказать* избыточно, так как способно дать понять больше того, что полагается на чисто лингвистическом уровне. Традиционный перевод обречен на неудачу, потому что он экспликативен, адресован и основан на алгоритме перевода из режима *сказать* в режим *говорить*. Одним из средств воссоздания *сказать* оригинала и перенесения его в иную культурную систему могут быть комментарии, грамматические девиации и этимологизация. Ортега-и-Гассет, защищая неперевод в его противостоянии традиционному переводу, допускает и различные грамматические девиации, и многочисленные комментарии. В свою очередь Лосев признает комментированный перевод заведомо более удачным, чем некомментированный; ср. характерное утверждение: «Не везло трактату VI и в смысле переводов, тем более комментированных» (Там же, с. 827–828). Характерная особенность комментариев Лосева — комментарии до перевода, а не после — перевод выступает своеобразным «приложением» к комментариям: свой перевод он называет «интерпретирующим» (Там же, с. 943). Но и у Хайдеггера утверждается, что любой перевод должен быть интерпретацией, особенно если речь идет о мертвых языках.

Позиция неперевода — это отсутствие веры в возможность существования целостного переводного текста для трудных авторов. В какой-то мере такая позиция характерна для молодого автора: когда речь идет «о непереуведенном и почти забытом философе, то изложение в общем не может не оказаться пестрым. Этот путь, однако, избираю я [Лосев] сознательно...» (Там же, с. 829); «Я [Лосев] ставил своим принципом сделать текст Плотина во что бы то ни стало ясным, даже ценою

привнесения в текст моих собственных дополнений, пояснений, толкований и резюме» (Там же, с. 943). Отсюда неизбежно обилие квадратных скобок, которые эксплицитно достраивают текст, что в свою очередь можно сравнить с традицией переводов и издания мистических текстов, например каббалистической книги Зогар на испанский язык, где текст также существенным образом достроен. Приведем характерный пример: «Нужно идти [при переходе от одного к другому] к одному и [затем] переходить к другому одному и [тем] создавать два и создавать также и еще иное в отношении нас» (Там же, с. 875). Лосев несколько раз возвращается к оправданию приема квадратных скобок: «Тексту Плотина это несколько не вредит, потому что все принадлежащее в тексте лично мне я заключаю в квадратные скобки, так что, кому не угоден я в качестве комментатора и интерпретатора, тот может остаться только с одним Платином... Я же три четверти своего труда положил на эти вот квадратные скобки...» (Там же, с. 943).

Обратим внимание на еще одну особенность форматирования переводов Лосева: «...текст передается в расчлененном виде — так, что новая мысль начинается и с новой строки, и подчиненные мысли отмечаются как таковые особыми обозначениями» (Там же, с. 942–943). Здесь интересно не столько деление на главное и второстепенное, то есть та аналитика, о которой уже шла речь, а возникающий в результате подобного членения своеобразный ритм, создающий звучание близкое к поэтическому.

Возвращаясь к проблеме многоязычия и иерархии языков, можно поставить вопрос об отношении к чужим переводам. Эта проблематика в большей мере касается Лосева, чем Хайдеггера или Ортеги-и-Гассета: сюда относится и критика переводов — как философских, так и поэтических: «Говорили о романтиках. О переводах. В переводах Пастернака только половина Шекспира и Гёте передана» (Бибихин, 2006, с. 144); «Аверинцев в четырехтомнике Платона перевел “Тимея”. Отсебятины много. Ведь он тоже модернист и декадент... У Аверинцева в переводе “Тимея” столько отсебятины, что это граничит с ошибками. Он путал $\gamma\iota\upsilon\nu\omicron\rho\alpha\iota$ и $\gamma\epsilon\nu\nu\acute{\alpha}\omega$ — $\gamma\iota\upsilon\nu\omicron\rho\alpha\iota$ ‘становлюсь’, $\gamma\epsilon\nu\nu\acute{\alpha}\omega$ ‘порождаю’. Что из того, что если соблюдать это различие, то у Платона появляется противоречие? Пусть! Я в статье по “Тимею” на все эти противоречия указал» (Там же, с. 99). С другой стороны, переводы на разные языки, по Лосеву, входят в обязательную историю интерпретации текста — вспомним уже упомянутый выше «огромный труд Фичино» по переводу Плотина, а также «французский перевод Буйе (*Bouillet*), изучать который доставляет прямое наслаждение» (Лосев, 1999, с. 827–828).

В желании Лосева «изучать перевод» можно видеть подход, близкий к билингвальному мышлению о переводе у современных лингвистов. В то же время этот тип перевода — перевод как изучение и достижение ясности — можно назвать аналитическим, свойственным именно научному переводу: другими словами, здесь Лосев позиционирует себя как филолог и историк философии. Переводы предшественников, в том числе старые, должны стать предметом изучения последующих пере-

водчиков: Лосеву небезразлично и время перевода («Фичино в XV веке, Буйе и Мюллер в XIX веке и я — в XX веке» (Лосев, 1999, с. 828)), а это свидетельствует не только об историческом подходе, оценке прошлых переводов и выстраивании линии предшественников, но и о том, что каждое время требует своего перевода — оригинал «возрастает» от количества хороших переводов (Азарова, 2021, с. 322).

Хайдеггер неоднократно выступает с критикой понимания языка как коммуникации, а Ортега-и-Гассет в своей теории «говорить и сказать» критикует традиционный перевод из *сказать* в *говорить* как перевод, подчиненный некому коммуникативному алгоритму. Если он, как и Хайдеггер, занимает в теории перевода жестко антикоммуникативную позицию, то Лосев, напротив, делает акцент на коммуникации, адресованности перевода: «...надеюсь, и образованный читатель оценит трудности перевода и интерпретации и разделит со мной радость по поводу достижения ясности» (Лосев, 1999, с. 829). Адресат перевода Лосева — читатель, поставленный в позицию ученика, поэтому типичная конструкция в тексте Лосева — научное или пропедевтическое *мы*: «Мы нашли подлинную сферу зарождения числа и определили в этой сфере его подлинное место, и нигде нам не понадобилось прибегнуть к помощи психологизма и субъективизма» (Там же, с. 875). О пропедевтике и практически-коммуникативной телеологии перевода говорит и лосевская конструкция «пользуясь переводом» (Там же, с. 943). Вряд ли Хайдеггер считает возможным *пользоваться* переводом — его подход к переводу автокоммуникативен.

Применим ли критерий научности при характеристике или оценке перевода? Так как перевод Лосева адресован, коммуникативен, он предполагает оценку экспертов и читателей: «Плотин труден и в смысле терминологии, и в смысле широкого и многостороннего потока философской прозы, и в смысле краткости и отрывочности выражения.... Все это должно быть принято во внимание при оценке моих переводческих достижений» (Там же, с. 942). Лосев противопоставляет свой перевод «стереотипному корректному переводу» (Там же), имея в виду грамматически корректный перевод, сохраняющий целостность текста, в том числе количественную. Несмотря на аналитизм перевода, его коммуникативность и адресованность, Лосев настаивает, что это скорее философский, а не филологический перевод: «Отсюда единственная моя претензия сводится к тому, что мой перевод кажется мне философски точным, то есть он адекватно передает мысли философа и их логическую связь. А есть ли тут филологическая точность, это должно иметь второстепенное значение, хотя я не пренебрегал и ею» (Там же, с. 943).

Хайдеггер еще более радикален: перевод должен быть осуществлен невзирая на то, насколько «насильственным», «неправильным», «неверным» он может показаться тем, кто ожидает привычного (словарного) перевода (Moore, 2016, р. 247–248). У Лосева можно увидеть некоторую аналогию в объяснениях количественного несоответствия текста повторов, брошенных фраз и так далее. Ортега-и-Гассет говорит, что перевод допускает такую форму, которая «будет некрасивой, которая не будет претендовать на литературный успех», это текст, который

«будет нелегко читать, но который будет очень ясным, хотя бы эта ясность и требовала огромного количества примечаний в конце страницы» (Ortega Arjonilla, 1998, p. 113). По Хайдеггеру, подобный перевод не может быть оправдан или доказан научно, и за доказательством его верности мы не можем обратиться к каким-либо авторитетам. Заставляя язык говорить, Хайдеггер привносит в перевод своеобразный языковой мистицизм, но это не мистика в бытовом смысле слова: по Хайдеггеру, идеальный философский перевод не может быть научным — он должен быть неправильным, не находимым в привычном словарном алгоритме, но при этом верным. *Неправильный, но верный* — прекрасная формула для неперевода.

Идея неперевода проявляется и в том, что хороший перевод не достижим с первой попытки: переводчик должен постоянно возвращаться к оригиналу, возобновляя процесс перевода снова и снова. Интересно, что, несмотря на утверждение о невозможности адекватного перевода, Ортега-и-Гассет призывает переводчиков не отказываться от перевода, но, напротив, совершать все новые его попытки. Для Хайдеггера перевод — это творческая апроприация, у Лосева — то же, но в гораздо меньшей степени, но и у того, и у другого перевод представляется бесконечным, повторяющимся процессом: «Переводить Аристотеля трудно. Я [Лосев], например, переводил 13 и 14 главы “Метафизики”. Сейчас смотрю и думаю: как я скверно переводил! Не знал того, что знаю сейчас... Я [Лосев] свои первые переводы ценю очень низко. Сейчас бы я совсем иначе переводил всё» (Биbihин, 2006, с. 100).

Наконец, для Хайдеггера перевод — не техническая задача результативного перевода с языка на язык, а своеобразный вид медитации, дающий возможность переводчику находиться в своего рода «межъязыковом» пространстве. Он считает, что мы должны начинать переводить несмотря на то, насколько неверной нам кажется первая попытка перевода, и совершать множественные подходы к переводу спустя какое-то время. Для философов перевод — это *неперевод*, и результат такого перевода — продолжение мысли, а не какой-либо конечный продукт.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №19-18-00429) в Институте языкознания РАН.

Список литературы

Азарова Н.М. Язык философии и язык поэзии — движение навстречу (грамматика, лексика, текст). М., 2010.

Азарова Н.М. Поэзия Ду Фу и стратегия современного поэтического перевода // Ду Фу. Проект Наталии Азаровой ; пер. с кит. М., 2021.

Беньямин В. Задача переводчика, 1923 // Беньямин В. Озарения / пер. Н.М. Берновской, Ю.А. Данилова, С.А. Ромашко. М., 2000. С. 46—57.

Биbihин В.В. Алексей Федорович Лосев. Сергей Сергеевич Аверинцев. М., 2006.

Лосев А.Ф. Самое само. М., 1999.

Фокин С.М. Перевод как незадача русской философии: Шестов, Бахтин, Подорога... Пушкин // Логос. 2011. №5-6. С. 212—236.

De Gennaro I. Heidegger on Translation – Translating Heidegger // *Phänomenologische Forschungen*. 2000. Vol. 5, №1. P. 3–22.

Groth M. Translating Heidegger. Toronto : University of Toronto Press, 2017.

Heidegger M. Der Ursprung des Kunstwerkes (1935/36) // Heidegger M. Holzwege. Frankfurt a/M, 1950a. S. 1–74.

Heidegger M. Der Spruch des Anaximander (1946) // Heidegger M. Holzwege. Frankfurt a/M, 1950b. S. 321–373.

Heidegger M. Einleitung zu «Was ist Metaphysik» // Heidegger M. Gesamtausgabe. I. Abteilung: Veröffentlichte Schriften 1914–1970. Bd. 9. Wegmarken. Frankfurt a/M, 1976.

Heidegger M. Hölderlins Hymne «Der Ister» // Heidegger M. Gesamtausgabe. II: Vorlesungen 1923–1944. Bd. 53. Frankfurt a/M, 1984.

Maly K. Translating Heidegger's Works into English: The History and the Possibility // Heidegger Studies. 2000. Vol. 16. Being-historical Thinking and Fundamental Ontology: Greek Tradition in and beyond Modern Physics. P. 115–138.

Moore M.A. Heidegger's Attentiveness to Language: A Question of Translation and «Original Contents». Annandale-on-Hudson, 2016.

Ortega Arjonilla E. El legado de Ortega y Gasset a la teoría de la traducción en España // La traducción en torno al 98 / ed. R. Martín-Gaitero. Madrid, 1998. P. 101–116.

Ortega y Gasset J. Prologo // Ibn Hazm. El collar de la paloma. Tratado sobre el amor y los amantes / trad. del arabe por E. García Gómez. Madrid, 1952.

Ortega y Gasset J. El hombre y la gente. Madrid, 2016.

Об авторе

Наталья Михайловна Азарова, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора теоретического языкознания, Институт языкознания РАН, Москва, Россия.

E-mail: natazarova@iling-ran.ru

ORCID: 0000-0003-0168-3280

Для цитирования:

Азарова Н.М. Неперевод и перевод у Хайдеггера, Лосева и Ортеги-и-Гассета // Слово.ру: балтийский акцент. 2023. Т. 14, №3. С. 12–25. doi: 10.5922/2225-5346-2023-3-1.

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

NON-TRANSLATION AND TRANSLATION IN HEIDEGGER, LOSEV, AND ORTEGA Y GASSET

N. M. Azarova

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences,
1 str. 1, Bol'shoy Koslovskiy per., Moscow, 125009, Russia

Submitted on October 10, 2022

Accepted on February 02, 2023

doi: 10.5922/2225-5346-2023-3-1

The article examines the ideas of Heidegger, Losev, and Ortega y Gasset regarding the possibility and necessity of translating philosophical texts. The concept of non-translation is an acknowledgment of the impossibility of adequately reproducing a philosophical text in

another language while preserving its integrity. Particularly interesting for comparison are the concepts and practices of translation/non-translation found in works written during the same period (1920–1940s), which reveal numerous points of contact. All three philosophers reject conventional translation, proposing instead to consider ordinary words as philosophical terms. Despite the fact that such an approach may make the text appear contradictory to familiar norms, the philosophers insist on the necessity of violating convention. The opposition of translation vs non-translation is related to the multilingual nature of the text, as well as to the problem of language hierarchy and the attitude towards translating others' and one's own texts. Losev and Heidegger employ the technique of retrospective translation, which involves etymologizing or contextualizing texts that are older than the translated text. Etymologization (alongside commentary) is seen as a way to transfer ideas into a different cultural system, and Ortega y Gasset refers to humans as "etymological animals". In Losev's interpretive translation, foreign translations or translations into other languages are viewed as interpretations and become objects of study. While Heidegger repeatedly criticizes the understanding of language as communication, and Ortega y Gasset takes a fundamentally anti-communicative position, Losev, on the contrary, emphasizes communication. Losev and Heidegger operate with the concept of clarity: the former consistently strives for maximum clarity by using apophatic techniques to eliminate irrelevant interpretations of meanings, but clarity is more of a propaedeutic task; the latter does not aim for clarity but utilizes the technique of infinite clarification. Both approaches raise the question of whether the criterion of scientificity is applicable to the translation of philosophical texts.

Keywords: Heidegger, Losev, Ortega y Gasset, translation of philosophical texts, non-translation

The present study was carried out at the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences with the financial support of the Russian Science Foundation, project no. 19-18-00429.

References

Azarova, N. M., 2010. *Yazyk filosofii i yazyk poezii – doizhenie navstrechu* (grammatika, leksika, tekst) [The language of philosophy and the language of poetry – a movement towards]. Moscow (in Russ.).

Azarova, N. M., 2021. Du Fu's poetry and strategies of modern translation of poetry. In: *Du Fu. Proekt Natalii Azarovo* [Du Fu. Natalia Azarova's project]. Moscow (in Russ.).

Benjamin, W., 2000. The task of a translator (1923). In: W. Benjamin, ed. *Ozareniya* [Insights]. Moscow, pp. 46–57 (in Russ.).

Bibikhin, V. V., 2016. *Aleksei Fedorovich Losev. Sergey Sergeevich Averintsev*. Moscow (in Russ.).

De Gennaro, I., 2000. Heidegger on Translation – Translating Heidegger. *Phänomenologische Forschungen*, 5 (1), pp. 3–22.

Fokin, S. M., 2011. Translation as a failure of Russian philosophy: Shestov, Bakhtin, Podoroga... Pushkin. *Logos*, 5–6 (84), pp. 212–236 (in Russ.).

Groth, M., 2017. *Translating Heidegger*. Toronto.

Heidegger, M., 1950a. Der Ursprung des Kunstwerkes (1935/36). In: M. Heidegger, ed. *Holzwege*. Frankfurt a/M, pp. 1–74.

Heidegger, M., 1950b. Der Spruch des Anaximander (1946). In: M. Heidegger, ed. *Holzwege*. Frankfurt a/M, pp. 321–373.

Heidegger, M., 1976. Einleitung zu «Was ist Metaphysik». In: M. Heidegger, ed. *Gesamtausgabe. I. Abteilung: Veröffentlichte Schriften 1914–1970*. Vol. 9. Wegmarken. Frankfurt a/M.

Heidegger, M., 1984. Hölderlins Hymne «Der Ister». In: M. Heidegger, ed. *Gesamtausgabe. II: Vorlesungen 1923 – 1944*. Vol. 53. Frankfurt a/M.

Losev, A.F., 1999. *Samoe samo* [Selfish selfhood]. Moscow (in Russ.).

Maly, K., 2000. Translating Heidegger's Works into English: The History and the Possibility. *Heidegger Studies*, 16. Being-historical Thinking and Fundamental Ontology: Greek Tradition in and beyond Modern Physics, pp. 115–138.

Moore, M. A., 2016. *Heidegger's Attentiveness to Language: A Question of Translation and «Original Contents»*. Annandale-on-Hudson.

Ortega Arjonilla, E., 1998. El legado de Ortega y Gasset a la teoría de la traducción en España. In: *La traducción en torno al 98*. Madrid, pp. 101–116.

Ortega y Gasset, J., 1952. Prologo. In: Ibn Hāz̄m, ed. *El collar de la paloma. Tratado sobre el amor y los amantes*. Madrid.

Ortega y Gasset, J., 2016. *El hombre y la gente*. Madrid.

The author

Dr Natalia M. Azarova, Professor, Leading Researcher, the Department of Theoretical Linguistics, the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

E-mail: natazarova@iling-ran.ru

ORCID: 0000-0003-0168-3280

To cite this article:

Azarova, N.M., 2023, Non-translation and translation in Heidegger, Losev, and Ortega y Gasset, *Slovo.ru: Baltic accent*, Vol. 14, no. 3, pp. 12–25. doi: 10.5922/2225-5346-2023-3-1.

ПЕРЕВОД КАК ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ВОЗМОЖНЫМ И НЕВОЗМОЖНЫМ МИРАМ

В. З. Демьянков

Институт языкознания РАН
Россия, 125009, Москва, Большой Кисловский пер., 1, стр. 1
Поступила в редакцию 10.10.2022 г.
Принята к публикации 02.02.2023 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2023-3-2

Перевод рассматривается под углом зрения семантики возможных миров. Целью данного исследования является установление возможностей образа путешествия по мирам в переводческой практике. Особое внимание уделяется случаям расхождения между миром оригинального текста и миром переводного текста. Например, когда в тексте перевода субъонктивные формы, обязательные в языке оригинала (во французском), приходится заменять формами индикатива, более обычными в целевом языке (например, в русском). Внешне это выглядит как трансформация высказывания о возможном в высказывание о действительном. Анализируются техники передачи французских вставок, в большом количестве присутствующих в русском оригинале романа Л. Н. Толстого «Война и мир», на целевой (французский же) язык во французском издании. Показывается, что понятие «переводимость языка» в постулате о взаимопереводимости языков не совпадает с понятием «переводимость текста», имеющим градуальный характер и зависящим от внешних и внутренних функций адаптации текста в различных культурах контекстуализации – традициях, модах и т.п. Представление о переводе как о путешествии по мирам включает и разграничение между сиюминутным представлением о реальных мирах автора оригинала, переводчика и адресата переводного текста в их социокультурной данности.

Ключевые слова: перевод, семантика возможных миров, субъонктив в романских языках, сослагательное наклонение, контрастивный анализ языков

1. Введение. Переводимость языка и текста

Метафора возможного мира, выстраиваемого по ходу продуцирования и / или понимания речи, как известно (Демьянков, 2021), реализована в большом количестве исследований – и в философской логике, и в лингвистических описаниях. Этот образ неплохо отражает и переводческую деятельность. В философии языка к незыблемым относят постулат о переводимости в различных редакциях, напр.: «любой естественный человеческий язык может быть переведен на любой другой человеческий язык» (any natural human language can be translated into any other human language (Osgood, 1980, p. 14)). При этом имеется в виду язык как набор элементов, из которых строятся тексты. Грамматические, лексические и другие (скажем, коммуникативно-прагматические) описания таких «языковых запасов», пусть и не «родных», устроены так, чтобы быть понятными для «неносителей» этого языка. В этом-то и

состоит «переводимость языка». На принципиальной взаимопереводимости языков, обладающих абсолютно различными структурами, основана критика теории «лингвистической относительности»: живя в различных мирах, носители таких языков испытывают затруднения, говоря и понимая высказывания на другом языке, однако трудности эти преодолимы, пусть и не прямым путем (Kienpointner, 1998, S. 90).

Переводимость же текстов варьируется: конкретные речевые произведения (тексты, дискурсы и т. п.) с разной степенью легкости поддаются переводу с языка на язык (Code, 1980, p. 245); иногда с большим трудом, доводящим добросовестного переводчика (знающего цену слову на исходном и на целевом языке) до изнеможения и отчаяния, отчего слабодушные опускают руки и останавливаются на «буквальном переводе», на чем-то вроде глоссы-подстрочника. Пара «оригинал + перевод» образует «несинтагматичное» отношение интертекстуальности, привносящей свои оценки и текстов, и «миров», ими «порождаемых» в читателе (Krause, 1999, S. 66).

Итак, *переводимость текстов* и *переводимость языков* — вещи разные, но между собой связанные. Переводческий навык — умение интерпретировать речь и выражать ее смысл «другими словами» и на другом языке — опирается не только на языковые, но и на энциклопедические знания (Delisle, 1984, p. 236), что является причиной таких характеристик перевода, как «многовариантность, неопределенность (недоопределенность), относительность, неполнота (неполная переводимость), дополнительность и контекстуализм» (Золян, 2019, с. 194).

Не следует думать, что эти и подобные несовершенства перевода — следствие только недосмотра в потоке жизненной суеты нашего времени. Высокообразованный Цицерон, на латыни цитируя греческих авторов, иногда даже и не стремился к полной адекватности перевода в нынешнем смысле, выучка и идеалы перевода у него были своими, а представления о переводческой корректности — далекими от сегодняшних (Powell, 1995, p. 274). Да и в наше время нет единства мнений, например, о том, как реагировать в переводе на ошибки, нелогичности, оговорки и т. п., допущенные в оригинале: «этические кодексы» разных школ перевода требуют различной степени дистанцирования (иногда нулевой, а иногда полной) от автора оригинала (Newmark, 1996, S. 37–40). «Верность перевода» представляется результатом различных составляющих функций (Nord, 1997, S. 57). Например, фатическая функция перевода реализуется привычностью, «конвенциональностью» формы; референциальная функция — возможностью идентифицировать называемые в тексте предметы и людей; экспрессивная функция — непротиворечием систем ценностей, заложенных в исходном и в переводном текстах; апеллятивная функция — контактом с теми, кому предназначен перевод. При таком функциональном подходе важны интересы адресата (Hönig, 1995, S. 7): не человек для перевода, а перевод для человека. Далее попытаемся рассмотреть понятие (не)переводимости под углом зрения семантики возможных миров (в продолжение очерка этой концепции, данного в работе (Демьянков, 2021)).

2. Перевод как путешествие

Нейрат (Neurath, 1932) в свое время уподоблял науку кораблю, находящемуся в постоянном состоянии перестройки: он остается на плаву, в то время как одни детали постоянно заменяются на другие. Интересный и важный для философии науки комментарий по этому поводу см.: (Quine, 1960, p. 3). При такой трактовке переводчики — кто на лайнере, кто на моторке, а кто на надувной лодке (сообразно интеллекту и честолюбию) — объезжают текст как «возможный мир», по пути обновляя инструментарий перевода и показывая читателю другой «возможный мир», мир переводной версии исходного текста. Когда С. Рушди говорит о мигрантах, переселившихся из другой цивилизации в Англию, как о «переведенных людях», он имеет в виду именно переход из одного мира в другой («Having been borne across the world, we are *translated men*. It is normally supposed that something always gets lost in translation; I cling, obstinately, to the notion that something can also be gained» (Rushdie, 2012, p. 17). От этого возникает «транснация» (*transnation*), подобно «трансгендеру» (Trivedi, 2009, p. 33).

Такой перевод напоминает путешествие на корабле по заданным мирам, когда на борту остаются на добрую память высушенные образцы экзотичных культур и натур, найденные на чужих островах и достойно украшающие домашнюю кунсткамеру переводчика (Allen, Bernofsky, 2013, p. XVI). Изучая накопленное и описывая впечатления о чужих мирах, выбирают различный прищур глаз, наклон головы, оптику микроскопа... Варьируется и передаваемая переводчиком картина, «оптика» миров. Скажем, когда в переводе речь идет о всего лишь возможном, воображаемом, прекрасном мире, а в оригинале — о реальном и добротном, но покосившемся на бок. Или, наоборот, когда оригинал значительно мечтательнее перевода, а миры подает в пелене несбыточных желаний. Но с какого момента следует считать этот корабль и переводной мир, построенный на его борту, полностью «переведенными»? И как последовательность замен зависит от контекстной обусловленности «частей» исходного и целевого языков?

3. Выбор переводного эквивалента

Выбор переводного эквивалента происходит с учетом окружающего контекста: не любой буквальный эквивалент уместен в рамках целого высказывания, не любое переведенное лько годится в любую строку перевода. Так, *schön* по-немецки обладает своими ограничениями и свободами сочетания с другими единицами языка, с которыми русский эквивалент *красивый* далеко не всегда уместен: ср. *eine schöne Summe Geld* (букв. «красивая сумма денег») и *солидная сумма денег*.

Русскому *нет* иногда лучше соответствует немецкая или английская единица с буквальным значением «да», чем «нет», и наоборот: это зависит от того, какие части переводимого текста следует подчеркнуть,

«динамизировать» (Демьянков, 2006). Так, реплике «*He ain't down here!*» Parsons called back (J. London, «The Sea Wolf», 1904) в переводе закономерно соответствует: «*Его здесь нету!*» – отозвался Парсонс (Дж. Лондон, «Морской волк», пер. З. Вершининой, 1929). Но в ответной фразе по-английски там же читаем: «*Yes, he is,*» I said, sliding out of the bunk and striving my hardest to keep my voice steady and bold, что в том же переводческом исполнении звучит не с *да*, а с *нет*: «*Нет, я здесь,*» – сказал я, спрыгивая с койки и стараясь придать своему голосу такое выражение, точно ничего и не случилось. Буквальное *Да, я здесь* в этом контексте тоже было бы грамматически правильно, но аутистично.

Итак, понятия по-разному реализованы, или «контекстуализированы», в различных культурах (Riffaterre, 1995, p. 68), а сохранение в переводе связей между понятиями в рамках «концептуальной структуры» оказывается проблематичным с самого начала (Jackendoff, 2010, p. 7) и вряд ли достижимо в полном объеме. Иначе говоря, языки сами по себе гарантируют взаимопереводимость, но тексты переводимы только в определенной степени. Подобно советскому рублю: его стоимость гарантирована была всем золотым запасом государства, но купить на этот рубль можно было только избранные товары, да и те (в условиях инфляции и товарного дефицита) с большим трудом. Высшую же степень трудности можно назвать непереваемостью текста, а не языка. Английскому *yes* в русском языке стандартно соответствует *да*, но в русских текстах, как и в пунктах обмена валюты («обмена валютами», – любил говорить Ю. С. Степанов), переводиться оно иногда может, при конъюнктурном соотношении возможного мира с реальным, как *нет*.

«Непереводимость» в специальной литературе – термин далеко не новый, а самой проблеме посвящена большая и очень интересная литература, дающая советы, как в типовых трудных случаях с помощью перевода достучаться до сердца потенциального адресата и какими переводческими «гвоздями» прибавать к кораблю дощечки, чтобы те не оторвались при первом же неловком движении неуклюжего читателя. Постулат переводимости языка просто подбадривает: «Держись, переводчик, крепись, переводчик! Победа будет за нами! Перевод, пусть и неказистый, гарантирован!» Успокоенный переводчик как может минимизирует шероховатости и в переводной мир грузит откровенную отсебятину только в отчаянии, от усталости или по неведению.

Особый случай представляет собой передача атмосферы доверия или недоверия к реальному или фантастичному миру переводимого текста. Об этом «установочном» измерении сигнализируют предикаты (со)мнения в романских языках, когда (в атмосфере «недоверчивости») основной предикат должен быть в особом наклонении – в «субъюнктиве». По-русски же в таких случаях сослагательное наклонение как отдаленный аналог субъюнктива не обязателен, а порой даже невозможен (Демьянков, 2021). Большим мастерам слова нарушение этого правила, впрочем, прощают, ср. галлицизм *Боюсь: брусничная вода / Мне не наделала б вреда* (А. С. Пушкин, «Евгений Онегин», глава 3, 1823–1831), в пушкинском произведении не замечаемый, при индикативе в нормальном русском *Боюсь: брусничная вода мне наделает вреда*.

Другой пример: по-английски и по-немецки после глагола возможности (*may, can*) допустимы наречия типа *possibly* «возможно», *probably* «вероятно», которые по-русски звучат более чем избыточно, ср. английское *may impossibly*, немецкое *kann unmöglich* и их неудачливый и неграмматичный русский эквивалент *может невозможно* (Демьянков, 2022).

Когда несоответствие или неполное соответствие перевода оригиналу становится неизбежным, храбрый переводчик открыто и мужественно капитулирует, ср.: *Шишков, прости: не знаю, как перевести* (А. С. Пушкин, «Евгений Онегин»). Так появляются варваризмы типа *хайли лайкли*, уместные в оригинальном макароническом и / или пародийном стиле исполнения, но не в собственно тексте перевода, где они воспринимались бы как переводческая лень. Переводчик, демонстрируя трудолюбие, выходит за пределы насиженной палубы своего корабля, за пределы своего привычного мира, чтобы минимизировать смысловые потери. Например, в скобках указывает, как это было в оригинале или оставляет имена собственные в оригинальном описании (особенно часто в текстах по медицине), указывая, что мы имеем дело с *rigid designators*, которых, не дай бог, коснется неумелая чужая рука.

4. Когда перевод избыточен

Приведем пример текста, не нуждающегося в переводе, но все-таки переведенного упрямым и трогательно-совестливым переводчиком. Все мы помним, чем начинается роман «Война и мир» Л. Н. Толстого: первые реплики Анны Павловны Шерер были аппетитно поданы по-французски и вдохновили многие поколения россиян на изучение французского языка: «Eh bien, mon prince. Gènes et Lucques ne sont plus que des arpanages, des поместья, de la famille Buonaparte. Non, je vous préviens, que si vous ne me dites pas, que nous avons la guerre, si vous vous permettez encore de pallier toutes les infamies, toutes les atrocités de cet Antichrist (ma parole, j’y crois) — je ne vous connais plus, vous n’êtes plus mon ami, vous n’êtes plus мой верный раб, comme vous dites. Ну, здравствуйте, здравствуйте. Je vois que je vous fais peur, садитесь и рассказывайте» (Л. Н. Толстой, «Война и мир», т. 1, 1863–1869). Буквальный перевод: «Что ж, мой князь, Генуя и Лукка теперь не более чем уделья-апанаж, поместья семьи Буонапарте. Нет, я предупреждаю вас, что если вы не скажете мне, что у нас война, если вы все еще позволите себе сглаживать все позоры, все злодеяния этого антихриста (честное слово, я в этом убеждена) — я вас больше не знаю, вы мне больше не друг, вы мне больше не верный раб, как вы говорите. Ну, здравствуйте, здравствуйте. Я вижу, что пугаю вас, садитесь и рассказывайте».

Но заглянем в текст опубликованного во Франции французского перевода этого романа. Вместо оригинального французского текста диалога, вопреки ожиданию, мы увидим его французский же пересказ: «Eh bien, prince, que vous disais-je? Gènes et Lucques sont devenues les propriétés de la famille Bonaparte. Aussi, je vous le déclare d’avance, vous cesserez d’être mon ami, mon fidèle esclave, comme vous dites, si vous con-

tinuez à nier la guerre et si vous vous obstinez à défendre plus longtemps les horreurs et les atrocités commises par cet Antéchrist..., car c'est l'Antéchrist en personne, j'en suis sûre! Allons, bonjour, cher prince; je vois que je vous fais peur... asseyez-vous ici, et causons» (Comte Léon Tolstoï, «La guerre et la paix», t. 1, traduction par une Russe. Paris: Hachette, 1901). В буквальном переводе: «Ну, князь, что я вам говорила? Генуя и Лукка стали собственностью семьи Бонапартов. Кроме того, я заранее заявляю вам, что вы перестанете быть моим другом, моим верным рабом, как вы говорите, если вы продолжите отрицать войну и если вы будете продолжать упорно защищать ужасы и зверства, совершенные этим Антихристом... потому что это Антихрист собственной персоной, я уверена в этом! Ну, здравствуйте, дорогой князь. Я вижу, что пугаю вас... присядьте здесь и давайте поболтаем».

Имя переводчика на титульной странице: *une Russe* «некая русская» («Traduction par une Russe»), это была графиня Ирина Ивановна Воронцова-Дашкова, в замужестве светлейшая княгиня Варшавская, графиня Паскевич-Эриванская (1835–1924), родившаяся чуть позже Л. Н. Толстого в Санкт-Петербурге и умершая заметно позже него в Гомеле. Более чем скромное указание в условиях гендерного и национального неравенства в глазах европейской публики начала XX века уже само по себе наводит на размышления. Во всяком случае, конфликта авторского самолюбия великого русского писателя, живого классика, с переводческими амбициями «некоей русской» (что называется *уничтожение паче гордости*) таким образом удается избежать.

Многочисленные расхождения между оригинальным французским и переводным французским говорят о том, что разъяснения не бывают лишними, даже когда и так все ясно. Переводчица следует герменевтическому завету понять автора лучше, чем он сам себя понимает, и передает это понимание читателю. Беря на себя обязательство воспроизвести чужой текст на другом языке, переводчица по мере сил передает толстовские «натиск», удовольствие, «текстуру», напряжение и тон заменяемых частей оригинала («pressure, pleasure, texture, tension, and tone of its constituent parts» (Cole, 2013, p. 11)).

Во всяком случае достигается эксплицитность. Например, во «французском переводе с французского» появляется фраза *que vous disais-je?* «что я вам говорила?», которой в оригинале нет. Вместо обращения *mon prince* «мой князь» в толстовском тексте в переводе имеем просто *prince*. Итальянская версия фамилии Наполеона *Buonaparte* заменена на французское общепринятое написание *Bonaparte*. Французский оборот *ne sont plus que des apanages* «не что иное, как уделы» заменено на незатейливое «стали собственностью», без отрицания и без историзма «удел, апанаж». Из-за этих и других замен перевод стал «яснее ясного» оригинала.

Иначе говоря, вместо типового перевода на другой язык произносится упрощенный и перефразированный текст на языке-источнике, выдающий ход переработки оригинального текста: такой полуфабрикат при межъязыковом переводе с иного языка на обозрение обычно не выставляют.

Известно, что буквальный перевод фигур речи приводит к нарушению правильности и всех оттенков смысла на целевом языке (ср.: «Un mot ne conserve pas dans la traduction tous les sens figurés qu'il a dans la langue originale: chaque langue a des expressions figurées qui lui sont particulières; soit parce que ces expressions sont tirées de certains usages, établis dans un pays, et inconnus dans un autre; soit par quelque autre raison purement arbitraire» (Du Marsais, 1810, p. 27–28)). Вполне законно по-деловому жертвовать образностью, сбрасывая с корабля цветистые обороты и заменяя их на сухие и скучные цукаты, а живой мир остроумного автора в переводе заменять — за неимением столь же живых языковых средств — на страницы гербария, передаваемого нейтральными и банальными оборотами целевого языка.

В XVIII веке обычной практикой вообще было без колебаний сокращать, упрощать, «доместифицировать» текст, заменяя реалии языка-источника на реалии целевого языка, не стесняясь и не предупреждая об этом читателя. Но к началу XIX века такая практика в Европе начала утрачивать свой размах, и уважение к оригиналу (к «тексту» как неприкасаемому и священному предмету — в отличие от сиюминутного дискурса) резко выросло. Вместе с этим у переводчиков появилось желание и возможность посоревноваться с автором оригинала в остроумии и в живости языка (Lifschitz, 2010, p. 42), иногда делая герменевтическую интерпретацию ярче и богаче образами, чем исходный текст, выявляя не только то, что автор сказал, но и то, что он должен был в данном месте сказать, будь он живым собеседником (nicht was der Sprechende bzw. der Schreibende ursprünglich gesagt hat, sondern was er hat sagen wollen, wenn ich sein ursprünglicher Gesprächspartner gewesen wäre (Gadamer, 1986, S. 345)). В переводе же «Войны и мира» перед публикой предстает смиренная переводчица в образе опытного и скромного, знающего свое место, концертмейстера-аккомпаниатора на выступлении великого маэстро (перевод был авторизован Л. Н. Толстым): она на мировую славу не претендует и с общепризнанно великим русским писателем не конкурирует, но ведет себя достойно и цену себе знает. Как гениальная сопрано Аида в дуэте с меццо-сопрано Амнерис.

В иных же случаях соперничество автора с переводчиками бывает посильнее: У. Эко как много раз переводимый автор испытывал смешанные чувства по отношению к *вольным* переводам, при этом отдавая себе отчет в том, что переводчик — *подневольный* человек (значительно менее свободный истолкователь, чем в XVIII веке), который обязан передавать некие абстрактные «намерения текста», путем переговоров (*negotiation*) устанавливая компромисс между видением мира (истолкованием текста) глазами автора и стороннего человека (Есо, 2003, p. 4).

Но есть и такие места во французских вставках, в которых «некая русская» не вносит никаких правок, напр.: «*И зачем нас нелегкая несет воевать с Бонапартом?*» — сказал Шиншин. — «*Il a déjà rabattu le caquet à l'Autriche. Je crains, que cette fois ce ne soit notre tour*» «Он уже сбил спесь с Австрии. Боюсь, не пришел бы теперь наш черед» (Л. Н. Толстой, «Война и мир», т. 1, 1863–1869). Здесь при глаголе *crains* 'боюсь' глагол

‘быть’ в придаточном предложении в форме *soit*, в субъюнктиве, букв.: «Боюсь, что в этот раз *была бы* наша очередь», хотя по-русски более привычно (*было бы*, добавлю я, кокетничая с французским субъюнктивом) индикативное «Боюсь, что в этот раз наша очередь». Сослагательное наклонение у глагола с отрицанием *ne пришел бы* по-русски звучит лучше, чем у глагола без отрицания *была бы*. Удивительная корреляция таинственной переводчицы, отрицания, французского субъюнктива и русского сослагательного наклонения!

В другом месте там же читаем: «*Ah! chère amie*», – *отвечала княжна Марья*, – «*je vous ai prié de ne jamais me prévenir de l’humeur dans laquelle se trouve mon père. Je ne me permets pas de le juger, et je ne voudrais pas que les autres le fassent*». Буквально: «Ах, милая подруга моя! Я просила вас никогда не говорить мне, в каком расположении духа батюшка. Я не позволю себе судить его и не желала бы, чтоб и другие судили». Но вот что получаем из рук «неизвестной переводчицы»: «*Ah! chère amie, je vous ai priée de ne jamais me parler de la mauvaise humeur de mon père; je ne me permets pas de le juger, et je tiens à ce que les autres fassent comme moi*,» *répondit la princesse Marie en regardant à sa montre*, то есть: «“Ах, дорогая подруга, я просила вас никогда не говорить мне о плохом настроении моего отца; я не позволяю себе осуждать его и хочу, чтобы другие поступали так же, как я”, – *отвечала княжна Марья*, взглянув на свои часы». Переводчица и в начале романа, и здесь явно недолюбливает глагол *prévenir* «предупреждать, извещать заранее», неизменно заменяя его на менее изысканное *parler* «говорить». Взгляд на часы Марья в оригинале бросает только в начале последующего абзаца. А деликатная французская фраза Толстого *et je ne voudrais pas que les autres le fassent* «и я не хотела бы, чтобы другие это делали» во французском издании выглядит гораздо более однозначно и напористо, чем в русском, и говорит о том, что говорящая настаивает на своей воле, а не просто желает: *et je tiens à ce que les autres fassent comme moi* – «и я настаиваю, чтобы другие поступали так же, как я». В обоих случаях имеем субъюнктивную форму *fassent* ‘делали бы’ глагола *faire* ‘делать’.

Тем самым отсекаются посторонние возможности понять сказанное княжной Марьей.

5. Миры оригинальных и переводных текстов

Образ переводческого мира навеян практикой адаптации текста к целевому читателю, когда трудно перевести текст буквально. Переводчик в таких случаях на свой страх и риск создает новые для целевого читателя (но не всегда для носителя языка переводимого текста) «когнитивные ландшафты» («to deliver surprising cognitive landscapes hailing from unaccessible linguistic folds» (Apter, 2013, p. 2)). «Непереводимость» текста означает при таком образе недоступность или неполную доступность этого мира. Зная, что перед ним «всего лишь» перевод, носитель целевого языка прощает тексту зыбкость, не принуждая его к стойке «смирно». А не будь текст переводом, редактор многое повычеркивал бы и позаменял бы в нем (Weinberger, 2013, p. 17).

Наиболее доступны для бесконтекстного перевода с языка на язык лексические и грамматические значения, сложнее дело обстоит с контекстно-зависимым «содержанием» таких высказываний, ср.: «Значения могут быть переведены — как в моно-, так и в мультисигнальном эквиваленте, при так называемом “иносказании”; тогда *содержание* бывает, хоть и не всегда, непереводаемым в той части смысла, которая выходит за рамки *значения*, фиксированного и еще более фиксируемого ядра» (*Bedeutungen sind übersetzbar — sei es in mono- oder multisigner Entsprechung (sog. «Umschreibung»), Inhalte können in ihrem über die Bedeutung, den fixierten und noch weiter fixierbaren Kern, herausgehenden Sinn teil unübersetzbar sein, müssen es aber nicht* (Hartmann, 1958, S. 29)).

В сопоставлении науки с кораблем у Нейрата и у Куайна не говорится, с чего замены начинаются и какая деталь заменяется последней. Главное, что перевод приводит к диалогу одновременно на двух языках (Quine, 1999, p. 73).

Последовательность же операций (в основе которых — *human information processing* «человеческая обработка текста» (Bell, 1991, p. 44)) может варьироваться, имеются устоявшиеся каноны таких операций, которые унаследованы и в системах автоматического перевода (Luckhardt, 1987, S. 171). Так, если в переводе ход событий и последовательность предложений не прямо соответствуют оригиналу, говорят о новом тексте «по мотивам» исходного, но не об обычном переводе. В предложении порядок слов может отличаться от того, что было бы в сверхбуквальной «глоссе».

Процесс перевода, помимо чтения исходного текста и написания целевого текста, включает «фазы размышления» неопределенной продолжительности. Затруднения и противоречия, легкая переводимость знакомых, а потому некреативно переводимых эпизодов, «ступор» в других, тайм-аут на додумывание, поиски, пробы и ошибки, перебор возможных вариантов передачи на целевом языке, постоянная перепроверка, действительно ли получаемое сочетание слов соответствует исходному тексту; поиск в словарях, оценка вероятности того, что именно это автор текста и имел в виду, внезапное озарение, цугцванг или капитуляция из-за нехватки времени на дальнейшую отшлифовку (Krings, 1986)... Такие факторы вносят в процесс перевода элементы авантюриности и риска.

6. Заключение

Возможное и невозможное сталкиваются между собой уже тогда, когда текст на одном языке квалифицируют как перевод другого текста на другой язык: смысл одного, по определению, имитирует смысл другого, действительно совпадая с ним или просто будучи от него неотличимым. Основанием для такой квалификации является история перехода от текста-источника к тексту на целевом языке.

Ответ на вопрос о допустимости и необходимости небуквализма в переводе, таким образом, зависит от того, в какую эпоху и в рамках какой переводческой культуры (или школы, или парадигмы) перевод

рассматривается. Чем ближе к нашему времени, тем скорее можно ожидать упрека в отсебятине в тех случаях, которые наши коллеги XVIII века сочли бы *faithful translation*, «переводом верным оригиналу», в смысле (Есо, 2003, р. 192), а не просто точным переводом.

«Верность» — как переводческая, так и супружеская — толкуется в разные эпохи и в разных культурах с разными мерками и этическими оценками и — увы! — не всегда бывает действительно целесообразно-оправданной.

Исследование в разделах 2–4 выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №19-18-00429) в Институте языкознания РАН. Исследование в разделах 1, 5 и 6 выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №19-18-00040) в Институте языкознания РАН, Москва.

Список литературы

Демьянков В. З. Можно ли измерить динамику нарратива? // Художественный текст как динамическая система. М., 2006. С. 118–123.

Демьянков В. З. О возможности в логике и в когнитивной семантике // Вопросы когнитивной лингвистики. 2021. №4. С. 5–21.

Демьянков В. З. Семантическая редупликация в высказываниях о возможном // Когнитивные исследования языка. 2022. №4 (51). С. 39–43.

Золян С. Т. К основаниям теории междисциплинарного трансфера. Принцип переводоведческой относительности // Метод: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. М., 2019. Вып. 9. С. 193–232.

Allen E., Bernofsky S. Introduction: A culture of translation // In Translation: Translators on Their Work and What It Means / ed. by E. Allen and S. Bernofsky. N. Y., 2013. P. xiii–xxiii.

Apter E. Against World Literature: On the Politics of Untranslatability. L.; N. Y., 2013.

Bell R. T. Translation and translating: Theory and practice. L.; N. Y., 1991.

Code L. Language and knowledge // Word, 1980. Vol. 31, №3. P. 245–258.

Cole P. Making sense in translation: Toward an Ethics of the Art // In Translation: Translators on Their Work and What It Means / ed. by E. Allen, S. Bernofsky. N. Y., 2013. P. 3–16.

Delisle J. L'analyse du discours comme méthode de traduction: Initiation à la traduction française de textes pragmatiques anglais: Théorie et pratique. Ottawa, 1984.

Du Marsais C.-Ch. Des tropes, ou des différents sens dans lesquels on peut prendre un même mot dans une même langue: Ouvrage utile pour l'intelligence des Auteurs, et qui peut servir d'introduction à la Rhétorique et à la Logique [1730]. P., 1810.

Eco U. Mouse or Rat? Translation as Negotiation. L., 2003.

Gadamer H.-G. Hermeneutik II: Wahrheit und Methode: Ergänzungen, Register. Tübingen, 1986.

Hartmann P. Zur kategorialen Grundlegung der Syntax // Münchener Studien zur Sprachwissenschaft. München, 1958. Bd. 12. S. 25–48.

Hönig H. Konstruktives Übersetzen. Tübingen, 1995.

Jackendoff R. Meaning and the Lexicon: The Parallel Architecture 1975–2010. Oxford, 2010.

Kienpointner M. Sprachsystem, Sprachnorm, Sprachgebrauch und Weltbild: Eine Auseinandersetzung mit Benjamin Lee Whorfs linguistischem Relativitätsprinzip //

Text, Sprache, Kultur: Festschrift zum 50-jährigen Bestehen des Instituts für Übersetzer- und Dolmetscherausbildung der Universität Innsbruck / hrsg. von P. Holzer, C. Feyrer. Frankfurt a/M, 1998. S. 87–107.

Krause W.-D. Kommunikationslinguistische Aspekte der Textsortenbestimmung // Textsorten: Kommunikationslinguistische und konfrontative Aspekte / hrsg. von W.-D. Krause. Frankfurt a/M, 1999. S. 34–67.

Krings H.P. Was in den Köpfen von Übersetzern vorgeht: Eine empirische Untersuchung zur Struktur des Übersetzungsprozesses an fortgeschrittenen Französischlernern. Tübingen, 1986.

Lifschitz A.S. Translation in theory and practice: The case of Johann David Michaeli's prize essay on language and opinions (1759) // Cultural Transfer Through Translation: The Circulation of Enlightened Thought in Europe by Means of Translation / ed. by S. Stockhorst. Amsterdam; N. Y., 2010. P. 29–43.

Luckhardt H.-D. Der Transfer in der maschinellen Sprachübersetzung. Tübingen, 1987.

Neurath O. Protokollsätze // Erkenntnis. 1932. Bd. 3. S. 204–214.

Newmark P. The ethics of translation: Diverging from the source language text // Übersetzungswissenschaft im Umbruch: Festschrift für Wolfram Wilss zum 70. Geburtstag / hrsg. von A. Lauer [et al.]. Tübingen, 1996. S. 37–41.

Nord Ch. So treu wie möglich?: Die linguistische Markierung kommunikativer Funktionen und ihre Bedeutung für die Übersetzung literarischer Texte // Linguistik und Literaturübersetzen / hrsg. von R. Keller. Tübingen, 1997. S. 35–59.

Osgood Ch. E. Lectures on language performance. N. Y., 1980.

Powell J. G. F. Cicero's translations from Greek // Cicero the philosopher / ed. by J. G. F. Powell. Oxford, 1995. P. 273–300.

Rushdie S. Imaginary homelands. Essays and criticism 1981–1991. L., 2012.

Quine W. V. O. Word and object. Cambridge MA, 1960.

Quine W. V. O. Where do we disagree? // The philosophy of Donald Davidson / ed. by L. E. Hahn. Chicago ; La Salle IL, 1999. P. 73–79.

Riffaterre M. On the complementarity of comparative literature and cultural studies // Comparative literature in the age of multiculturalism / ed. by Ch. Bernheimer. Baltimore ; L., 1995. P. 66–73.

Trivedi H. Anglophone transnation, postcolonial translation: The book and the film as namesakes // Semiotic Encounters: Text, Image and Trans-Nation / ed. by S. Säckel, W. Göbel, M. Hamdy. Amsterdam; N. Y., 2009. P. 31–49.

Weinberger E. Anonymous sources: (On translators and translation) // In Translation: Translators on Their Work and What It Means / ed. by E. Allen, S. Bernofsky. N. Y., 2013. P. 17–30.

Об авторе

Валерий Закиевич Демьянков, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник, заведующий отделом теории и практики коммуникации им. Ю. С. Степанова, Институт языкознания РАН, Москва, Россия.

E-mail: vdemiank@mail.ru

ORCID ID: 0000-0001-9331-3708

Для цитирования:

Демьянков В. З. Перевод как путешествие по возможным и невозможным мирам // Слово.ру: балтийский акцент. 2023. Т. 14, №3. С. 26–39. doi: 10.5922/2225-5346-2023-3-2.

TRANSLATION AS A JOURNEY THROUGH POSSIBLE AND IMPOSSIBLE WORLDS

V. Z. Demyankov

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences,
1 str. 1, Bol'shoy Koslovskiy per., Moscow, 125009, Russia

Submitted on October 10, 2022

Accepted on February 02, 2023

doi: 10.5922/ 2225-5346-2023-3-2

In this paper, translation is examined from the perspective of the semantics of possible worlds. The consequences of this viewpoint are explored, particularly in relation to the metaphor of traveling through possible and impossible worlds in translation practice. Special attention is given to cases where there are disparities between the world of the original text and the world of the translated text. For example, in the case of French subjunctive forms, which are grammatically mandatory in the original language, they often need to be replaced with indicative forms in the target language, such as Russian. Externally, this transformation appears as a change from expressing a possibility in one world to making a statement about the actual world. Various techniques for transforming French inserts in the original Russian text (in Leo Tolstoy's novel "War and Peace") are analyzed and compared with the actual French translation found in a French edition of the same text by a Francophone translator. The study demonstrates that the concept of language translatability does not align completely with the concept of text translatability, as the latter is influenced by various external and internal factors related to cultural contexts, traditions, trends, and more. Viewing text translation as a journey through worlds also involves elements from the real worlds that belong to the original author, the translator, and the recipients of the translated text within their socio-cultural contexts.

Keywords: translation, possible-world semantics, Romance subjunctive, Russian conjunctive, contrastive linguistic analysis

The present study was carried out at the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Moscow with the financial support of the Russian Science Foundation, project no. 19-18-00429 (sections 2, 3, and 4) and project no. 19-18-00040 (sections 1, 5, and 6).

References

- Allen, E. and Bernofsky, S., 2013. Introduction: A culture of translation. In: E. Allen and S. Bernofsky, eds. *In Translation: Translators on Their Work and What It Means*. New York, pp. 13–23.
- Apter, E., 2013. *Against world literature: On the politics of untranslatability*. London; New York.
- Bell, R. T., 1991. *Translation and translating: Theory and practice*. London; New York.
- Code, L., 1980. Language and knowledge. *Word*, 31 (3), pp. 245–258.
- Cole, P., 2013. Making sense in translation: Toward an ethics of the art. In: E. Allen and S. Bernofsky, eds. *In Translation: Translators on Their Work and What It Means*. New York, pp. 3–16.
- Delisle, J., 1984. *L'analyse du discours comme méthode de traduction: Initiation à la traduction française de textes pragmatiques anglais: Théorie et pratique*. Ottawa.

Demyankov, V.Z., 2006. Can one measure narrative dynamics? In: N. A. Fateeva, ed. *Khudozhestvennyi tekst kak dinamicheskaya sistema* [Fictional text as a dynamic system]. Moscow, pp. 118–123 (in Russ.).

Demyankov, V.Z., 2021. On possibility in logic and in cognitive semantics. *Voprosy Kognitivnoy Lingvistik* [Issues of Cognitive Linguistics], 4, pp. 5–21, <https://doi.org/10.20916/1812-3228-2021-4-5-21> (in Russ.).

Demyankov, V.Z., 2022. Semantic reduplication in judgments on possibility. *Kognitivnye issledovaniya yazyka* [Cognitive studies of language], 4 (51), pp. 39–43 (in Russ.).

Du Marsais, C.-Ch., 1810. *Des tropes, ou des différents sens dans lesquels on peut prendre un même mot dans une même langue: Ouvrage utile pour l'intelligence des Auteurs, et qui peut servir d'introduction à la Rhétorique et à la Logique* (1730). Paris.

Eco, U., 2003. *Mouse or Rat? Translation as Negotiation*. London.

Gadamer, H.-G., 1986. *Hermeneutik II: Wahrheit und Methode: Ergänzungen, Register*. Tübingen.

Hartmann, P., 1958. Zur kategorialen Grundlegung der Syntax. *Münchener Studien zur Sprachwissenschaft*, 12, pp. 25–48.

Hönig, H., 1995. *Konstruktives Übersetzen*. Tübingen.

Jackendoff, R., 2010. *Meaning and the Lexicon: The Parallel Architecture 1975–2010*. Oxford et al.

Kienpointner, M., 1998. Sprachsystem, Sprachnorm, Sprachgebrauch und Weltbild: Eine Auseinandersetzung mit Benjamin Lee Whorfs linguistischem Relativitätsprinzip. In: P. Holzer and C. Feyrer, eds. *Text, Sprache, Kultur: Festschrift zum 50-jährigen Bestehen des Instituts für Übersetzer- und Dolmetscherausbildung der Universität Innsbruck*. Frankfurt a/M et al., pp. 87–107.

Krause, W.-D., 1999. Kommunikationslinguistische Aspekte der Textsortenbestimmung. In: W.-D. Krause, ed. *Textsorten: Kommunikationslinguistische und konfrontative Aspekte*. Frankfurt a/M et al., pp. 34–67.

Krings, H.P., 1986. *Was in den Köpfen von Übersetzern vorgeht: Eine empirische Untersuchung zur Struktur des Übersetzungsprozesses an fortgeschrittenen Französischlernern*. Tübingen.

Lifschitz, A.S., 2010. Translation in theory and practice: The case of Johann David Michaeli's prize essay on language and opinions (1759). In: S. Stockhorst, ed. *Cultural Transfer Through Translation: The Circulation of Enlightened Thought in Europe by Means of Translation*. Amsterdam; New York, pp. 29–43.

Luckhardt, H.-D., 1987. *Der Transfer in der maschinellen Sprachübersetzung*. Tübingen.

Neurath, O., 1932. Protokollsätze. *Erkenntnis*, 3, pp. 204–214.

Newmark, P., 1996. The ethics of translation: Diverging from the source language text. In: A. Lauer et al., eds. *Übersetzungswissenschaft im Umbruch: Festschrift für Wolfram Wilss zum 70. Geburtstag*. Tübingen, pp. 37–41.

Nord, Ch., 1997. So treu wie möglich? Die linguistische Markierung kommunikativer Funktionen und ihre Bedeutung für die Übersetzung literarischer Texte. In: R. Keller, ed. *Linguistik und Literaturübersetzen*. Tübingen, pp. 35–59.

Osgood, Ch. E., 1980. *Lectures on language performance*. New York et al.

Powell, J.G.F., 1995. Cicero's translations from Greek. In: J.G.F. Powell, ed. *Cicero the philosopher*. Oxford, pp. 273–300.

Rushdie, S., 2012. *Imaginary homelands. Essays and criticism 1981–1991*. London.

Quine, W. V. O., 1960. *Word and object*. Cambridge (Massachusetts).

Quine, W. V. O., 1999. Where do we disagree? In: L. E. Hahn, ed. *The philosophy of Donald Davidson*. Chicago; La Salle (Illinois), pp. 73–79.

Riffaterre, M., 1995. On the complementarity of comparative literature and cultural studies. In: Ch. Bernheimer, ed. *Comparative literature in the age of multiculturalism*. Baltimore; London, pp. 66–73.

Trivedi, H., 2009. Anglophone transnation, postcolonial translation: The book and the film as namesakes. In: S. Säckel, W. Göbel, and M. Hamdy, eds. *Semiotic Encounters: Text, Image and Trans-Nation*. Amsterdam; New York, pp. 31–49.

Weinberger, E., 2013. Anonymous sources (On translators and translation). In: E. Allen and S. Bernofsky, eds. *In Translation: Translators on their work and what it means*. New York, pp. 17–30.

Zolyan, S.T., 2019. On the foundations of the theory of interdisciplinary transfers. Traductological relativity principle. *Metod: Moskovskii ezhegodnik trudov iz obshchestvovedcheskikh distsiplin* [Method. Moscow yearbook of studies in social sciences], 9, pp. 193–232 (in Russ.).

The author

Dr Valery Z. Demyankov, Professor, the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

E-mail: vdemiank@mail.ru

ORCID ID: 0000-0001-9331-3708

To cite this article:

Demyankov, V. Z., 2023, Translation as a journey through possible and impossible worlds, *Slovo.ru: Baltic accent*, Vol. 14, no. 3, pp. 26–39. doi: 10.5922/2225-5346-2023-2-2.

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

**СИНХРОННЫЙ ПЕРЕВОДЧИК
В ПОЛИМОДАЛЬНОМ ИЗМЕРЕНИИ:
РОЛЬ ЖЕСТОВ В МОМЕНТЫ «НЕПЕРЕВОДА»**

О. К. Ирисханова

Московский государственный лингвистический университет
Россия, 119992, Москва, ул. Остоженка, 38
Институт языкознания РАН
Россия, 125009, Москва, Большой Кисловский пер., 1 стр. 1
Поступила в редакцию 10.10.2022 г.
Принята к публикации 02.02.2023 г.
doi: 10.59222225-5346-2023-3-3

В статье рассматривается полимодальное поведение синхронных переводчиков в моменты «неперевода» – нарушения беглости перевода, связанного с разного рода затруднениями. Анализируются аннотированные в программе ELAN видеозаписи 24 переводчиков, осуществляющих синхронный перевод научно-популярной лекции TED talk на биологическую тему с английского языка на русский. На основе количественных и качественных данных о распределении жестов с моментами «неперевода» показано, что референтные (репрезентирующие и указательные) жесты служат для компенсаторного усиления связи между несколькими системами координат, в которых одновременно существует переводчик: системами координат референтных событий, коммуникативной ситуации текста-источника и физического коммуникативного пространства переводчика, ограниченного синхронной кабиной. Репрезентирующие жесты указывают на первые две системы координат благодаря нескольким модулям репрезентации – прорисовыванию, лепке, удержанию, а также разыгрыванию и воплощению. Указательные жесты помогают переводчику организовывать в пространстве сущности, о которых идет речь, интегрируя тем самым систему координат референтных событий и физическое пространство вокруг переводчика.

Ключевые слова: синхронный перевод, «неперевод», жест, репрезентирующий жест, модус репрезентации

1. Введение: взаимосвязь понятий перевода и «неперевода», переводимости и непереводимости

В отношении проблемы (не)перевода и (не)переводимости лингво-философские и лингвистические концепции образуют своеобразную шкалу – от всеобщей переводимости, которая связывается с наличием мыслительных и языковых универсалий, а в последние годы – с совершенствованием технологий машинного перевода, до принципиальной непереводимости, объясняемой через уникальность этнических культур (картин мира), специфику восприятия мира отдельным человеком или сопротивляемость переводу со стороны текста, обладающего уникальными эстетическими свойствами (Ортега-и-Гассет, 2000; Croce, 1993). Представляется, однако, что, несмотря на кажущуюся противоположность, между переводом / переводимостью и непереводом / непе-

реводимостью выстраивается некое подобие соотношения концепта и антиконцепта (Степанов, 2007; Новодранова, 2007; Гуреева, 2007), то есть их противопоставление носит более широкий, разноплановый и взаимопроникающий характер, чем мы это наблюдаем, например, в отношениях градуальности, комплементарности и векторности в антонимии.

Взаимосвязь между переводом и «непереводом» видится по-разному, в зависимости от методологических установок и исследовательских акцентов того или иного исследования, обуславливающих трактовку перевода и его противоположности.

В одноязычной коммуникации (письменной или устной) понятие перевода и переводимости связано с лингвофилософскими и философско-эстетическими вопросами интерпретации текста как непрекращающейся модификации текстового оригинала, вне зависимости от его языка (Деррида, 2002). В контексте постмодернистских и постструктуралистских установок на принципиальную множественность восприятия текста, на осмысление текста как неповторимое событие (Бахтин, 1986), перевод трактуется как творческий процесс понимания не столько языковых значений, которые зафиксированы, сколько смыслов, которые каждый раз порождаются заново с учетом «внесловесных моментов ситуации» (Бахтин, 2000, с. 434). Перевод, предполагающий девербализацию, отказ от значений слов в пользу интерпретации смысла высказывания (текста), одновременно становится непереводом в силу сложности трансляции смыслов, рожденных в другой коммуникативной среде.

В многоязычной коммуникации проблема взаимосвязи перевода и «неперевода» рассматривается в лингвофилософском (семиотическом), литературоведческом и текстологическом, а также в более прикладном переводоведческом ключе. Так, в семиотических концепциях перевода основополагающими выступают идеи М. Бахтина о диалогичности понимания текста и Ю. Лотмана о семиосфере как пространстве текстов, в котором сосуществует переводимое и непереводимое, и о нетождественности кодов отправителя и получателя. По Ю. Лотману, особую ценность приобретает перевод непереводимого, поскольку именно здесь создаются точки креативного напряжения, происходит приращение смыслов и рождается семиозис (Лотман, 2000; Куль, Вельзимова, 2018). В исследованиях художественных произведений и, шире, текстов разных стилей и жанров взаимосвязь переводимости и непереводимости рассматривается в более частных аспектах: например, как присутствие непереведенных фрагментов в модернистских текстах Т. С. Элиота, Дж. Джойса, Э. Паунда и их культурные импликации (Modernism and non-translation, 2019) или как «трудности и легкость» перевода поэтических текстов (Азарова, Бочавер, 2019).

В переводоведческих работах с выраженной практической ориентацией переводимость и непереводимость, как правило, связаны либо со стратегиями и тактиками перевода как поиска наиболее успешных переводческих решений (фактически, преодоления «неперевода»), либо с конкретными языковыми и дискурсивными явлениями, резистентными по отношению к переводу, и связанными с этим свойством

ошибками (Бархударов, 1978; Швейцер, 1988; Комиссаров, 1990; Ермолович, 2001; Марковина, Сорокин, 2008; Duarte, 2000). Приведем в качестве примера подобных исследований, работу (Morais, Da Silva, 2022), в которой обобщаются стратегии, используемые устными переводчиками при трансформации текста-источника. Интересно, что наряду со стратегиями фрагментации, предвосхищения, реструктуризации, морфо-синтаксической трансформации и прочими выделяются стратегии генерализации, упрощения, опущения, аппроксимации, которые могут оцениваться как случаи частичного перевода или отсутствия перевода (Garzone, 2002; Toury, 2012). Оставляя в стороне дискуссии о критериях успешности и адекватности перевода, отметим, что подобные классификации подтверждают взаимосвязь перевода и «неперевода», поскольку показывают, что стратегии (тактики) трансформаций при переводе предполагают в том числе осозанный или неосозанный отказ от перевода некоторых фрагментов текста-источника.

2. Неперевод в синхронном переводе: постановка вопроса исследования

В целом в переводоведении проблема «неперевода» как частичного перевода или его отсутствия в результате осознанного выбора или в силу невозможности его осуществления является менее изученной по сравнению с большим количеством работ, посвященных вопросам эквивалентности и адекватности перевода, обеспечивающим его механизмам (например, вероятностному прогнозированию, памяти, вниманию), стратегиям перевода и т. п. Фокус на успешности переводческих решений связан как с изначальным практическим уклоном переводоведения в целом, так и с тем, что значительная часть исследований была традиционно связана с переводом письменных текстов (в частности, художественных), в то время как устный перевод, особенно синхронный, выдвинулся на первый план относительно недавно, попадая чаще в поле зрения психологов, психолингвистов и нейролингвистов (Liu, Schallert, Carroll, 2004; Signorelli, Obler, 2012; Korpala, 2016; Gile, 2017; Hervais-Adelman, Babcock, 2020).

Вместе с тем понятие «неперевода» для синхронного перевода нуждается в таком подходе, который учитывал бы не только результат — сам факт отсутствия перевода значимых фрагментов текста в силу тех или иных причин, но и процесс, в ходе которого происходят заминки, паузы, перебор синонимов, самоисправления и другие случаи нарушения беглости перевода (за исключением тех моментов, когда переводчик слушает текст-источник), не обязательно приводящие к снижению его точности. Соответственно, к «непереводу» как к текущему (*hic et nunc*) явлению могут быть отнесены разного рода затруднения, которые выражаются в нарушении потока речи у синхрониста.

Кроме того, синхронный перевод, как отмечается во многих исследованиях, представляет собой весьма сложный в когнитивном плане и весьма специфический вид деятельности, предполагающий установление когнитивных проекций между ментальными структурами двух языков, причем одновременно по нескольким направлениям: при рас-

познавании, интерпретации и производстве речи, при принятии тактических решений, при осуществлении контроля за речью — чужой и собственной, и за коммуникативной ситуацией, в которой происходит синхронный перевод. В ходе перевода в режиме ограниченного времени задействуются различные когнитивные процессы и механизмы — долговременная и оперативная память, внимание (фокусирование и дефокусирование), компрессия, концептуальная интеграция, категоризация (Seeber, 2013; Gile, 2017; Stachowiak-Szymczak, 2019; Cienki, Iriskhanova, 2020).

В последние годы отмечается еще одно важное свойство устного перевода, включая синхронный перевод: он протекает в разных модальностях и каналах. Это означает, что переводчик одновременно задействует аудиовизуальный, аудиовербальный и кинетические каналы, используя разные семиотические системы, среди которых наименее изучены жесты.

Немаловажным представляется то, что, осуществляя столь сложную в когнитивном плане и многоплановую деятельность, переводчик-синхронист решает задачу по трансляции смыслов, контролируя несколько систем координат: систему координат референтных событий (событий, о которых идет речь в тексте-источнике и которые транслируются в текст перевода); коммуникативную ситуацию, в которой находится продуцент текста-источника, то есть тот, кого переводит синхронист; коммуникативную ситуацию синхронного перевода, включающую в себя, например, место перевода, опыт и пространственное воображение переводчика, знакомство с темой и т. п.

В настоящем исследовании, исходя из понимания «неперевода» как сиюминутных затруднений, приводящих к нарушению беглости, а также из полимодального характера синхронного перевода, мы ставим вопрос о том, какова роль жестов в моменты временного отсутствия перевода. Мы предполагаем, что мануальные движения могут служить не только для «выгаликивания» слов из долговременной памяти, как показывают исследования по усвоению языка (Goldin-Meadow, 2003; Gullberg, 2006), но и для иного компенсаторного преодоления затруднений — в частности, для обеспечения дополнительного выхода в вышеупомянутые системы координат и установления связей между ними через указание на сущности, принадлежащие к этим системам.

3. Дизайн эмпирического исследования о полимодальном поведении синхронного переводчика

Для проведения данного исследования использовался полимодальный корпус, собранный группой исследователей Центра социокогнитивных исследований дискурса при МГЛУ (<http://scodis.ru>) в 2019—2021 годах в рамках проекта Российского научного фонда. Корпус представляет собой коллекцию аннотированных видеозаписей 24 переводчиков, осуществляющих перевод с английского на русский язык. В качестве стимула применялся 10-минутный фрагмент аудиозаписи лекции TEDtalk о сокращении биоразнообразия на планете (<https://www>.

ted.com/talks/michael_benton_mass_extinctions_and_the_future_of_life_on_earth?language=en). Видеозапись велась с двух внешних камер (Sony HXR-NX30P (1920x1080 FHD, 25 FPS); GoPro HERO3+ Silver (1920x1080 HD, 25–30 FPS)), что позволило получить фронтальный крупный план рук переводчика и ракурс сверху из-за спины переводчика. Дополнительно велась съемка с камеры очков-айтрекеров, надетых на переводчика во время эксперимента, однако в исследовании, представленном в настоящей статье, окулографические движения не учитывались. Полученные видеозаписи были синтезированы в тройные файлы в программе ELAN (разработка Института психолингвистики Макса Планка (Нидерланды)) и аннотированы по следующим параметрам:

(а) жесты и их функциональные типы: адаптеры (напр., самоадаптеры – почесывание запястья, предметные адаптеры – потирание дужки очков), прагматические жесты (например, жесты эмфазы или обращения к собеседнику), биты (жесты, отбивающие такт) и референтные жесты, к которым относятся репрезентирующие жесты (напр., очерчивание формы объекта, изображение характера его движения) и дейктические (указательные) жесты (Müller, 1998; Bressemer, Müller, 2014; Cienki, 2017);

(б) затруднения: паузы, заполнители пауз, временное замедление темпа, повторы, усечения слов и конструкций, растягивание звуков в словах и т. п. (Cienki, Iriskhanova, 2020).

Для данного исследования мы использовали дополнительную разметку репрезентирующих жестов, которые делились на группы по модулям репрезентации: разыгрывания, лепки, удержания, прорисовывания и воплощения (собственно репрезентации) (Müller, 1998). Мы проиллюстрируем данные типы жестов далее, а сейчас отметим, что на предыдущих этапах исследования полимодального поведения переводчиков-синхронистов было установлено, что в целом синхронные переводчики, находясь в кабине и получая текст-источник по аудиоканалу, используют большое количество жестов с затруднениями. Так, 65 % затруднений употреблялись с жестами ($N=3186$; $N_{total}=4894$), что означает, что жесты служат невербальным средством сопровождения пауз и заполняющих их вербальных единиц в большинстве случаев «неперевода». При этом распределение по функциональным группам жестов было следующим: вне зависимости от опыта переводчика преобладали самоадаптеры (41 % для синхронистов с опытом менее 3 лет; 34 % для синхронистов с опытом более 3 лет) и прагматические жесты (34 % и 31 % соответственно). Жесты-биты составили 10 % и 22 %, а референтные жесты, включая репрезентирующие и дейктические жесты, составили по 13 % для обеих групп переводчиков (Ирисханова, Маковеева, Томская, 2021).

4. Компенсаторная роль жестов в моменты неперевода: употребление жестов с референтной функцией

Поскольку наиболее частотные жесты – самоадаптеры – указывают в первую очередь на высокий уровень когнитивной нагрузки (Eckman, Friesen, 1969), для проверки нашей гипотезы мы сосредоточились на референтных жестах.

Анализ репрезентирующих жестов показал, что данный тип жестов иконически изображает свойства объектов, о которых идет речь в тексте-источнике. Как правило, эта функция реализуется через такие модули репрезентации, как разыгрывание, удержание и лепка, обеспечивая указание на характер действия объекта и его форму. Например, участница эксперимента произносит фразу *Додо – это такая больш...большое большая нелетающая птица* и сопровождает затруднение (паузу и повтор слова) репрезентирующим жестом лепки с перебирающими движениями пальцев, как будто ощущывая птицу (рис. 1):

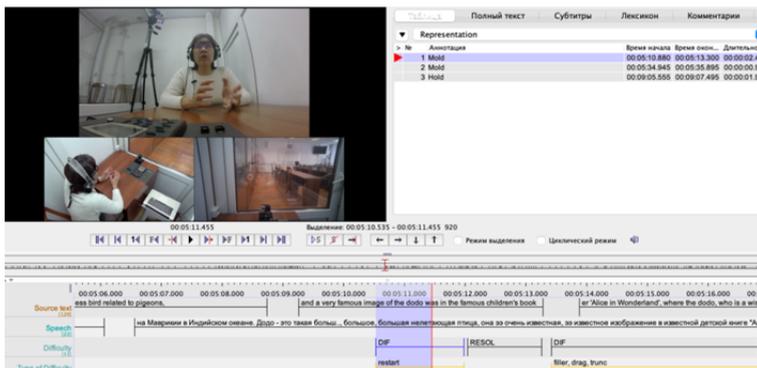

Рис. 1. Репрезентирующий жест лепки, сопровождающий фразу *Додо – это такая больш...большое большая нелетающая птица* (код RE-114B)

Таким образом, используя репрезентирующие жесты, переводчик-синхронист компенсирует задержку в переводе указанием на объект, который принадлежит системе координат референтных событий текста-источника, транслируемой в текст перевода.

Анализ примеров позволил выявить еще одно интересное явление, связанное с репрезентацией: нередко прагматические жесты могут служить для изображения (имитации) действий лектора, обращающегося к аудитории (рис. 2):

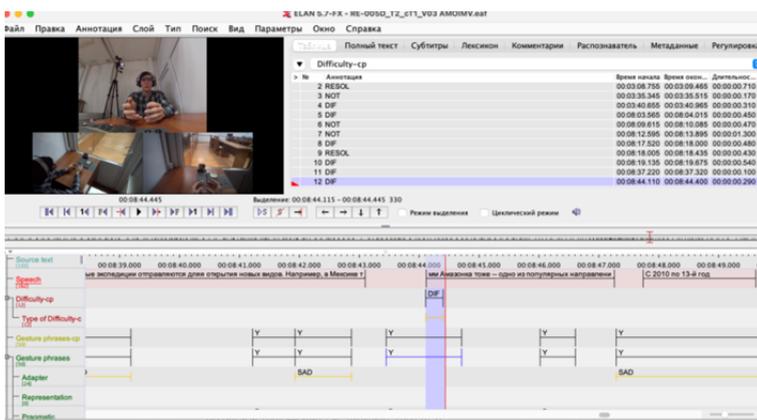

Рис. 2. Прагматический жест, имитирующий воображаемые жесты лектора, сопровождающие фразу с задержкой перевода *...mmm...Амазонка тоже* (код RE-005D)

В данном фрагменте переводчик производит прагматический двуручный жест обращения к аудитории: вытянутые пальцы обеих рук, протянутые вперед и чуть повернутые вверх ладони. Данный жест не столько выражает связь с собеседником, сколько репрезентирует говорящего через подражание его коммуникативным действиям. В этом жесте фактически реализуются два модуса репрезентации – разыгрывание обращения к публике и воплощение (собственно репрезентация), поскольку изображаемый персонаж как бы вселяется в тело переводчика. Используя подобные жесты в мгновение «неперевода» синхронист устанавливает связь между системами координат продуцента текста-источника и собственной коммуникативной системой координат.

Наряду с репрезентирующими и некоторыми прагматическими жестами определенную компенсаторную функцию могут выполнять дейктические жесты. Так, на рис. 3 изображена участница, которая сопровождает фразу [То есть мы знаем физические характеристики] ...аааамм... живущих сейчас животных двуручным жестом, указывающим вправо от нее:

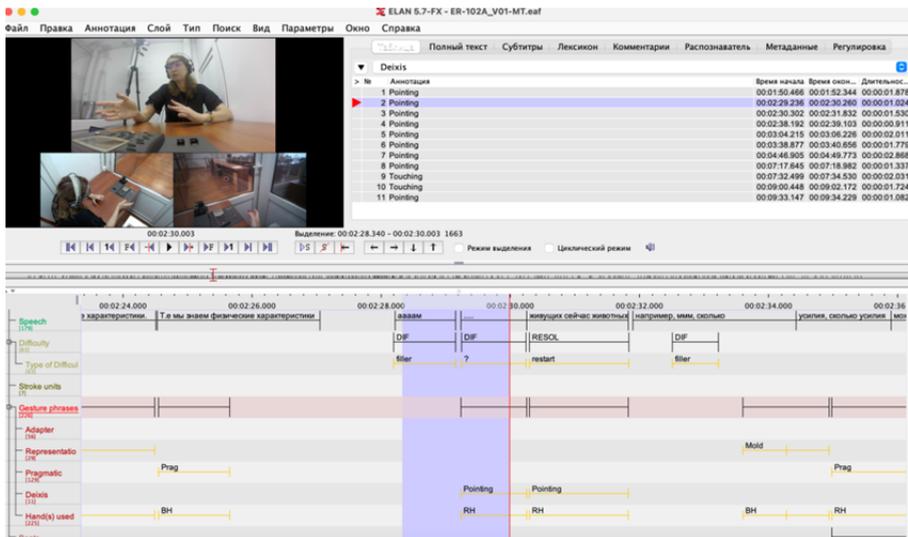

Рис. 3. Дейктический жест, сопровождающий фразу [То есть мы знаем физические характеристики] ...аааамм... живущих сейчас животных (код ER-102A)

С помощью этого дейктического жеста переводчик интегрирует в свое физическое пространство временную систему координат из референтного пространства текста-источника, располагая справа от себя современных животных в их противопоставлении к вымершим видам.

5. Выводы

В представленном исследовании предлагается трактовка понятия «неперевода» применительно к синхронному переводу: подчеркивается, что в случае с данным типом коммуникативной деятельности (не)пе-

ревод может рассматриваться как перевод с эпизодическими задержками, нарушениями беглости перевода, сопровождающимися вербальными и просодическими явлениями — паузами, заполнителями пауз, повторами, автокоррекцией и т.п. С опорой на представление о синхронном переводе как полимодальной деятельности, осуществляемой в условиях повышенной нагрузки, проводится количественный и качественный анализ эмпирического материала, который подтверждает выдвигаемое предположение о том, что жесты вносят вклад в преодоление затруднений, играя компенсаторную роль. Данную функцию реализуют референтные и некоторые прагматические жесты, которые обеспечивают интеграцию нескольких систем координат: референтного пространства текста-источника, коммуникативного пространства продуцента текста-источника и физического коммуникативного пространства переводчика. Подобное исследование выводит нас за рамки чисто эмпирических наблюдений в более тонкое понимание того, как человек, находясь в условиях повышенной когнитивной нагрузки, использует вербальные и невербальные средства для интеграции разных систем координат в единое когнитивное эргономическое пространство вокруг себя.

Исследование выполнено в Московском государственном лингвистическом университете при поддержке РФФ (проект № 19-18-00357П).

Список литературы

- Азарова Н. М., Бочавер С. Ю. От трудностей к легкости перевода. О современной философии перевода и переводного текста // Новый мир. 2019. №10. С. 138–143.
- Бархударов Л. С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). М., 1978.
- Бахтин М. М. Литературно-критические статьи. М., 1986.
- Бахтин М. М. (под маской). Фрейдизм. Формальный метод в литературоведении. Марксизм и философия языка. Статьи. М., 2000.
- Гуреева Е. И. Понятие «концепт» и «антиконцепт» (на материале спортивной терминологии) // Вестник ЧелГУ. 2007. №8. С. 16–20.
- Деррида Ж. Вокруг Вавилонских башен. СПб., 2002.
- Ермолович Д. И. Имена собственные на стыке языков и культур. М., 2001.
- Ирисханова О. К., Маковеева А. И., Томская М. В. «Жестовый поворот» в исследованиях профессиональной коммуникации: синхронный перевод // Когнитивные исследования языка. 2021. №1 (44). С. 190–202.
- Комиссаров В. Н. Теория перевода. Лингвистические аспекты. М., 1990.
- Куль К., Вельмезова Е. О парадоксе «семиотики жизни»: работы последних лет Юрия Лотмана // Слово.ру: балтийский акцент. 2018. Т. 9, №4. С. 6–14.
- Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб., 2000.
- Марковина И. Ю., Сорокин Ю. А. Культура и текст. Введение в лакунологию. М., 2008.
- Новодранова В. Ф. Концепты и антиконцепты и их репрезентация языковыми средствами // Концептуальный анализ языка: современные направления исследования. М., 2007. С. 148–155.
- Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды. М., 2000.
- Степанов Ю. С. Концепты. Тонкая пленка цивилизации. М., 2007.
- Швейцер А. Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. М., 1988.

Bressemer J., Müller C. The family of Away gestures: Negation, refusal, and negative assessment // *Body – language – communication: An international handbook on multimodality in human interaction* / ed. by C. Müller [et al.]. Berlin, 2014. P. 1592–1604.

Cienki A. Analysing metaphor in gesture: A set of Metaphor Identification Guidelines for Gesture (MIG-G) // *The Routledge handbook of metaphor and language* / ed. by E. Semino, Z. Demjen. L., 2017. P. 131–147.

Cienki A., Iriskhanova O. Patterns of multimodal behavior under cognitive load: an analysis of simultaneous interpretation from L2 to L1 // *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2020. №1. С. 5–11.

Croce B. L'Intraducibilità della rievocazione [1902] // *La teoria della traduzione nella storia*. Milano, 1993. P. 215–220.

Duarte J.F. The politics of non-translation: A case study in Anglo-Portuguese relations // *TTR: Traduction, Terminologie et Redaction*. 2000. Vol. 13, №1. P. 95–112.

Ekman P., Friesen W.V. The repertoire of nonverbal behavior // *Semiotica*. 1969. №1. P. 49–98.

Garzone G. Quality and norms in interpretation // *Interpreting in the 21st Century* / ed. by G. Garzone, M. Viezzi. Amsterdam, 2002. P. 107–119.

Gile D. Testing the effort models' tightrope hypothesis in simultaneous interpreting – A contribution // *Hermes*. 2017. №23. P. 153–172.

Goldin-Meadow S. *Hearing gesture: How our hands help us think*. Cambridge MA, 2003.

Gullberg M. Handling discourse: Gestures, reference tracking, and communication strategies in early L2 // *Language Learning*. 2006. Vol. 56, №1. P. 155–196.

Hervais-Adelman A., Babcock L. The neurobiology of simultaneous interpreting: Where extreme language control and cognitive control intersect // *Bilingualism: Language and Cognition*. 2020. Vol. 23, №4. P. 740–751.

Korpál P. Interpreting as a stressful activity: Physiological measures of stress in simultaneous interpreting // *Poznan Studies in Contemporary Linguistics*. 2016. №52. P. 297–316.

Liu M., Schallert D., Carroll P. Working memory and expertise in simultaneous interpreting // *Interpreting*. 2004. №6. P. 19–42.

Modernism and non-translation / ed. by J. Harding, J. Nash. Oxford, 2019.

Morais C.F., Da Silva I.A.L. Simultaneous interpreting strategies across Brazilian students // *Cognition, language, culture and translation*. Macau, 2022. P. 250–279.

Müller C. *Redebegleitende Gesten. Kulturgeschichte – Theorie – Sprachvergleich*. Berlin, 1998.

Seeber K.G. Cognitive load in simultaneous interpreting // *Target*. 2013. Vol. 25, №1. P. 18–32.

Signorelli T., Obler L. Working memory in simultaneous interpreters // *Memory, language, and bilingualism: Theoretical and applied approaches* / ed. by J. Altarriba, L. Isurin. Cambridge, 2012. P. 95–125.

Stachowiak-Szymczak K. Eye movements and gestures in simultaneous and consecutive interpreting. N. Y., 2019. P. 1–42.

Toury G. *Descriptive translation studies*. Amsterdam, 2012.

Об авторе

Ольга Камалудиновна Ирисханова, доктор филологических наук, профессор, проректор по науке Московского государственного лингвистического университета, заведующий лабораторией мультимедийной коммуникации Института языкознания РАН.

E-mail: oiriskhanova@gmail.com

ORCID: 0000-0002-4966-3337

Для цитирования:

Ирисханова О.К. Синхронный переводчик в полимодальном измерении: роль жестов в моменты «неперевода» // Слово.ру: балтийский акцент. 2023. Т. 14, №3. С. 40–51. doi: 10.5922/2225-5346-2023-3-3.

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

SIMULTANEOUS INTERPRETER IN MULTIMODAL DIMENSION: THE ROLE OF GESTURES IN MOMENTS OF NON-INTERPRETATION

O. K. Iriskhanova

Moscow State Linguistic University,
38 Ostozhenka Str., Moscow, 119992, Russia
Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences,
1 str. 1, Bol'shoy Koslovskiy per., Moscow, 125009, Russia

Submitted on October 10, 2022

Accepted on February 02, 2023

doi: 10.5922/2225-5346-2023-3-3

The paper investigates multimodal behavior of simultaneous interpreters during 'non-interpretation' regarded as interruptions in the flow of speech due to difficulties. Video recordings of a TEDtalk on biology interpreted from English into Russian by 24 simultaneous interpreters are analyzed with the help of quantitative and qualitative methods. The distribution of gestures with the moments of 'non-interpretation' indicates that referential (representational and deictic) gestures serve the compensatory function of strengthening the mappings between three frames of reference in which a simultaneous interpreter acts at the same time: i. e., the frame of reference of the events described in the lecture, the communicative situation of the source text, and the interpreter's physical communicative space constrained by the booth. Representational gestures connect the first two frames of reference via the representational modes of drawing, molding, holding, as well as acting out and embodying. Deictic (pointing) gestures help the interpreter to organize the referential objects around him/her, thus integrating the referential frame of events being described and interpreted, and the physical space of the booth.

Keywords: simultaneous interpreting, non-interpretation (non-translation), gesture, representational gesture, modes of representing

The present study was carried out at the Moscow State Linguistic University with the financial support of the Russian Science Foundation, project no. 9-18-00357П.

References

- Azarova, N.M. and Bochaver, S. Yu., 2019. From hardship to ease translation. On modern philosophy of translation and target text. *Novyi mir* [New world], 10, pp. 138–143 (in Russ.).
- Bakhtin, M.M., 1986. *Literaturno-kriticheskie stat'i* [Papers on literary criticism]. Moscow (in Russ.).
- Bakhtin, M.M., 2000. (*pod maskoi*). *Freidizm. Formal'nyi metod v literaturovedenii. Marksizm i filosofiya yazyka. Stat'1* [(under the mask). Freudianism. The formal method in literary criticism. Marxism and the philosophy of language. Article]. Moscow (in Russ.).

Barkhudarov, L.S., 1978, *Yazyk i perevod (Voprosy obshchei i chastnoi teorii perevoda)* [Language and translation (problems of General and special theory of translation)]. Moscow (in Russ.).

Bressemer, J. and Müller, C., 2014. The family of away- gestures: Negation, refusal, and negative assessment. In: C. Müller, A. Cienki, E. Fricke, S.H. Ladewig, D. McNeill and J. Bressemer, eds. *Body – language – communication: An international handbook on multimodality in human interaction*. Berlin, pp. 1592 – 1604.

Cienki, A. and Iriskhanova, O., 2020. Patterns of multimodal behavior under cognitive load: an analysis of simultaneous interpretation from L2 to L1. *Voprosy Kognitivnoy Lingvistiky* [Issues of Cognitive Linguistics], 1, pp. 5–11, <https://doi.org/10.20916/1812-3228-2020-1-5-11> (in Russ.).

Cienki, A., 2017. Analysing metaphor in gesture: A set of Metaphor Identification Guidelines for Gesture (MIG-G). In: E. Semino and Z. Demjén, eds. *The Routledge handbook of metaphor and language*. London, pp. 131 – 147.

Croce, B., 1993. *L'Intraducibilità della rievocazione (1902)*. In: *La teoria della traduzione nella storia*. Milano, pp. 215 – 220.

Derrida, J., 2002. *Vokrug Vavilonskikh bashen* [Around the towers of Babylon]. St. Petersburg (in Russ.).

Duarte, J.F., 2000. The Politics of Non-Translation: A Case Study in Anglo-Portuguese Relations. *TTR: Traduction, Terminologie et Redaction*, 13 (1), pp. 95 – 112.

Ekman, P. and Friesen, W.V., 1969. The repertoire of nonverbal behavior. *Semiotica*, 1, pp. 49 – 98.

Ermolovich, D.I., 2001. *Imena sobstvennye na styke yazykov i kul'tur* [Proper names at the crossroads of languages and cultures]. Moscow (in Russ.).

Garzone, G., 2002. Quality and norms in interpretation. In: G. Garzone and M. Viezzi, eds. *Interpreting in the 21st Century*. Amsterdam, pp. 107 – 119.

Gile, D., 2017. Testing the effort models' tightrope hypothesis in simultaneous interpreting – A Contribution. *Hermes*, 23, pp. 153 – 172.

Goldin-Meadow, S., 2003. *Hearing gesture: How our hands help us think*. Cambridge, MA.

Gullberg, M., 2006. Handling discourse: Gestures, reference tracking, and communication strategies in early L2. *Language Learning*, 56 (1), pp. 155 – 196.

Gureeva, E.I., 2007. Concept and anti-concept (on the basis of sports terminology). *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 8, pp. 16 – 20. (in Russ.).

Harding, J. and Nash, J., eds., 2019. *Modernism and Non-Translation*. Oxford.

Hervais-Adelman, A. and Babcock, L., 2020. The neurobiology of simultaneous interpreting: Where extreme language control and cognitive control intersect. *Bilingualism: Language and Cognition*, 23 (4), pp. 740 – 751, <https://doi.org/10.1017/S1366728919000324>.

Iriskhanova, O.K., Makoveeva, A.I., and Tomskaya, M.V., 2021. "Gesture turn" in professional communication studies: Simultaneous interpretation. *Kognitivnye issledovaniya yazyka* [Cognitive studies of language], 1 (44), pp. 190 – 202 (in Russ.).

Komissarov, V.N., 1990. *Teoriya perevoda. Lingvisticheskie aspekty* [Theory of translation. Linguistic aspects]. Moscow (in Russ.).

Korpál, P., 2016. Interpreting as a stressful activity: Physiological measures of stress in simultaneous interpreting. *Poznan Studies in Contemporary Linguistics*, 52, pp. 297 – 316.

Kull, K. and Velmezova, E., 2018. The paradox of the 'semiotics of life': Yuri Lotman's later works. *Slovo. ru: Baltic accent*, 9 (4), pp. 6 – 14, <https://doi.org/10.5922/2225-5346-2018-4-1> (in Russ.).

Liu, M., Schallert, D. and Carroll, P., 2004. Working memory and expertise in simultaneous interpreting. *Interpreting*, 6, pp. 19 – 42.

- Lotman, Yu., 2000. *Semiosphera* [Semiosphere]. Moscow (in Russ.).
- Markovina, I. Yu. and Sorokin, Yu. A., 2008. *Kul'tura i tekst. Vvedenie v lakunologiyu* [Culture and text: An introduction into lacunology]. Moscow (in Russ.).
- Morais, C.F. and Da Silva, I.A.L., 2022. Simultaneous interpreting strategies across Brazilian students. In: *Cognition, language, culture and translation*. Macau, pp. 250–279.
- Müller, C., 1998. *Redebegleitende Gesten. Kulturgeschichte – Theorie – Sprachvergleich*. Berlin.
- Novodranova, V.F., 2007. Concepts and anti-concepts and their representations by means of language. In: *Kontseptual'nyi analiz yazyka: sovremennyye napravleniya issledovaniya* [Conceptual analysis of language: contemporary trends]. Moscow, pp. 148–155 (in Russ.).
- Ortega-y-Gasset, J., 2000. *Izbrannyye trudy* [Selected works]. Moscow (in Russ.).
- Schweitzer, A.D., 1988. *Teoriya perevoda: status, problemy, aspekty* [Theory of translation: status. Problems, aspects]. Moscow (in Russ.).
- Seeber, K.G., 2013. Cognitive load in simultaneous interpreting. *Target*, 25 (1), pp. 18–32.
- Signorelli, T. and Obler, L., 2012. Working memory in simultaneous interpreters. In: J. Altarriba and L. Isurin, eds. *Memory, language, and bilingualism: Theoretical and applied approaches*. Cambridge, pp. 95–125.
- Stachowiak-Szymczak, K., 2019. *Eye Movements and Gestures in Simultaneous and Consecutive Interpreting*. New York, pp. 1–42.
- Stepanov, Yu.S., 2007. *Kontsepty. Tonkaya plenka tsivilizatsii* [Concepts. The thin layer of civilization]. Moscow (in Russ.).
- Toury, G., 2012. *Descriptive translation studies*. Amsterdam.

The author

Dr. Olga K. Iriskhanova, Professor, Vice-Rector for Research, Moscow State Linguistic University, Head of the Laboratory of Multichannel Communication, the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

E-mail: oiriskhanova@gmail.com

ORCID: 0000-0002-4966-3337

To cite this article:

Iriskhanova, O.K., 2023, Simultaneous interpreter in multimodal dimension: the role of gestures in moments of non-interpretation, *Slovo.ru: Baltic accent*, Vol. 14, no. 3, pp. 40–51. doi: 10.5922/2225-5346-2023-3-3.

**НЕФТЬ КАК ПРОСТРАНСТВО НЕПЕРЕВОДА:
ХИКМЕТ, НЕГАРЕСТАНИ, ПАРЩИКОВ**

К. М. Корчагин

Институт языкознания РАН
Россия, 125009, Москва, Большой Кисловский пер., 1, стр. 1
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
Россия, 119019, Москва, ул. Волхонка, 18/2
Поступила в редакцию 10.10.2022 г.
Принята к публикации 02.02.2023 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2023-3-4

В 1927 году Назым Хикмет написал несколько стихотворений, в основу которых легли его впечатления от поездки в Баку. Они вошли в сборник «Песня пьющих солнце» (1928) и были в скором времени переведены на русский язык. Бакинский цикл стал одной из первых попыток символического изображения нефти в русской поэзии, во многом предвосхитив позднейшую поэтику нефти, которая полноценно разовьется только в 2000-е годы. На эти стихи Хикмета можно смотреть как на одну из первых попыток философской концептуализации нефти, которая десятилетия спустя нашла масштабное воплощение в «философском романе» «Циклопедия» Резы Негарестани, где нефть стала обозначением нового типа субъекта, одновременно текучего и взрывоопасного. С другой стороны, образ нефти будет играть ключевую роль в одноименной поэме Алексея Парщикова, где также можно уловить эхо бакинских стихов Хикмета. Для всех авторов нефть выступает радикальным выражением логики неперевода: это спрессованная память о древности, к которой невозможно получить прямой доступ; ее тайну невозможно раскрыть, потому что в каком-то смысле она не содержит тайны. Подобная парадоксальная семиотика нефти приводит всех троих авторов к идее о чуждости нефти человеческому миру и ее особой античеловеческой агентности.

Ключевые слова: *неперевод, культурная аккомодация, Назым Хикмет, Реза Негарестани, Алексей Парщиков, семиотика нефти*

1

В 1927 году, на закате первого авангарда, Назым Хикмет напишет несколько стихотворений, в основу которых лягут его впечатления от поездки в Баку, столицу советского Азербайджана. Они войдут в его дебютный сборник «Песня пьющих солнце» (*Güneşi İçenlerin Türküsi*, 1928), изданный еще в старой арабской графике, и будут в скором времени переведены на русский. Среди этих стихов особо выделяются те, которые посвящены нефти: Баку в то время был фактически столицей советской нефтяной промышленности, и присутствие нефтяного промысла в городе было более чем ощутимо¹. Два текста, «Путешествие к

© Корчагин К. М., 2023

¹ О ранней истории вопроса см.: (Балаев, 1969); о культурной истории нефтедобычи: (Эткинд, 2020).

нефти» и «Ответ нефти», почти сразу были переведены одним из ведущих поэтов Литературного центра конструктивистов Эдуардом Багрицким в соавторстве с его молодым учеником, Николаем Дементьевым². При этом, хотя русские издания Хикмета и Багрицкого указывают, что оба стихотворения были включены в бакинскую книгу, в ней обнаруживается только первый из них, в то время как второй отсутствует и там, и во всех других собраниях произведений Хикмета. Во втором — сохранившемся только в русском варианте — стихотворении ключевую роль играет небольшой фрагмент, оставленный без перевода и требующий дополнительной интерпретации: такой неперевод позволяет поместить нефть в ряд мистических сущностей, чуждых человеческому миру. Однако у использования этого приема есть своя предыстория, а также ряд следствий, которые будут рассмотрены ниже.

Первые литературные шаги Хикмета были прочно связаны с Советским Союзом: он проводит в Москве шесть лет (1922–1928), учится в Коммунистическом университете трудящихся Востока, который был одной из первых попыток советского государства участвовать в международной культурной политике посредством подготовки кадров для культурной и политической борьбы в родных странах. Литераторы, впрочем, не играли центральной роли среди студентов КУТВа — самыми известными его выпускниками были политики — прежде всего, Хо Ши Мин и Дэн Сяопин³. В Москве Хикмет увлекается политическим искусством Владимира Маяковского и Всеволода Мейерхольда и глубоко погружается в поэтическую и художественную среду того времени — этому посвящен, в частности, поздний автобиографический роман «Жизнь прекрасна, братец мой» (*Yaşamak güzel şey be kardeşim*, 1962); творческие влияния и связи, возникшие в эти годы, продолжали так или иначе влиять на поэта всю жизнь (Djagalov, 2020, p. 118–121).

При этом отношения с московской богемой складываются у Хикмета неоднозначно: сначала он примыкает к ЛЕФу и Маяковскому, затем уходит от них к главным противникам лефовцев, конструктивистам⁴; действительно, чувственная манера Хикмета, соединявшего националь-

² Дементьеву посвящено одно из самых известных стихотворений Багрицкого «Разговор с комсомольцем Н. Дементьевым». Багрицкий, по всей видимости, видел в Дементьеве продолжателя собственного дела, однако эта надежда так и не оправдалась: Дементьев покончил с собой вскоре после смерти Багрицкого, в 1935 году.

³ О жизни Хикмета в этот период см.: (Clark, 2021, p. 43–82). Подробнее о литераторах, обучавшихся в КУТВе, см.: (Djagalov, 2020, p. 43–52). Багрицкий был родом из крупного причерноморского города, Одессы и, кажется, считал себя принадлежащим к тому же культурному пространству, что и родившийся в Стамбуле Хикмет.

⁴ Как вспоминал сам Хикмет: «Два раза [я] выступал с ним (Маяковским. — К. К.) в Университете. Кто-то мне сказал, что футуристы отрицают психологию. Мне это не понравилось. Я пошел к конструктивистам. Маяковский сказал: “Турок-ре-негат”. Когда я выступал с конструктивистами, мне бросали в голову большие книги» (Бабаев, 1975, с. 93).

но-освободительную повестку с традиционной поэтикой персидско-туркской газели и народным песенным стихом, во многом напоминала поэзию конструктивистов⁵. Правда, в то время поэт еще не вполне твердо владел русским языком: тех поэтов, которые окружали его в Москве, он сможет внимательно прочесть только много лет спустя, когда вернется в столицу СССР после долгого тюремного срока на родине, в 1951 году. О лидерах московской литературной сцены того времени Хикмет будет вспоминать ретроспективно, когда бури литературных битв уже отгремят, и именно тогда он упомянет Багрицкого среди близких себе лириков, а влияние Маяковского, напротив, будет отрицать, утверждая, что к схожей форме стиха они пришли независимо друг от друга (Fuat, 2021, s. 61 – 62)⁶.

До описываемых в этой статье событий Хикмет уже бывал в Баку — в 1921 году, когда он был еще начинающим поэтом, а Азербайджан только присоединился к советской России. Этот богатый нефтью регион пережил краткий и турбулентный период независимой государственности в 1918–1920 годах, закончившийся драматической Бакинской операцией⁷. Следующее путешествие Хикмета на побережье Каспийского моря было уже более продуктивным: в 1927 году он приезжает сюда как звезда молодой левой литературы. Этот визит можно считать своего рода тренировкой перед решением тех более основательных и сложных культурных задач, с которыми поэту и революционеру предстояло столкнуться на родине и которые в конце концов окончились серией арестов и тюремных заключений.

Культурная жизнь в Азербайджане двадцатых годов была довольно интенсивна: в первой половине десятилетия в Бакинском университете преподавал корифей символизма Вячеслав Иванов⁸, какое-то время под началом Сергея Городецкого функционировало отделение Цеха поэтов, проездом там бывали Алексей Крученых, Велимир Хлебников, а затем и Сергей Есенин, который даже предпринял своего рода «крещение» бакинской нефтью и написал цикл стихов, вдохновленный, пусть

⁵ О поэтике Хикмета в связи с османской поэтической традицией см.: (Стеблева, 2012, с. 184–193).

⁶ Советский биограф Хикмета Радий Фиш замечает, что, несмотря на нетвердое владение русским, Багрицкий и Хикмет в 1920-е годы стали довольно близкими друзьями (Фиш, 1984, с. 84). Фиш представлял биографию поэта в значительно беллетризованной форме, стилистически напоминающей прозу самого Хикмета, тем не менее он основывался на материалах бесед с поэтом, которые велись на протяжении двенадцать лет. Две его книги о Хикмете (том серии «ЖЗЛ» 1968-го и отдельное издание 1984 года) довольно сильно отличаются друг от друга, в том числе и объемом, хотя обращаются в основном к тому же материалу.

⁷ Художественному изображению Бакинской операции посвящен роман Александра Гольдштейна «Помни о Фамагусте» (2004).

⁸ Этот период жизни Иванова отражен в дневниках его ученика М. С. Альтмана, который также оставил записи разговоров со своим учителем (Альтман, 1995).

и несколько поверхностно, местной культурой⁹. Но роль Хикмета в этом ряду была особой: он был не только одним из столпов нового левого авангарда, но и своего рода медиатором между советской культурой, претендующей на интернациональность, и тюркоязычным миром: советское правительство стремилось включить вновь приобретенные территории в орбиту отнюдь не только политического влияния, и лучшей кандидатуры для этого, чем Хикмет, невозможно представить¹⁰.

Азербайджан — регион, где традиционно проходила культурная и языковая граница между суннитской Османской империей и шиитским Ираном: до русско-персидских войн современная территория Азербайджана входила в состав державы Каджаров, а еще раньше здесь жили великие поэты — такие, как Низами, происходивший из города Гянджи и писавший стихи не только персидском, но и на местном варианте тюрки. При этом, несмотря на долгое доминирование в регионе персоязычной культуры, в языковом отношении Азербайджан был куда ближе Османской империи: азербайджанский и турецкий не только относятся к одной (огузской) группе внутри тюркских языков, но и в целом очень близки друг к другу, почти как диалекты одного языка (Гаджиева, 1996). Последнее немаловажно в случае Хикмета: в отличие от русских поэтов, он мог бы войти в непосредственный контакт с местной культурой и потенциально направить развитие азербайджанской пролетарской литературы по тому сценарию, который был бы желателен для Москвы.

Хикмет в Баку действительно завел обширные связи, активно публиковался в местной прессе и чувствовал себя достаточно комфортно в этом новом контексте — именно здесь появилась первая и сразу восторженная статья о его творчестве за авторством Али Назыма и, как уже упоминалось, вышла первая книга стихов. Его влияние на молодую азербайджанскую поэзию было огромно и в формальном, и в содержательном плане — под впечатлением от поэзии Хикмета местные поэты начинают осваивать свободный стих и новую эстетику, где переплета-

⁹ Ср.: «...в один из вечеров, во время посещения нефтяных промыслов Биби-Эйбата, поэт неожиданно подбежал к открытому резервуару, наполненному нефтью, и, чуть помедлив на самом краю, бросился вниз. Испуганные спутники Есенина бросились ему на помощь, вытащили, помогли в море смыть нефть. В результате этого случая поэт и оказался в бакинской больнице им. Рогова с сильнейшей простудой. Непряхин, навесивший Есенина в больницу, запомнил его слова, сказанные с полной серьезностью: “Это мое второе крещение — крещение нефтью”» (Лекманов, Свердлов, 2012, с. 516).

¹⁰ О более раннем, дореволюционном этапе такого посредничества, связанном преимущественно с распространением идей пантюркизма, см.: (Meyer, 2014); также см. написанную тем же автором биографию Хикмета, где используется во многом сходная методология, но не затрагиваются интересующие нас сюжеты: (Meyer, 2021). Такого рода культурная работа, конечно, не ограничивалась поэтическими командировками: уже в 1920 году в Баку состоялся Первый съезд народов Востока, призванный показать столицу Азербайджана советским культурным и политическим плацдармом.

ются политическое и лирическое (прежде всего это заметно на примере ровесников поэта — Микаэля Рафили и Сулеймана Рустама, с которыми Хикмет познакомился еще в годы учебы в КУТВе (Clark, 2021, р. 64))¹¹. В следующий раз поэт окажется в Азербайджане только тридцать лет спустя, но влияние его первого визита будет чувствоваться все это время: множество молодых поэтов будут стремиться подражать ему — например, ставший приятелем Хикмета Расул Рза, который был слишком молод, чтобы застать его в 1920-е годы. При этом в русскоязычном контексте бакинский период поэта остался практически неизвестным, зато широкое распространение получили стихи, в которых он описывал дорогу в советскую нефтяную столицу и первые впечатления от нее. Популярности этих стихов способствовал и перевод Багрицкого — Дементьева, вписавший их в формальные поиски конструктивистов. Но помимо прочего они стали одной из первых попыток символического изображения нефти в русской поэзии.

История взаимоотношений русской словесности с нефтью может рассматриваться в контексте общей для европейской и американской культуры последних двух веков диалектики природного и технического¹². При этом именно в русской поэзии нефть фигурирует лишь спорадически¹³, привлекая поэтов либо как амбивалентный визуальный образ («золотая патока радужной нефти» у Михаила Зенкевича или «Волоса густые, как нефть» у Маяковского), либо как одна из составляющих советского индустриального подъема, пусть даже двусмысленного и нередко жестокого (у Владимира Нарбута: «Жираф-экскаватор, туши и жиры — / Как тут обмозговано, полнокровно, / Нефть, уголь и хлеб — / Утробные пиры!..»). Главные характеристики нефти — текучесть, густой черный цвет, способность переливаться и разливаться (все три характеристики совмещаются у Пастернака: «нефть разлившейся зари»). Однако даже в индустриальные 1920-е годы поэты редко пишут о нефти, и стихи Хикмета восполняют эту лакуну, став для русской поэзии, по сути, первым прецедентным текстом такого рода.

2

У Хикмета нефть — не только емкий визуальный образ, как у Пастернака или Маяковского, и символ индустриального прогресса, хотя эти смыслы в его бакинских стихотворениях, безусловно, присутствуют; для него она — субъект политики, обладающий собственной волей, полноценный участник будущей мировой революции. Так описывается Баку в «Ответе нефти»:

¹¹ Подробнее см.: (Ahmadov, 2019), а также подробную летопись отношений Хикмета с азербайджанской культурой: (Kavlak, 2007).

¹² Об эстетике нефти в американской культуре см.: (LeMenager, 2014, р. 66 — 101).

¹³ Об истории нефти в русской поэзии см. главу «Концепт *нефть* в русском поэтическом дискурсе» в работе: (Орлова, 2012). О позднейшей культурной истории нефти в русской литературе см.: (Калинин, 2019).

Я прохожу по городу черных циклопов,
 Вызванных нами из-под земли.
 Мы им построили город,
 Протоптали тропы,
 Сбили костяк
 И глаза зажгли.

Сейчас, когда гиганты спят
 В своих глубоких черных постелях,
 В двери каждого дома
 Мои кулаки стучат,
 Будят голос гигантов
 В костлявом, промасленном теле.

(Багрицкий, 1964, с. 458)

Понятая таким образом нефть предстает словно бы ожившей визуализацией к более поздним идеям Брюно Латура, который в программной книге «Нового времени не было» (1991)¹⁴, обобщая работы своих единомышленников-социологов и комментируя их сосредоточенность на таких объектах, как «спираль лампы накаливания» или «бактерия сибирской язвы», подчеркивает, что в подобных исследованиях «рассматривается не природа или знание, не вещи-в-себе, но то, как эти вещи вовлечены в наши коллективы и в наши субъекты» (Латур, 2006, с. 62). Способность нефти служить своего рода посредником между миром природы и миром культуры, как это изображает Хикмет в образах нефтяных великанов — то ли рабочих нефтепромысла, испачканных с головы до ног, то ли персонифицированных ступков нефти или нефтяных вышек — показывает переходный статус нефти, ее принадлежность одновременно и природному, и человеческому миру. В то же время образы нефтяных великанов задают визионерское измерение поэмы, напоминающее и о принципе локальной семантике конструктивистов, и о мистическом прогрессизме у поэтов Пролеткульта¹⁵.

Отдельный интерес представляет форма перевода: общеизвестно, что Хикмет был одним из пионеров свободного стиха, вошедшего в турецкую и другие тюркоязычные литературы почти одновременно с отказом от арабской графики, которая позволяла с большей легкостью следовать правилам традиционной метрики, изначально построенной на счете долгих и кратких слогов¹⁶. Этот новый свободный стих тем не

¹⁴ Пожалуй, в нашем контексте было бы вернее перевести ее французское название, «Nous n'avons jamais été modernes», как «Мы никогда не были современными» или даже «Мы никогда не были модерными».

¹⁵ Ср. в «Декларации конструктивизма»: «Принцип грузофикации в применении к поэзии превращается в требование построения стихов в плане локальной семантики, т. е. развертывания всей фактуры стиха из основного смыслового содержания темы» (Зелинский, 2015, с. 94–95).

¹⁶ См. обзор нового тюркского стихосложения в: (Орехов, 2019, с. 22–42); также см.: (Thiesen, 1982, p. 217–226; Andrews, 1976).

менее сохранял определенную генетическую связь со старыми формами: изобилдовал спорадическими рифмами и созвучиями, обращался к узнаваемым ритмам, ведя генеалогию не только от ученой метрики аруза, но и от народного силлабического стиха, которым Хикмет увлекался с юности. Отчасти в силу «напевности» стиха Хикмета, а отчасти потому, что сам поэт воспринимался как турецкий аналог Маяковского, переводчики выбрали отсылающую к последнему форму. Размер «Ответа нефти» можно определить как вольный акцентный стих с регулярной рифмовкой; практически такая же форма, только с вольной рифмовкой, используется в «Путешествии к нефти». Характерно, что начиная с этих ранних опытов Багрицкого и Дементьева достаточно быстро складывается традиция переводить свободный стих Хикмета рифмованным стихом — чаще более регулярным, но иногда и относительно свободным. Уже в 1950-е годы поэт, живший в Москве и читавший советскую периодику, был недоволен этой практикой и даже опубликовал автоперевод программного стихотворения «Моя молодость»: в «Дне поэзии» за 1957 год, чтобы таким образом указать переводчикам на допускаемую ими систематическую ошибку¹⁷.

Подобный формальный аспект, в общем-то случайно ставший спутником ранних стихотворений Хикмета, в дальнейшем сыграет немаловажную роль в рецепции бакинского цикла. Другая характерная черта — явный антропоморфизм нефти, который сам по себе привлекает внимание: в своем естественном, *текущем* и *вязком*, состоянии нефть с трудом поддается описанию, она должна быть каким-то образом «квантифицирована», превращена в отдельную порцию или «единицу нефти», которая, в свою очередь, уже сможет действовать самостоятельно. Нечто похожее мы слышим и в повседневных разговорах, когда говорят о баррелях (то есть, буквально, бочках) нефти, обсуждая ее цену и влияние на глобальную экономику. Плохая «квантифицируемость» нефти сыграла значительную роль в «постэкологической» концепции Гимоти Мортон, сформулировавшего идею так называемых гиперобъектов, не в последнюю очередь отталкиваясь от изучения того культурного контекста, в котором циркулируют образы нефти. Мортон обозначает ключевое качество гиперобъекта словом, которое обычно используется при описании агрегатных качеств нефти, — *viscosity*, русский перевод которого — *текучесть* или *вязкость* — заведомо не передает всех возможных смысловых оттенков. «Вязкость» нефти и других гиперобъектов делает их присутствие в реальности особенно настойчивым и ощутимым; как пишет Мортон, «чем больше вы хотите освободиться от гиперобъектов, тем больше вы впутываетесь в них» (Morton, 2013, p. 36).

Поэт стремится превратить нефть в пространственно ограниченный объект, наделить ее антропоморфными чертами «черных циклопов», но «вязкость» нефти противится любым ограничениям, а возлагаемая на нефть утопическая надежда как будто опровергается готическим образом «вязкой могилы», в которой до поры спит нефть:

¹⁷ Об этом сюжете см.: (Орлицкий, 2021).

Скажи, Нефть,
 Отвечай, Нефть,
 Ты, от которой огни зажжены,
 Готова ли бросить
 Свой пыл и гнев
 На защиту нашей страны?
 И вдруг, закачавшись в сырой постели,
 Из вязкой своей могилы
 Ответила Нефть:
 — Хазырам. Бэли.
 Язык Нефти — язык силы.
 (Багрицкий, 1964, с. 460)

Любопытно, что два слова оставлены здесь без перевода. Издания сообщают, что это значит «Готова. Да» по-азербайджански: действительно, по-турецки первое слово будет звучать похоже, но несколько иначе (*hazırım*, а не *hazıram*), а второе, персидское заимствование *beli* (азерб. *bəli*), употреблялось в старом языке, но затем было вытеснено тюркским словом *evet*.

Тем не менее эта короткая фраза, безусловно, понятна носителю турецкого, и то, что нефть отвечает по-азербайджански, — всего лишь небольшой языковой сдвиг, в то время как по-русски она остается совершенно непонятной. Трудно сказать, кому принадлежала идея не переводить то, что отвечает нефть, — автору или консультировавшимся с ними переводчикам, но само по себе это показательно: нефть, хотя и циркулирует внутри человеческого мира, остается чуждой ему, ее слова непонятны или не до конца понятны, по крайней мере для русскоязычных читателей. Отказываясь от перевода этой реплики, переводчики (а может, и сам поэт) привлекают внимание к «некоммуникативной» природе нефти, ее исключенности из повседневного порядка вещей.

Тема встречи с нефтью продолжается в более пространной поэме «Путешествие к нефти», написанной в жанре поэтического травелога: ее герой, в котором однозначно узнается сам Хикмет, путешествует на поезде из Москвы в Баку, проезжая Ростов-на-Дону, Донецк и кавказские города, чтобы достичь советской нефтяной столицы. Пассивность ожидания пассажиров поезда «Москва — Баку» противопоставляется здесь активности нефти: она понимается как магическая кровь земли, а ее скрытое движение в недрах аналогично движению поезда по поверхности — это мистическая изнанка повседневности путешественника. Благодаря текучей и скрытой природе она способна связывать различные регионы мира друг с другом, оживлять их как кровь оживляет части человеческих тел. Для поэта открытие подлинной природы нефти оказывается настолько значимым, что он практически не видит города назначения: прикаспийский Баку выглядит только декорацией для сцены встречи с нефтью. Травелог Хикмета по-своему встраивается в долгую традицию путешествий в поисках скрытого смысла вещей — столь популярную на Ближнем Востоке и в Средней Азии, особенно в суфийской среде, и отразившуюся, например, в поэме Атгара «Язык птиц»¹⁸.

¹⁸ См., напр.: (Лахути, 2021).

В контексте «Человеческих ландшафтов» бакинские стихи 1920-х годов можно воспринимать как своего рода подготовку к созданию большого полотна: в пунктирном и конспективном виде здесь уже присутствуют те мотивы, которые спустя несколько десятилетий развернутся в большой поэме. Прежде всего, это два упомянутых выше нарратива, разве что вместо деколониальной критики и попыток условно реалистического изображения современников ранний Хикмет рисует утопические картины советского Азербайджана. Однако, по всей видимости, ему было не так легко отделаться от мыслей о колониальной эксплуатации: характерно, что финальная часть поэмы, где композиционно должно было бы находиться описание бакинского нефтепромысла, — одна из самых кратких и лаконичных — в отличие от предыдущих, где поэт со свойственной ему педантичностью перечисляет различные путевые впечатления:

Я удивленно смотрю на Баку,
Вдыхая дух маслянистой жары,
Как будто смотрю на фосфорный купол
Пльвущей в песках горы.

Как мне хочется кинуться
В омут ночи
И бежать, и петь, и кричать на бегу,
Как не пел, не кричал и не бегал давно,
Целовать этих черных людей.

В замасленных рубашках рабочих,
Падать ниц
На святую землю Баку
И глотать эту нефть,
Как черное вино

(Багрицкий, 1964, с. 471).

Знаменательно, что одной из станций на пути к Баку оказывается Донецк, столица угольного региона, вольно или невольно представляющая промежуточной стадией на пути к подлинно освобождающей индустриализации посредством нефтедобычи и потому в большей мере до сих пор подверженная колониальному способу хозяйствования. На Донбассе пассажирам впервые открывается зрелище черных одежд и покрывающей все угольной пыли («Черная одежда в Донбассе не траур» (Там же, с. 486)), которое оказывается своего рода прелюдией к встрече с

ры Турции в определенный исторический период, показанный через людей, принадлежащих к самым разным классам. Выражением, естественно, не застывшим, а диалектическим, текущим. 3. Я хочу, чтобы на втором плане было ясно видно состояние мира, окружающего турецкое общество в определенный период. 4. Я хочу в своей области, максимально используя все имеющиеся в моем распоряжении возможности, дать ответ на вопрос: кто мы, откуда и куда мы идем» (цит. по: Фиш, 1984, с. 232). При всем внимании официальной советской печати к Хикмету эта поэма так и не была переведена на русский целиком.

бакинской нефтью, где столь же черная и так же извлеченная из недр земли субстанция предстает уже в новом, текучем и вязком виде. Поэт подготавливает встречу читателя с нефтью, подчеркивая, что по мере приближения к Баку вокруг становится все больше черного цвета: уголь, ночь, паровозный дым — из этих элементов затем складывается образ нефти.

Наконец, в финальных строках нефть становится «черным вином», напрямую отсылая к той мистической традиции, к которой Хикмет, несмотря на свои коммунистические симпатии, был привязан с детства — традиции Джалаледдина Руми, патрона суфийского ордена Мевлеви (Тримингэм, 1989, с. 59–61). Руми, несмотря на то что писал на классическом персидском, считается в Турции национальным поэтом — благодаря тому, что жил в анатолийском городе Конья, и тому, что основанный его учениками суфийский орден играл важную роль в духовной жизни Османской империи, как во многом и современной Турции²¹. В этом ордене состоял и дедушка поэта, Мехмед Назым-паша, который читал ему в детстве «вместо бабушкиной колыбельной... стихи “Месневи”» (Хикмет, 2013, с. 22)²². В шестнадцать лет Хикмет поэт написал короткую и еще очень традиционную по форме газель «Мевляна», где он называл себя мюридом Руми — его учеником на пути духовного странствования:

Преграду черной тьмы я к вечности прорву.
Найдя в себе любовь, подобен я царю.
Очистившись душой, я пред тобой стою.
И вот я твой мюрид, о Мевляна!
(Фиш, 1984, с. 20)²³

О том, что Хикмет и в более поздние годы интересовался творчеством Руми, свидетельствует хотя бы тот факт, что на турецкий его активно переводил ученик Хикмета А. Кадир (Абдулькадир Меричбой): они познакомились в тюрьме, когда Хикмет и несколько курсантов Анкарского военного училища находились там по сфабрикованному обвинению в попытке осуществления государственного переворота (Фиш, 1984, с. 167–204)²⁴.

Руми, как известно, не оставил систематических философских работ, но, отвлекаясь от частных дел, его можно рассматривать как популяризатора суфийского учения в том виде, в каком оно изложено у Ибн Араби, крупнейшего мыслителя арабского мира²⁵. Главная тема поэзии

²¹ Ср., например, размышления об истоках ордена в «Черной книге» Орхана Памука.

²² Также см.: (Фиш, 2000).

²³ Перевод Радия Фиша. Любопытно, что Фиш, переводчик и биограф Хикмета, под влиянием последнего увлекся поэзией и философией Руми и написал о нем популярную книгу. В позднейших воспоминаниях Хикмет утверждал, что написал это стихотворение, чтобы порадовать деда (Fuat, 2021, s. 233).

²⁴ А. Кадир посвятил этому эпизоду отдельную книгу (Kadir, 1967).

²⁵ О непосредственном влиянии учения Ибн Араби на Руми см.: (Chittick, 1993) и др. работы этого автора.

Руми в целом и его главного труда, поэмы «Маснави» в частности хорошо известна — необходимость обретения единства с Богом (араб.-перс. *tawhīd*) и восприятия мира как сосуда для божественной милости и любви²⁶. В IV книге своей поэмы Руми цитирует знаменитый хадис о Боге как скрытом сокровище, встраивая его в собственную концепцию поиска скрытых оснований мира:

Среди сотворенных есть чистые духом,
[А] есть и темные духом, погрязшие в глине.

Эти раковины не все одного достоинства:
В одной — жемчуг, в другой — гагат.

Необходимо выявление [различий] этого благого и отталкивающего,
Так же как выявление [различий] между пшеницей и соломой.

Для такого выявления и существуют эти создания в мире,
Чтобы сокровище [зерен] мудрости не оставалось сокрытым.

Сказал Господь: «Я был скрытым сокровищем», внемли!
Не теряй свою сущность, яви ее!

(Руми, 2010, с. 260)

Другими словами, мир понимается здесь как непрерывное раскрытие различных аспектов божества, а единство с этим миром посредством любви — как единение с трансцендентным. Для такого видения характерна известная диалектичность: если все, что открывается в мире, — аспекты Бога, значит таковыми оказывается не только благое, но и дурное — не только свет, но и тьма; и эти полюсы, как говорят исследователи Руми, может примирить только любовь, сводящая их воедино (Chittick, 2017). Отчасти поэтому Руми (как, впрочем, и Ибн Араби) нередко обвиняют в скрытом пантеизме: мир для него — текуч и неуловим, а противоположности в нем стремятся к тому, чтобы примириться друг с другом посредством энергии любви²⁷. Подобный взгляд отзывается в бакинских стихах Хикмета, где нефть персонифицируется в различных образах и предметах, чтобы в конце концов остаться неуловимой и текучей, но тем не менее разлитой в мире словно божественная любовь, как (черное) вино, которое в суфийской литературе всегда обозначает характерную спутанность сознания, возникающую от близости

²⁶ Ср.: «Целью суфизма является единение с Божественным, которое является итогом любви человека к божественной Красоте. Это единение в целом понимается в аспекте постепенного очищения сердца и достижения различных духовных добродетелей, приводящего в итоге к состоянию “самоуничтожения” (*fanā*) и “пребывания” (*baqā*)» в Божественном» (Наср, 2014, с. 125; также см.: Насыров, 2012, с. 360–385).

²⁷ Ср.: «Плохого не знаешь, пока не знаешь хорошего, / Противоположное познается противоположным, о юноша!» (IV, 1345) (Руми, 2010, с. 134) Или: «Свету Истинного нет противоположности в существовании, / чтобы через противоположность Его можно было найти» (I, 1134) (Руми, 2007, с. 94).

трансцендентного. В каком-то смысле нефть у Хикмета и оказывается той *раскрытой*, извлеченной из недр земли тайной, текучим смыслом, который связывает разрозненные аспекты мира воедино²⁸.

3

На бакинские стихи Хикмета можно смотреть как на одну из первых попыток создания своего рода философии нефти — то, что в двухтысячные годы получит яркое выражение у другого автора родом с побережья Каспийского моря — Резы Негарестани: в его философском романе «Циклопедия» (2008) нефть становится обозначением нового типа субъекта, одновременно текучего и взрывоопасного, чуждого человеческому миру. Для живущего в США Негарестани, роман которого во многом можно рассматривать и как ностальгическое повествование о родном Иране, и как своего рода оккультно-конспирологическое прочтение ближневосточной политики в духе мистификаторских трудов группы CCRU, нефть — это ключевой элемент культуры и природы региона, тот узел, который связывает все разрозненные и причудливые аспекты ближневосточной реальности воедино, своего рода тотальный «нарративный организатор», ведь «в этом мире нет темы, которая не отражалась бы в нефти» (Негарестани, 2019, с. 21)²⁹. При этом Негарестани словно бы подхватывает то понимание нефти, которое в романтическом ключе возникает у Хикмета, описывая этот миф почти теми же словами: «Миф об ископаемом Топливе связан с институционализацией религиозных ожиданий в нефтяной индустрии: с каждой вещью, произведенной из нефти, мы становимся чуть ближе к Богу» (Там же, с. 29).

В небольшом эссе об этом романе Михаил Куртов предлагает интересную интерпретацию задачи, стоявшей перед Негарестани, — раскрыть политическую и экономическую сущность географии Ближнего Востока с характерным для нее чередованием засушливых областей и оазисов, горных цепей и песчаных дюн, величественных полноводных рек и пересыхающих вад, райских побережий и суровых пустынь³⁰. «Циклопедия» предстает романом о переводе одних категорий (географических) в другие (экономические и политические), а протагонист романа, нефть, — средством такого перевода: после того, как она извлечена из земли (география), она становится активным участником и

²⁸ Ср.: «Она (нефть. — К.К.) может быть описана как органическая субстанция далекого прошлого, актуализация которого приводит к высвобождению энергии, обладающей не только физическими свойствами, но и историческим — равно как и мифологическим — зарядом» (Калинин, 2019).

²⁹ Об оккультном слое романа см.: (Реgev, 2019); относительно других аспектов см. сборник: (Lerer Creativity, 2012) и особенно статью Юджина Такера в нем (р. 173–180).

³⁰ Ср.: «Ближний Восток является “живой и разумной сущностью” потому, что он помещен в такую “карту перевода”, где его географическая позиция увязана с его политическими ставками через экономическое значение содержащихся в его недрах углеводородов» (Куртов, 2020).

экономических, и политических процессов. Но так же, как нефть можно считать вспомогательным средством перевода одних понятий в другие, ее можно считать и радикальным выражением логики *неперевода*: это спрессованная память о древности, к которой невозможно получить доступ, — она остается глуха к попыткам раскрыть ее тайну, потому что в известном смысле никакой тайны она не содержит. Кажется, именно такое столкновение между «смыслом» нефти и его отсутствием приводит Негарестани к идее о чуждости нефти человеческому миру и ее особой античеловеческой агентности³¹.

Спустя почти сто лет после бакинских стихов Хикмета Алексей Парщиков напишет небольшую поэму «Нефть», программную для его позднего творчества. Хорошо известно, что он был внимательным читателем Багрицкого, а в собраниях произведений последнего, например в соответствующем томе «Библиотеки поэта», почти всегда приводятся переводы разбиравшихся выше стихотворений Хикмета; к тому же этот цикл довольно часто упоминался в советской печати и переиздавался почти в каждом новом томе произведений уже самого Хикмета, а последние в Советском Союзе выходили довольно часто³². В свою очередь, в кругу поэтов-метареалистов, к которому принадлежал Парщиков, существовал устойчивый интерес к Багрицкому, и в стихах Парщикова 1980-х можно увидеть напоминающие о нем мотивы (самый яркий пример — поэма «Я жил на поле Полтавской битвы», во многом перекликающаяся с «Думой про Опанаса») ³³. «Нефть» в этом контексте выглядит как эхо той же литературной традиции, напоминая о хикметовском претексте как мотивной структурой, так и устройством стиха: здесь используется тот же вольный акцентный стих с перекрестной рифмовкой, что и в переводе Багрицкого — Дементьева, у которых он, правда, несколько замаскирован вольной разбивкой на строки³⁴.

В письме к американскому переводчику «Нефти» Сергею Левчину Парщиков перечисляет и описывает ключевые мотивы поэмы, во многом приближаясь к тому образу нефти, который через несколько лет найдет воплощение в «Циклопедии» Негарестани. Здесь речь идет и о неразгадываемой загадке нефти («Я не предполагал, что нефть озна-

³¹ Ср. один из способов описывать нефть в «Циклопедии», также напоминающий то, как видит ее Хикмет: «Углеводородная Группная Жидкость. Постапокалиптическая сущность, которая состоит из органических трупов, сплюснутых, наваленных и разжиженных в осадочных бассейнах (мегакладбищах). <...> Нефть как продукция организмов *post-mortem* неразрывно связана со смертью» (Негарестани, 2021, с. 29).

³² Напр., в небольшом эссе Николая Асеева, которое многократно перепечатывалось: (Асеев, 1951).

³³ Ср. сообщение Максима Шраера: «И. Кутик сообщил мне, что И. Бродский охарактеризовал поэзию А. Парщикова следующим образом: “Он хочет переплюнуть Багрицкого метафорами”. Кутик также сообщил, что среди членов его литературной группы (метафористов / метареалистов) особенно популярны были стихотворения Багрицкого “От черного хлеба и верной жены...” и “Весна”» (Шраер, 2000, с. 272).

³⁴ Описание метрического репертуара Парщикова см.: (Брейдо, 2022).

чает что-то кроме самой себя» (Парщиков, 2019, с. 316)³⁵), и о нефти как «планетарной крови», «промежутке между органикой и неорганикой», о специфической политической теологии нефтяного промысла («Нефть — жертвенный баран. Она обращает в свою веру. Она — нефть — и жертва, и божество в одном лице» (Там же, с. 317)), о ее парадоксальной бессубъектной субъектности («Нефть все время претендует на роль человека»), наконец, об ассоциации нефти с дочеловеческой тьмой («Нефть — тьма... Нефть — убийца» (Там же, с. 318)). Отдельный интересный вопрос: что стало источником всех этих образов? В какой мере это собственные интуиции поэта, а в какой — переосмысление тех вопросов, которые активно дебатировались в европейской и американской культуре 1990–2000-х? В эти годы Парщиков живет сначала в США, а затем в Германии и пристально следит за состоянием современной ему гуманитарной мысли и арт-среды, так что отголоски циркулировавших в то время идей вполне могут обнаруживаться в поэме.

Помимо теоретических набросков в письме можно найти описание сеттинга поэмы, более ясное, чем в самом ее тексте, где те же самые картины и образы представлены в зашифрованном виде. Автор сообщает, что многое здесь увидено как будто из окна поезда «Москва — Архангельск»: поезд на этом маршруте минует водораздел Валдайской возвышенности, «где часть рек берет начало и устремляется к югу, а другие бегут на север» (Там же, с. 316). Именно здесь поэт посещает видение, которое сформирует смысловой центр поэмы: «...меня в прямом смысле посетили ощущения прозрачности земной коры, и я видел ископаемые, залежи нефти, складки, где она находится» (Там же). При этом, несмотря на то что Хикмет путешествовал из Москвы на юг, а Парщиков — на север, используемая ими мотивная структура схожа: они оба воспринимают нефть через железнодорожную инфраструктуру, которая, в свою очередь, наиболее наглядно показывает масштаб нефтяного транспорта в духе упоминавшегося нарратива производственно-сбытовых цепочек, не говоря уже о том, что нефть также оказывается здесь самостоятельным актором. У обоих поэтов заметен один и тот же метонимический переход — поезд, осуществляющий связь между разными точками на географической карте, заменяется нефтью, текущей по нефтепроводу:

Жизнь моя на середине, хоть в дату втыкай циркуль.
Водораздел между реками Юга и Севера — вынутый километр.
Приняв его за туннель, ты чувствуешь, что выложены впритирку
слои молекул, и взлетаешь на ковш под тобой обернувшихся недр.

И вися на зубце, в промежутке, где реки меняют полярность,
можно видеть по списку: пары, каменюги и петлистую нефть.
Ты устался, как солдат, на отвязанную реальность.
Нефть выходит бараном с двойной загогулиной на тебя, неофит.

(Там же, с. 312)

³⁵ В издании не указана датировка письма, но по косвенным данным оно должно относиться к 2002 году.

Поиск нечеловеческих акторов – предприятие, в целом характерное для Парщикова с самого начала его пути – от ранней «Угольной элегии», посвященной, к слову сказать, Донецку, до поздних «Дирижаблей». Самый яркий пример в этом ряду – стихотворение «Деньги», написанное во второй половине 1980-х: финансовые потоки изображаются в нем как текучая и вязкая субстанция, во многом напоминающая о том, каким образом в следующем десятилетии он будет писать о нефти³⁶. Но кроме того, что и деньги, и нефть – самостоятельные нечеловеческие акторы, которых можно понимать в духе акторно-сетевой теории Латура, они также могут функционировать как симптом разорванности и расколотости опыта, невозможности вернуться к целостному представлению о *человеческом* субъекте³⁷. Сами эти субстанции, несмотря на свою тотальность или даже благодаря ей, лишены внутреннего смысла; они – загадка, которую нельзя разгадать не из-за ее сложности, а из-за отсутствия ответа.

И в случае Хикмета, и в случае Парщикова, несмотря на разделяющие их десятилетия, мы имеем дело с поиском своего рода новой глобальности, которая может противостоять локальной расколотости, но сам такой поиск оказывается следствием своего рода постколониального комплекса – ощущения себя пассивным заложником социально-экономических процессов, которые контролируются кем-то извне, и желания противопоставить этому внешнему контролю некоторую новую агентность. Здесь важно, что Парщиков провел детство в Донецке, городе со сложной колониальной историей, к которой он всегда относился с особым вниманием: одним из ярких свидетельств этого можно назвать, например, увлечение «славянским», то есть, по сути, украинским, барокко в 1980-е годы, вылившееся в поэму «Я жил на поле Полтавской битвы»³⁸. В этом смысле примечательно, что Хикмет в своем путешествии в нефтяную столицу Советского Союза проезжает мимо Донецка, который становится для него своего рода предвестием индустриальной революции.

³⁶ Подробнее см.: (Корчагин, 2022).

³⁷ Ср.: «...в этих строках (поэмы «Нефть». – К.К.) можно увидеть, как нефть возникает из катастрофы и вытесняет субъектность... И несмотря на суггестивность метафоры и регулярность акцентного стиха, так или иначе происходит расщепление субъекта между реальным и символическим пространствами» (Масалов, 2022, с. 110).

³⁸ Сам поэт вспоминает об этом увлечении так: «...в мой книгооборот просочился сборник “Славянское барокко” – это статьи о русской, украинской, польской и сербскохорватской поэзии, среди которых были работы о разных смысловых пределах схожих приемов, взятых из практики футуризма и барокко. Впервые я прочитал о барочной картине мира, о мифах этого стиля жизни и творчества. Одновременно я глубоко пережил отечественный футуризм, казавшийся мне раньше грубым направлением. Мне открылась и старая украинская литература, поэзия Ивана Величковского (книга которого у меня случайно оказалась), не говоря о том, что я получил энергию для восприятия языковых деформаций Виктора Сосноры» (Парщиков, 2019, с. 37–38; текст впервые опубликован в 1987 году).

стриального расцвета Баку. Так и Парщиков уже совсем в другую эпоху посредством образа нефти словно бы пытается связать воедино распадающееся пространство, чтобы найти место для человека среди глобальных сырьевых потоков. Но парадоксальность нефти как вещества в том и состоит, что ценой связности оказывается распад: смерть как причина формирования нефти как будто отравляет собой любую возможную связность, не позволяя субъекту обрести желаемую целостность.

Разделы 1 и 2 настоящего исследования выполнены за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00429) в Институте языкознания РАН; раздел 3 – за счет гранта Российского научного фонда, проект № 19-18-00205 («Поэт и поэзия в постисторическую эпоху»).

Список литературы

- Альтман М. С. Разговоры с Вячеславом Ивановым. СПб., 1995.
- Асеев Н. Судьба поэта // Новый мир. 1951. №1. С. 229–231.
- Бабаев А. А. Назым Хикмет. Жизнь и творчество. М., 1975.
- Багрицкий Э. Стихотворения и поэмы. Л., 1964.
- Балаев С. Г. Нефть страны вечного огня. Краткий очерк по истории нефтедобывающей и нефтеперерабатывающей промышленности Азербайджана. Баку, 1969.
- Брейдо Е. М. Строгий тонический стих Алексея Парщикова // Труды ИРЯ РАН. 2022. №3 (33). С. 96–120.
- Гаджиева Н. З. Тюркские языки // Языки мира: тюркские языки. М., 1996. С. 18–23.
- Зелинский К. Л. Поэзия как смысл: Книга о конструктивизме / сост. и публ. А. К. Зелинского; предисл. Д. М. Давыдова. М., 2015.
- Калинин И. Русская петропоэтика: литературные продукты нефтепереработки // Неприкосновенный запас. 2019. №126. С. 219–254.
- Корчагин К. М. У истоков акторно-сетевой поэзии: «Деньги» Алексея Парщикова // Фигуры интуиции: поэтика Алексея Парщикова / сост. и ред. А. Е. Масалов. М., 2022. С. 159–165.
- Куртов М. Живая нефть исламских пустынь: как «Циклопедия» Резы Негарестани превращает миры друг в друга // Нож. 2020. 22 янв. URL: <https://knife.media/cyclonopedia/> (дата обращения: 20.02.2023).
- Латуэр Б. Нового времени не было. Эссе по симметричной антропологии / пер. с фр. Д. Я. Калугина. СПб., 2006.
- Лахути Л. Г. Путешествие как структурообразующее начало поэм 'Аттра // Orientalistica. 2021. Т. 4, №3. С. 768–799.
- Лекманов О., Свердлов М. Сергей Есенин: биография. М., 2012.
- Масалов А. Е. Диалог Language School и метареализма: поэмы «Sun» Майкла Палмера и «Нефть» Алексея Парщикова // Литература двух Америк. 2022. №12. С. 102–114.
- Наср С. Х. Философы ислама: Авиценна (Ибн Сина), Ас-Сухраварди, Ибн Араби / пер. с англ. Р. Псху. М., 2014.
- Насыров И. Р. Основания исламского мистицизма (генезис и эволюция). М., 2012.
- Негарестани Р. Циклопедия: соучастие с анонимными материалами / пер. с англ. П. Хановой. М., 2019.
- Орехов Б. В. Башкирский стих XX века. Корпусное исследование. СПб., 2019.

Орлицкий Ю.Б. Ранний русский свободный стих // Новое литературное обозрение. 2021. №167. С. 269–286.

Орлова О.В. Дискурсивно-стилистическая эволюция медиаконцепта: жизненный цикл и миромоделирующий потенциал. Томск, 2012.

Парицков А. Кёльнское время. М., 2019.

Реgev Й. Реза Негарестани: гусь на лоне вод // Неприкосновенный запас. 2019. №126. С. 12–23.

Руми Дж. Маснави-йи ма'нави («Поэма о скрытом смысле»). I дафтар / пер. с перс. Л.Г. Лахути, Н.И. Пригариной, М.А. Русанова, Н.Ю. Чалисовой. СПб., 2007.

Руми Дж. Маснави-йи ма'нави («Поэма о скрытом смысле»). IV дафтар / пер. с перс. Л.Г. Лахути, Н.И. Пригариной, М.А. Русанова, Н.Ю. Чалисовой. СПб., 2010.

Стеблева И.В. Тюркская поэтика. Этапы развития VIII–XX вв. М., 2012.

Тримингэм Дж.С. Суфийские ордены в исламе / пер. с англ. А.А. Ставиской. М., 1989.

Фиш Р. Назым Хикмет. Этюды жизни и творчества. М., 1984.

Фиш Р. Служение истине несовместимо со служением власти. Перечитывая и вспоминая Назыма Хикмета // Вопросы литературы. 2000. №2. С. 216–230.

Хикмет Н. Жизнь прекрасна, братец мой / пер. с тур. А. Аврутиной. СПб., 2013.

Шраер М.Д. Легенда и судьба Эдуарда Багрицкого // Багрицкий Э. Стихотворения и поэмы. СПб., 2000. С. 237–274.

Эткинд А. Природа зла. Сырье и государство. М., 2020.

Ahmadov R. Azerbaijan serbest şiiri ve şairleri üzerinde Nâzım Hikmet etkisi // Mutad. 2019. VI (1). S. 1–14.

Andrews W.G. An Introduction to Ottoman Poetry. Minneapolis, 1976.

Chittick W.C. The Spiritual Path of Love in Ibn al-'Arabi and Rumi // Mystics Quarterly. 1993. Vol. 19, №1. P. 4–16.

Chittick W.C. Rumi, Jalāl-Al-Din // Encyclopædia Iranica. 2017 URL: <http://www.iranicaonline.org/articles/rumi-philosophy> (дата обращения: 20.02.2023).

Clark K. Eurasia without Borders. The Dream of a Leftist Literary Commons, 1919–1943. Cambridge, 2021.

Djagalov R. From Internationalism to Postcolonialism. Literature and Cinema between the Second and the Third Worlds. Montreal, 2020.

Fuat M. A'dan Z'ye Nâzım Hikmet. İstanbul, 2021.

Hikmet N. Memleketimden insan manzaraları. Siirler: 5. İstanbul, 2002.

Kadir A. 1938 harp okulu olayı ve Nâzım Hikmet. İstanbul, 1967.

Kavlak A. «Bakü'ye gidiyorum ay balam»: Nâzım Hikmet'in Azerbaycan'daki izleri, 1921–1963. İstanbul, 2007.

LeMenager S. Living Oil. Petroleum Culture in the American Century. Oxford, 2014.

Leper Creativity. Cyclonopedia Symposium / ed. by E. Keller, N. Masciandaro, E. Thacker. N. Y., 2012.

Meyer J.H. Turks across Empires: Marketing Muslim Identity in the Russian-Ottoman Borderlands, 1856–1914. Oxford, 2014.

Meyer J.H. Red Star over The Black Sea. Nâzım Hikmet and his Generation. Oxford, 2021.

Morton T. Hyperobjects. Philosophy and Ecology after the End of the World. Minneapolis ; L., 2013.

Thiesen F. A Manual of Classical Persian Prosody. Wiesbaden, 1982.

Об авторе

Кирилл Михайлович Корчагин, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора теоретического языкознания, Институт языкознания РАН, Москва, Россия / ведущий научный сотрудник сектора корпусной лингвистики и лингвистической поэтики, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва, Россия.

E-mail: stivendedal@gmail.com

ORCID: 0000-0002-3778-7252

Для цитирования:

Корчагин К. М. Нефть как пространство неперевода: Хикмет, Негарестани, Парщикова // Слово.ру: балтийский акцент. 2023. Т. 14, №3. С. 52–73. doi: 10.5922/2225-5346-2023-3-4.

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

PETROLEUM AS A SPACE FOR NON-TRANSLATION: HIKMET, NEGARESTANI, PARSHCHIKOV

K. M. Korchagin

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences,
1 str. 1, Bol'shoy Kislovskiy, Moscow, 125009, Russia

V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
18/2, Volkhonka str., Moscow, 119019, Russia

Submitted on October 10, 2022

Accepted on February 02, 2023

doi: 10.5922/2225-5346-2023-3-4

In 1927, Nâzım Hikmet composed several poems based on his impressions of his visit to Azerbaijani capital, the city of Baku. They will be included in the collection Song of the Sun-drinkers (1928) and will soon be translated into Russian. The Baku cycle was one of the first attempts at a symbolic representation of petroleum in Russian poetry, in many ways foreshadowing the later poetics of the subject, which will develop on Russian material only in the 2000s. One can look at these poems by Hikmet as one of the first attempts to create a philosophy of petroleum, which will find its most large-scale embodiment in the philosophical novel "Cyclonopedia" by Reza Negarestani, where petroleum constitutes a new type of subjectivity, simultaneously fluid and explosive. On the other hand, the image of petroleum will play a key role in Alexei Parshchikov's poem of the same name, where one can also discern echoes of this philosophy in Hikmet's Baku cycle. For all these authors, petroleum acts as a radical expression of the logic of non-translation: it is a condensed memory of antiquity, which cannot be directly accessed; its mystery cannot be revealed because, in a sense, it contains no mystery. Such a paradoxical semiotics leads all three authors to the idea that petroleum is alien to the human world and has a special inhuman agency.

Keywords: non-translation, cultural accommodation, Nâzım Hikmet, Reza Negarestani, Alexei Parshchikov, semiotics of petroleum

The present study was carried out at the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences with the financial support of the Russian Science Foundation, project no. 19-18-00429 (sections 1, 2) and project no. 19-18-00205 (section 3).

References

- Ahmadov, R., 2019. Azərbaycan serbest şiiri ve şairleri üzerinde Nâzım Hikmet etkisi. *Mutad*, VI (1), pp. 1–14.
- Altman, M.S., 1995. *Razgovory s Vyacheslavom Ivanovym* [Conversations with Vyacheslav Ivanov]. St. Petersburg (in Russ.).
- Andrews, W.G., 1976. *An Introduction to Ottoman Poetry*. Minneapolis.
- Aseev, N., 1951. Destiny of the poet. *Novyi mir* [A new world], 1, pp. 229–231 (in Russ.).
- Babaev, A.A., 1975. *Nazym Khikmet. Zhizn' i tvorchestvo* [Nâzım Hikmet. Life and works]. Moscow (in Russ.).
- Bagritskii, E., 1964. *Stikhotvoreniya i poemy* [Short and long poems]. Leningrad (in Russ.).
- Balaev, S.G., 1969. *Neft' strany vechnogo ognya. Kratkii ocherk po istorii nefte dobyvayushchei i neftepererabatyvayushchei promyshlennosti Azerbaidzhana* [Petroleum of the land of eternal flame. A brief essay on the history of the oil production and refining industry of Azerbaijan]. Baku (in Russ.).
- Breydo, E.M., 2022. Strict Tonic Verse of Alexey Parshchikov. *Trudy Instituta Russkogo Yazyka imeni V. V. Vinogradova* [Proceedings of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute], 3 (33), pp. 96–120, <https://doi.org/10.31912/pvrli-2022.3.6> (in Russ.).
- Chittick, W.C., 1993. The Spiritual Path of Love in Ibn al-'Arabi and Rumi. *Mystics Quarterly*, 19 (1), pp. 4–16.
- Chittick, W.C., 2017. Rumi, Jalāl-Al-Din. *Encyclopædia Iranica*. Available at: <http://www.iranicaonline.org/articles/rumi-philosophy> [Accessed 20 February 2023].
- Clark, K., 2021. *Eurasia without Borders. The Dream of a Leftist Literary Commons, 1919–1943*. Cambridge et al.
- Djagalov, R., 2020. *From Internationalism to Postcolonialism. Literature and Cinema between the Second and the Third Worlds*. Montreal et al.
- Etkind, A., 2020. *Priroda zla. Syr'e i gosudarstvo* [Nature's Evil: A Cultural History of Natural Resources]. Moscow (in Russ.).
- Fish, R., 1984. *Nazym Khikmet. Etyudy zhizni i tvorchestva* [Nâzım Hikmet. Essays on his life and works]. Moscow (in Russ.).
- Fish, R., 2000. To serve the truth means not to serve authority. Re-reading Nâzım Hikmet. *Voprosy literatury* [Questions of literature], 2, pp. 216–230 (in Russ.).
- Fuat, M., 2021. *A'dan Z'ye Nâzım Hikmet*. İstanbul.
- Gadzhieva, N.Z., 1996. Turkic languages. In: *Yazyki mira: tyurkskie yazyki* [World languages: Turkic languages]. Moscow, pp. 18–23 (in Russ.).
- Hikmet, N., 2002. *Memleketimden insan manzaralari*. Siirler: 5. İstanbul.
- Hikmet, N., 2013. *Zhizn' prekrasna, bratets moi* [Life is beautiful, my brother]. Translated by A. Avrutina. St. Petersburg (in Russ.).
- Kadir, A., 1967. *1938 harp okulu olayı ve Nâzım Hikmet*. İstanbul.
- Kalinin, I., 2019. Russian petro-poetics: literary products of oil refining]. *Neprikosnovennyi zapas* [An inviolable reserve], 126, pp. 219–254 (in Russ.).
- Kavlak, A., 2007. «Bakü'ye gidiyorum ay balam»: Nâzım Hikmet'in Azərbaycan'daki izleri, 1921–1963. İstanbul.
- Korchagin, K.M., 2002. Around the origins of actor-network poetry: Aleskey Parshchikov's *Money*. In: A.E. Masalov, ed. *Figury intuitsii: poetika Alekseya Parshchikova* [Figures of intuition: Aleskey Parshchikov's poetics]. Moscow, pp. 159–165 (in Russ.).

Kurtov, M., 2020. Living oil from Islamic deserts: how Reza Negarestani's *Cyclonopedia* transform worlds into each other. *Nozh* [Knife]. Jan. 22. Available at: <https://knife.media/cyclonopedia/> [Accessed 20 February 2023] (in Russ.).

Lakhuti, L.G., 2021. The travel story as the structure-forming basis for Attar poems *Orientalistica*, 4 (3), pp. 768–799, <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2021-4-3-768-799> (in Russ.).

Latour, B., 2006. *Novogo vremeni ne bylo. Esse po simmetrichnoi antropologii* [We have never been modern. Essays on symmetric anthropology]. St. Petersburg (in Russ.).

Lekmanov, O. and Sverdlov, M., 2012. *Sergei Esenin: biografiya* [Sergey Yesenin: biography]. Moscow (in Russ.).

LeMenager, S., 2014. *Living Oil. Petroleum Culture in the American Century*. Oxford.

Keller, E. et al., eds., 2012. *Leper Creativity. Cyclonopedia Symposium*. New York.

Masalov, A.E., 2022. Dialogue between Language School and Metarealism: *Sun* by Michael Palmer and *Oil* by Aleksei Parshchikov. *Literature of the Americas*, 12, pp. 102–114, <https://doi.org/10.22455/2541-7894-2022-12-102-114> (in Russ.).

Meyer, J.H., 2014. *Turks across Empires: Marketing Muslim Identity in the Russian-Ottoman Borderlands, 1856–1914*. Oxford.

Meyer, J.H., 2021. *Red Star over The Black Sea. Nâzim Hikmet and his Generation*. Oxford.

Morton, T., 2013. *Hyperobjects. Philosophy and Ecology after the End of the World*. Minneapolis; London.

Nasr, S. Kh., 2014. *Filosofy islama: Avitsenna (Ibn Sina), As-Sukhravardi, Ibn Arabi* [Philosophers of Islam: Avicenna, Al-Suhrawardy, Ibn Arabi]. Translated by R. Pskhu. Moscow (in Russ.).

Nasyrov, I.R., 2012. *Osnovaniya islamskogo mistitsizma (genezis i evolyutsiya)* [Origins of Islamic mystic (genesis and evolution)]. Moscow (in Russ.).

Negarestani, R., 2019. *Tsiklonopediya: souchastie s anonimnymi materialami* [Cyclonopedia: Complicity with Anonymous Materials]. Translated by P. Khanovaya. Moscow (in Russ.).

Orehhov, B.V., 2019. *Bashkirskii stikh 20 veka. Korpusnoe issledovanie* [Bashkir verse of the 20th century. Corpus study]. St. Petersburg (in Russ.).

Orlitskiy, Yu.B., 2021. Early Russian free verse. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Review], 167, pp. 269–286 (in Russ.).

Orlova, O.V., 2012. *Diskursivno-stilisticheskaya evolyutsiya mediakontseptsa: zhiznennyi tsikl i miromodeliruyushchii potentsial* [Evolution of media-concept from the point of view of discourse and style: cycle of life and potential of world modelling]. Tomsk (in Russ.).

Parshchikov, A., 2019. *Kel'nskoe vremya* [Cologne Time]. Moscow (in Russ.).

Regev, Y., 2019. Reza Negarestani: A Goose on the water. *Neprikosnovennyi zapas* [An inviolable reserve], 126, pp. 12–23 (in Russ.).

Rumi, J., 2007. *Masnavi-yi ma'navi*. Vol. I. St. Petersburg (in Russ.).

Rumi, J., 2010. *Masnavi-yi ma'navi*. Vol. IV. St. Petersburg (in Russ.).

Shraer, M.D., 2000. Eduard Bagritskii's legend and destiny. In: E. Bagritskiy. *Stikhotvoreniya i poemy* [Poems and poems]. St. Petersburg, p. 237–274 (in Russ.).

Stebleva, I.V., 2012. *Tyurkskaya poetika. Etapy razvitiya 8–20 vv.* [Turkic poetics. Phases of its development, 8th–20th centuries]. Moscow (in Russ.).

Thiesen, F., 1982. *A Manual of Classical Persian Prosody*. Wiesbaden.

Trimingham, J.S., 1989. *Sufiiskie ordeny v islame* [The Sufi orders in Islam]. Translated by A.A. Staviskaya. Moscow (in Russ.).

Zelinskiy, K.L., 2015. *Poeziya kak smysl: Kniga o konstruktivizme* [Poetry as Sense: The book about Constructivism]. Moscow (in Russ.).

The author

Dr Kirill M. Korchagin, Senior Researcher, the Department of Theoretical Linguistics, the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; Leading Researcher, the Department of Corpus Linguistics and Linguistic Poetics, V.V.Vinogradov Russian Language Institute, the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

E-mail: stivendedal@gmail.com

ORCID: 0000-0002-3778-7252

To cite this article:

Korchagin, K.M., 2023, Petroleum as a space for non-translation: Hikmet, Negarestani, Parshchikov, *Slovo.ru: Baltic accent*, Vol. 14, no. 3, pp. 52–73. doi: 10.5922/2225-5346-2023-3-4.

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

СТРАТЕГИЯ И ПРАКТИКА ПАРЦИАЛЬНОГО НЕПЕРЕВОДА В СОВРЕМЕННОЙ ПОЭЗИИ

(на примере гонконгских и российских авторов)

Ю. А. Дрейзис

Институт языкознания РАН
Россия, 125009, Москва, Большой Кисловский пер., 1, стр. 1
Поступила в редакцию 10.10.2022 г.
Принята к публикации 02.02.2023 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2023-3-5

Анализируется феномен неперевода в текстах поэтов-билингвов, которые осуществляют самоперевод на идиом доминирующей, «большой» традиции (путунхуа / русский). Неперевод реализуется в условиях усиленной языковой рефлексии его авторов и служит маркером особой аффективной связи с идиомом, находящимся в слабой позиции. Парадоксальным образом попытка расширения читательской аудитории за счет перевода на «большой» идиом в то же время опирается на стратегию неперевода. Неперевод захватывает наиболее содержательно нагруженные элементы стихотворения, которые служат в оригинале знаком инаковости соотносимой с текстом культурной традиции. В этом смысле неперевод носит перформативный характер, так как само его производство подчеркивает критически важное различие и размежевание языковых и культурных традиций.

Ключевые слова: *билингвизм, миноритарные языки, переводимость, самоперевод, тополект, эрзя, юэ*

Одной из важнейших проблем, сопровождающих любое теоретизирование о переводческом опыте начиная с самых ранних его образцов, служит проблема «переводимости». П. Рикёр в лекции «Парадигма перевода» предлагает «отбросить теоретическую альтернативу *переводимость / непереводимость* текста и заменить ее другой, вытекающей из самой практики перевода, то есть альтернативой *верность / неверность* (курсив в оригинале. — Ю.Д.) перевода своему источнику» (Рикёр, 1999). Однако «верность» оригиналу как стратегическая установка может основываться на очень разных тактиках, избираемых переводчиком.

Мы сконцентрируем внимание на специфической установке сознательного *неперевода* в поэтических текстах авторов-билингвов, используемой в самопереводе на доминантный идиом «большой» традиции. Такой перевод дает пример ситуации, когда интерпретационная задача преодоления чуждости сообщения решается парадоксальным образом за счет отказа от перевода как такового.

Большинству исследователей перевода известна концепция Л. Венути о том, что требование «незримости» переводчика часто заставляло бежать от оригинальности в стремлении к максимальной комфортности для читателя (Venuti, 1995). Фетишизация «оригинала» поддержи-

вала миф о невидимости переводчика. Из этого следует, что особый статус, предоставляемый и принимаемый переводчиком, который одновременно выступает автором оригинала, означает уникальность *самоперевода* (*self-translation*), где допустимым оказывается открытое проявление творчества и снимается оппозиция оригинал / перевод (Cordingley, 2013, p. 2).

Само то, что перевод осуществляется на «внешний», доминантный идиом, становится попыткой привлечь внимание к существованию «малого», пребывающего в тени «большого», в условиях отсутствия его активной поддержки на уровне государства — особенно когда такой идиом используется в основном лишь в двух сферах: устно-бытовой и художественно-публицистической. Мы наблюдаем такую ситуацию, например, в современной литературе на рюкюских языках, которая опирается на миноритарный идиом в противостоянии господству материковой японской культуры, языка, исторических нарративов и идентичности (Gibeau, 2013). Так, М. Жибо, анализируя использование писателями самоперевода, утверждает, что их произведения функционируют на перформативном уровне — рюкюские авторы привносят в тексты «стратегическую непрозрачность», чтобы заявить о существовании особой рюкюской идентичности.

Нередки случаи, когда двуязычные люди лучше знают один идиом, однако ощущают более крепкую аффективную привязанность к другому, который считают родным (Romaine, 1995, p. 22). *Неперевод* — это своего рода протест против смещения в сторону доминирования стандарта и стремительного сжатия пространства употребления того идиома, который оказывается в слабой позиции.

1

Рассмотрим в качестве примера поэтический «неперевод», реализуемый при самопереводе на нормативный китайский язык *путунхуа* 普通话 (НКЯ) с тополекта¹ юэ гонконгскими двуязычными авторами, для которых юэ является родным идиомом, а НКЯ — усвоенным через обучение.

Общее число носителей юэ оценивается в 68 млн, что выводит юэ на первое место по числу носителей среди всех тополектов Большого Китая (У Вэй, 2007, с. 167). Идиомы юэ при этом непонятны носителям других тополектов (Mair, 2009), а также тем, кто владеет только НКЯ. Несмотря на разнообразные попытки ограничения употребления юэ, начиная примерно с середины 2010-х годов мы наблюдаем неуклонный рост числа публикаций литературных текстов на тополекте: преобладает проза, но стихотворных текстов также становится все больше.

¹ Здесь и далее термин «тополект» используется в качестве обозначения репрезентативного идиома для каждого пучка близких диалектов, составляющих более крупные региональные разновидности языка синитической языковой семьи. Использование такого термина, как «тополект», позволяет избежать любых пейоративных коннотаций, подразумевающих, что некая разновидность играет социально низкую роль и не является полностью автономной (Дрейзис, 2022).

Примером новейших текстов на юэ может служить стихотворение Чжоу Ханьхуэя (Чау Хоньфая / Джейсона Чоу 周漢輝, 1979—) «Ода городскому коту» (*Син мау чун / Чэн мао сун 城貓頌*, 2014)². Приведем текст полностью с дословным переводом и небольшим комментарием³ (Редотдел журнала «Цзы хуа», 2014):

(1) 燈火瞭起成個城市，黑貓	dang ¹ fo ² long ⁶ hei ² sing ⁴ go ³ sing ⁴ si ⁵ ,
hak ¹ maau ¹
(2) 撻喺草地，望得見自己爬緊上樓	taat ³ hai ² cou ² dei ⁶ , mong ⁶ dak ¹ gin ³ zi ⁶ gei ²
paa ⁴ gan ² soeng ⁵ lau ⁴
(3) 魚骨天線企埋身邊，一齊望落公園	jyu ⁴ gwat ¹ tin ¹ sin ³ kei ⁵ maai ⁴ san ¹ bin ¹ ,
jat ¹ cai ⁴ mong ⁶ lok ⁶ gung ¹ jyun ²
(4) 完咗應該行嘅路。啲鞋印	jyun ⁴ zo ² jing ¹ goi ¹ hang ⁴ ge ³ lou ⁶ . di ¹
haai ⁴ jan ³
(5) 界皮毛逐個逐個消化，先至撐得起	bei ³ pei ⁴ mou ⁴ zuk ⁶ go ³ zuk ⁶ go ³ siu ¹ faa ³ ,
sin ¹ zi ³ caang ¹ dak ¹ hei ²
(6) 後生仔返屋企，老實貓咗鬧佢陰質又郁手	hau ⁶ saang ¹ zai ² faan ¹ uk ¹ kei ² , lou ⁵ dau ⁶ maau ¹
zo ² naau ⁶ keoi ⁴ jam ¹ zat ¹ jau ⁶ juk ¹ sau ²
(7) 一係當佢死，倒塔咁早起身，打份牛工	jat ¹ hai ⁶ dong ¹ keoi ⁴ sei ² , dou ² taap ³ gam ³ zou ²
hei ² san ¹ , daa ² fan ⁶ ngau ⁴ gung ¹
(8) 放工耐唔耐去買酒，匿上啲天橋自隊	fong ³ gung ¹ noi ⁶ m ⁴ noi ² heoi ³ maai ⁵ zau ² ,
nik ¹ soeng ⁵ di ¹ tin ¹ kiu ⁴ zi ⁶ deoi ⁶
(9) 匿到呢晚。嗰晚有隻貓摸黑出世	nik ¹ dou ³ nei ⁴ maan ⁵ . go ² maan ⁵ jau ⁵ zek ³
mo ² hak ¹ ceot ¹ sai ³
(10) 枕住唔見得光咁流，好似主動去搵	zam ² zyu ⁶ m ⁴ gin ³ dak ¹ gwong ¹ gam ³ lau ⁴ ,
hou ² ci ⁵ zyu ² dung ⁶ heoi ³ wan ²
(11) 無跳橋嘅醉貓，件事之後返到天台	mou ⁴ tiu ³ kiu ⁴ koi ³ zeoi ³ maau ¹ , gin ⁶ si ⁶
zi ¹ hau ⁶ faan ² dou ³ tin ¹ toi ⁴
(12) 燈火瞭起成個城市，魚骨天線	dang ¹ fo ² long ⁶ hei ² sing ⁴ go ³ sing ⁴ si ⁵ ,
jyu ⁴ gwat ¹ tin ¹ sin ³
(13) 同個貓腦，梗搞唔明白有咩野啦愣：	tung ⁴ go ³ maau ¹ nou ⁵ , gang ² gaau ² m ⁴ ming ⁴
baak ⁶ jau ⁵ me ¹ je ⁵ laa ¹ lang ³ :
(14) 嘔啖血，有多盞燈著，暗啞底咁樣	au ² daam ⁶ hyut ³ , jau ⁵ do ¹ zaan ² dang ¹
zoek ³ , am ³ aa ² dai ² gam ² joeng ²

- (1) свет огней заливаает весь город, черный кот
 (2) ударяется о траву, видит себя забирающимся на здание
 (3) елочные антенны выставлены рядом, вместе [они] глядят вниз на парк
 (4) завершивший путь что должно пройти. отпечатки обуви
 (5) растворяются один за одним один за одним волосками на шкуре, только так можно вынести [это]
 (6) мальчик возвращается домой, отец пьян бузит пакостит дерется

² Все юэские термины и названия приводятся сначала в транскрипции на основании проекта практической транскрипции ИЯ РАН (<https://iling-ran.ru/langworld/transcript/canton.shtml>, авторы — Д. Н. Шакура и Ю. Б. Коряков) для кантонского и в стандартной кириллической системе Палладия для НКЯ (пунхуа).

³ Жирным выделена юэская лексика; подробнее о других видах выделения см. ниже.

- (7) относится к нему как к мертвому, [он] спозаранку поднимается, идет тянуть
свою ляжку
- (8) после работы иногда покупает выпивку, прячется в надземных переходах пьет
в одиночестве
- (9) до самого конца вечера. этим вечером во тьме на свет появляется кот
- (10) неизменно не видящий как течет свет, словно сам собой ищущий
- (11) пьянчуга что не прыгивают с мостов, после всего возвращается на крышу
- (12) свет огней заливает весь город, елочные антенны
- (13) как и сознание kota, конечно не в силах понять что тут за связь:
- (14) сплюнь кровь, сколько огней зажжено, втихую так⁴

Процент явно юэской лексики в этом тексте достигает 41 % — это самый высокий показатель не только у современных авторов, пишущих на юэ, но и за всю историю письменного юэ в принципе.

Лексический фактор крайне важен, так как из-за функциональных особенностей китайской письменности, ее ослабленной связи с устной реализацией и преобладания «смешанного» кода (или стиля) письма у юэязычных авторов (Snow, 2004, p. 60–61) именно лексика служит надежным маркером отличия юэ от НКЯ. Как и в случае других синитических тополектов, трудно точно определить, насколько лексически различаются юэ и НКЯ — общие оценки варьируют от 30 до 50 %. Более точная, основанная на корпусном исследовании оценка, данная Оуян Цзюэя, состоит в том, что около трети лексических единиц, используемых в обыденной речи на юэ, не встречаются в НКЯ (Оуян Цзюэя, 1993, с. 23). Когда процент явно юэской лексики приближается к диапазону в 30+ %, имеет смысл говорить о приближении к порогу, типичному для нормальной разговорной речи на юэ.

Если письменный текст включает в себя столько же маркированно юэских единиц, что и разговорная речь, то он становится очень трудным для чтения — для тех, кто владеет только НКЯ. Именно поэтому мы сконцентрируемся на лексических особенностях самоперевода представленного выше текста.

Существует авторский перевод «Оды городскому коту» на НКЯ, опубликованный в сети Интернет. Приведем его с нормативным чтением, переданным по системе пиньинь 拼音, а также подстрочным переводом (жирным выделены расхождения с оригиналом):

(1) 燈火浮承一座城市，黑貓	dēnghuǒ fúchéng yī zuò chéngshì, hēi māo
(2) 倒在草地，仰見自己爬上樓身	dào zài cǎodì, yǎngjiàn zìjǐ páshàng lóushēn
(3) 魚骨天線陪立，一起俯視公園	yúgǔtiānxiàn péilì, yìqǐ fǔshì gōngyuán
(4) 終結了該走的路。鞋印	zhōngjiéle gāi zǒu de lù. xié yìn
(5) 給皮毛一一消化，才得支撐	gěi pí máo yīyī xiāohuà, cái dé zhīchēng
(6) 年輕人返家，面對醉父的打罵	niánqīng rén fǎn jiā, miànduì zuì fù de dǎmà
(7) 或冷待，破曉前起行，幹粗活	huò lěngdài, pòxiǎo qián qǐxíng, gàn cūhuó
(8) 下班也學著喝酒，卻流連大小天橋	xiàbān yě xuézhè hējiǔ, què liúlián
- dàxiǎo tiānqiáo

⁴ Текст приводится в оригинальной записи, а также латинизированным по ютпхин 粵拼 (система латинизации кантонского, разработанная в 1993 году специалистами Лингвистического общества Гонконга) и, наконец, в дословном переводе (знаки препинания расставлены в соответствии с оригиналом).

- (9) 行經這夜。那夜有貓生自黑暗高處
xíngjīng zhè yè. nà yè yǒu māo shēngzì
hēi'àn gāochù
- (10) 總背著日光流浪，像為主動迎找
zǒng bèizhe rìguāng liúlàng, xiàng wéi
zhúdòng yíngzhǎo
- (11) 橋上的醉人，事成後回到天台
qiáoshàng de zuìrén, shìchéng hòu
huídào tiāntái
- (12) 燈火浮承一座城市，魚骨天線
dēnghuǒ fúchéng yī zuò chéngshì,
yúgǔtiānxiàn
- (13) 及貓腦，無從明白有何關係：
jí māo nǎo, wú cóng míngbái yǒu hé guānxi:
- (14) 咯一口血，亮一盞燈，暗暗地
gē yī kǒu xuè, liàng yī zhǎn dēng, àn'àndì

- (1) свет огней плывет вмещающая некий город, черный кот
(2) падает на траву, запрокинув голову, видит себя забирающимся на здание
(3) елочные антенны выставлены рядом, вместе [они] глядят вниз на парк
(4) завершивший путь что должно пройти. отпечатки обуви
(5) растворяются один за одним волосками на шкуре, только так можно вынести [это]
(6) молодой человек возвращается домой, сталкивается с побоями и руганью пьяного отца
(7) или холодным приемом, [он] спозаранку поднимается, идет тянуть свою лямку
(8) после работы приучается пить алкоголь, таскается по большим и малым надземным переходам
(9) таскается всю эту ночь. той ночью из выси тьмы на свет появляется кот
(10) неизменно повернутый прочь от кочующего света, словно сам собой ищущий
(11) пьянчуг на мостах, после всего возвращается на крышу
(12) свет огней плывет вмещающая город, елочные антенны
(13) как и сознание кота, не в силах понять что тут за связь:
(14) сплюнуть полный рот крови, зажечь свет, втемную

Даже беглый взгляд на текст стихотворения позволяет заметить, что две его версии показывают следующие расхождения:

а) пропуск отдельных лексем во вторичной, производной, версии на НКЯ, ср. 無跳橋嘅醉貓 *моу тхиукхиу кхой чеймау* 'пьянчуг что не спрыгивают с мостов' vs 橋上的醉人 *цяо шан дэ цзуйжэнь* 'пьянчуг на мостах'; 啲鞋印 *ти хайянь* '[эти] отпечатки обуви' (показатель определенности в НКЯ опущен);

б) выбор в переводе подчеркнуто литературных элементов, восходящих к классическому китайскому языку (*вэньяню* 文言) и отсутствующих в разговорной норме НКЯ (выше в полном тексте на НКЯ выделены рамкой): 年輕人返家 *няньцинжэнь фань цзя* 'молодой человек возвращается домой' (выбрано слово 返 *фань* вместо более естественного и нейтрального 回 *хуэй* с тем же значением); 破曉前起行 *посяо цян цисин* 'спозаранку поднимается / выступает в путь' (выбрано литературное 起行 *цисин* вместо опять-таки более нейтрального 動身 *дуниэнь* или 出發 *чифа*);

в) «перевод», полностью изменяющий структуру оригинала (в оригинальном тексте отмечен подчеркиванием): 老竇貓咗鬧佢陰質又郁手 *лоутау маучо нау кхей ямчат яу юксау* 'отец пьян бузит пакостит дерется' vs 面對醉父的打罵 *мяньдуй цзуйфу дэ дама* 'сталкивается с побоями и руганью пьяного отца'; 有多盞燈著，暗啞底咁樣 *яу то чань тан чек, аматай камьен* 'сколько огней зажжено, втихую так' vs 亮一盞燈，暗暗地 *лян и чжань дэн, аньянди* 'зажечь свет, втемную'.

Парциальный неперевод захватывает исключительно юэскую лексику. Он не затрагивает форму ритмической структуры текста или другие аспекты его организации. Там, где возникает расхождение на уровне выбора синтаксической конструкции, логика ее выбора тоже лексическая, и главным двигателем выстраивания той или иной конструкции служат модели управления юэских лексем.

По выражению Х.-Г. Гадамера, «язык, как здоровье, невидим (Хайдеггер сказал бы “неприметен”), пока на нем не сконцентрируешь свое внимание» (цит. по: (Palmer, 2000, p. 381)). В практике *неперевода* через рефлексию над языком обнажается особый языковой статус юэ, который становится языковым габитусом жителей Гонконга и маркером гонконгской самобытности.

Исследование, проведенное в 2009 году, фиксирует срез представленный поколения, выросшего в Гонконге после смены суверенитета: большинство информантов сохраняют сильную локальную идентичность, и лишь небольшой процент демонстрирует идентификацию с «большой» китайской нацией (Mee Ling Lai, 2011). Мы наблюдаем тенденцию к упрочению положения тополекта (юэ) на территории специального административного района. *Неперевод* парадоксальным образом высвечивает особое положение юэ в условиях «трехъязычия» (*trilingualism*) — «закрытость» юэского текста становится маркером его социального (воз)действия и силы аффективного ассоциирования с ним, особенно учитывая ситуацию самоперевода, характеризующегося усилением языковой рефлексии. При этом самоперевод как таковой оказывается для юэской поэзии скорее исключением, чем правилом, и в этом смысле продолжением той же стратегии «огораживания» юэской традиции становится и практика *неперевода*.

2

В современной поэзии, создаваемой на языках «малых» народов России, ситуация самоперевода так же, как и для юэ в Китае, оказывается не столь распространенной. Как показала серия микроинтервью с поэтами, тексты которых вошли в антологию «Современная литература народов России: Поэзия» (2019), большинство двуязычных авторов (например, владеющих парой чувашский / русский) пишут либо на родном идиоме, либо сразу на русском, минуя этап самоперевода. Как отмечает поэт Мария Карягина, граница между идиомами при этом не является непроницаемой: часто стихи пишутся то по-чувашски, то по-русски одними и теми же авторами⁵.

Материалом для анализа практики самоперевода на русский язык послужили произведения авторов-билингвов, пишущих на эрзя. В традиции эрзянской поэзии самоперевод встречается не чаще, чем в других традициях на уральских или алтайских языках. Однако наше внимание привлекла именно эрзянская литература, так как отмечается, что в эрзя преобладают заимствования из русского языка (Ситдииков, 2008, с. 16), а сам идиом распадается на ряд диалектов и смешанных говоров,

⁵ В интервью автору статьи.

локализованных в различных районах проживания эрзя и мокшан. При этом эрзянский (самоназвание — *эрзянь кель*) — один из трех государственных языков Республики Мордовия. Языковая ситуация такого типа напоминает ситуацию с юэ: искомый идиом не лишен официально-го статуса, но при этом его положение неустойчиво⁶; идиом сильно дифференцирован локально, но не лишен стихийно сложившегося представления о стандарте; этот стандарт подвержен сильному влиянию доминантного идиома.

Современные поэтические тексты на эрзя и юэ — это феномен XX века. В 1920 году в Ульяновске (Симбирске) начинает издаваться эрзянская газета «Чинь стямо» («Восход солнца»). Непериодическая литература возникает лишь с 1922 года. Сегодня движение эрзянской поэзии определяют прежде всего воспитанницы творческой мастерской поэта Николая Ишуткина — Мария Еремина, Татьяна Мокшанова, Алина Подгорнова, Людмила Рябова (Портал национальных литератур, 2022). Их произведения переводились на русский, английский и некоторые финно-угорские языки.

Как отмечает Людмила Рябова, самым сложным аспектом для перевода выступает ритмический рисунок оригинального эрзянского текста⁷. Как трансформируется текст при самопереводе? По словам Алины Подгорновой, поэту удается или сохранить форму, но потерять в содержательном отношении, или передать содержание, но изменить форму оригинала⁸. Большинство эрзянских поэтов говорят, что не настолько хорошо владеют русским языком, чтобы писать на нем или переводить на него, пусть даже собственные стихи. Поэтому самопереводы публикуются редко.

Обратимся в качестве примера к стихотворению Алины Подгорновой (1991 —). Приведем текст оригинала и авторский подстрочник⁹:

*Монень те кизэсь арсесь улемс шумбракс
Ды мекев мурдась
Се энксонтьень, косо а пракинить лопат,
Ды атак тока
Лиялить цецянтне паксява-кува;
Ковось прок куво,
Порнезь-сусконезь тусто чоподасонть,
Ды атак максо
Лембесь якишамо телентень пандомга,
Ды ниле енга,
Козонь а варшитат чаракавтось прясот,
Несак, редясак
Удомадо а арсиця пертьпельксэнтъ —*

Мне это лето пожелало быть здоровой
И вернулось обратно
В тот край, где не опадают листья
И нетронутыми
Остаются цветы в полях-где [прочих местах];
Луна — как горбушка,
Обгрызена-искусана густой темнотой,
И не отдано
Тепло холодной зиме в уплату,
И со всех четырех сторон,
Куда ни повернешь закружившуюся
голову,
Увидишь, заметишь
О сне не думающую природу —

⁶ Несмотря на несопоставимое число носителей (68 млн для юэ и 300 тыс. для эрзя, по данным Всероссийской переписи населения 2010 года), оба идиома испытывают давление со стороны доминирующего стандарта.

⁷ В интервью автору статьи.

⁸ В интервью автору статьи.

⁹ Автор статьи выражает искреннюю благодарность поэту за неоценимую помощь в исследовании и любезно предоставленный дословный перевод.

<p>Ды тесэ несак Седейс кундыця казямо ильведьксэнтъ – Истя а эрси. Иентъ нурыка, аволь вейкетъ пельксэнэ – Те ансяк палят, Сынъ калавтомс кувать а сатныть тензэ, Эрявкшныть каямс. Секскак, лисни, кизэсь мартон эзь простне, Те истя марявьс, Кода иесь ожо палянзо чочни, Пиженэ каязь. Ды седей вити туюсонъ полавтомась – Модань артомась, Прок артыцясь коцтонзо вельксэс комась, Ды весемесь, мезесь капишась ды стомась – Лоткавьс ды оймась.</p>	<p>И здесь увидишь Хватающую за сердце жестокую ошибку – Так не бывает. Года короткие, неодинаковые части – Это только рубахи, Их изнашивать долго не удастся ему, Приходится снимать. Поэтому, выходит, лето со мной не про- стилось, Это так показалось, Как год желтую рубаху застегивает, Зеленую сняв. И сердцу приятно смена цвета – Перекрашивание земли, Как будто художник над холстом накло- нился, И все, что спешило и суетилось, Остановилось и успокоилось.</p>
---	--

Текст самоперевода на русский выглядит следующим образом (в нем предпринята попытка максимально сохранить ритмические особенности оригинала):

Мне лето прошептало: «Будь здорова!»
 И скрылось снова
 В те дали, где не опадают листья,
 И где не спится
 Тяжелым сном цветам и прочей флоре;
 Луна не в горе,
 Что тьма ее накрыла вполювину,
 Тепло низринуть
 В отместку не стремится лютый холод,
 И это повод
 Вертеться как волчок на все четыре,
 Поняв, что в мире
 Ничто свой срок перечеркнуть не может,
 И лето — тоже,
 А потому исправить нужно шибко
 Свою ошибку.
 Но разум истину познать не хочет,
 Над ней хохочет.
 Твердит, что лето от меня не скрылось,
 Мне показалось,
 А лето просто в желтый облачилось
 И в нем осталось.
 И вот пропала грусть от смены цвета.
 Пожалуй, это
 Сравнимо с тем, как живописец старый
 Палитру ставит,
 И все, что лишь недавно суетилось,
 В холсте застыло.

Парциальный *неперевод* в этом случае реализуется в иных механизмах, запускаемых в действие той же стратегией, напрямую связанной с аффективной привязанностью к миноритарному идиому, который остается в тени доминантного идиома. Главным движителем выстраивания переводного текста становится ритм, и ему подчиняется лексический выбор, поэтому в переводе пропадают оригинальные образы эрзянского текста: *ковось прок кубо* 'луна — как горбушка', *кода иесь ожо паянзо чочни*, *пиженэ каязь* 'как год желтую рубаху застегивает, зеленую сняв' и т.п. *Неперевод* захватывает самые яркие, «сильноударные» элементы оригинала, значимые для его содержательного своеобразия, — и в этом смысле такое их опущение сравнимо с *непереводом* юэской традиции, где чрезвычайно семантически нагруженные юэские элементы, маркеры отличия, инаковости, выпадают из переводной версии.

Переводная версия текста не является ни полностью автономной от оригинала, ни «просто переводом»: в нее заложен перформативный смысл демонстрации языкового различия, пропасти между идиомами. Как и многие современные мультиязычные писатели, создающие тексты в тени «большого» идиома, миноритарные поэты сталкиваются с языковой дилеммой. Не существует единого нейтрального идиома, на который они могли бы бездумно опираться — вместо этого они должны совершать сложный выбор между вариантами своего родного, локального идиома, доминантным стандартом или их комбинацией.

Попытка расширения читательской аудитории за счет перевода на «большой» идиом в то же время опирается на стратегию *неперевода*. Поскольку перевод считается коммуникативным актом, поэтический *неперевод* не столько пытается передать читателю некое сообщение, сколько стремится подчеркнуть неспособность читателя полностью понять это сообщение, заполняя пробел между языком стихотворения и читателем. Он сигнализирует о глубине культурного и исторического опыта, который читатель, владеющий только доминантным идиомом, не может разделить. Стихотворение обращается в непереволимый «излишек» смысла, утрачиваемый при переводе, — то, что Венути называет «остатком», который представляет нечто большее, чем «передача однозначного смысла и вместо этого обращает внимание на условия коммуникативного акта, условия, которые в первую очередь являются языковыми и культурными, но в конечном итоге охватывают социальные и политические факторы» (Venuti, 1995, p. 471). Этот «остаток» составляет самый смысл существования стихотворения.

Ключевым моментом здесь выступает то, что переводящий придерживается «этики различия». Независимо от избранной тактики переводящий осознает наличие и значимость «несхождения» между локальным и «официальным» идиомом, его исторический контекст и, по крайней мере в рассматриваемых здесь работах, перформативный характер такого «несхождения».

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00429) в Институте языкознания РАН.

Список литературы

- Дрейзис Ю.А. Соотношение устного и письменного в поэзии на тополектах // Слово.ру: балтийский акцент. 2022. №2. С. 121 – 133.
- Портал национальных литератур. Эрзянский язык. 2022. URL: <https://rus4all.ru/тув/> (дата обращения: 12.10.2022).
- Рикёр П. Парадигма перевода. Лекция, прочитанная на факультете протестантской теологии в Париже в октябре 1998 г. / пер. М. Эдельман // *Esprit*. 1999. №253. URL: <http://www.belpaese2000.narod.ru/Trad/ricoeur.htm> / (дата обращения: 12.10.2022).
- Ситдиков А. Г. Введение в этногенез народов Поволжья и Приуралья : учебно-методич. пособие для студентов, обучающихся по спец. «История». Казань, 2008. Ч. 1 : Истоки этногенеза финских народов.
- Cordingley A. Introduction: Self-translation, going global // Self-translation. Brokering Originality in Hybrid Culture. L., 2013. P. 1 – 10.
- Gibeau M. Indigenization and opacity: Self-translation in the Okinawan / *Ryūkyūan* writings of Takara Ben and Medoruma Shun // Self-translation. Brokering Originality in Hybrid Culture. L., 2013. P. 141 – 156.
- Mair V.H. Mutual Intelligibility of Sinitic Languages // *Language Log*. 2009. URL: <https://languagelog.ldc.upenn.edu/nll/?p=1211> (дата обращения: 12.10.2022).
- Mee Ling Lai. Cultural identity and language attitudes – into the second decade of postcolonial Hong Kong // *Journal of Multilingual and Multicultural Development*. 2011. Vol. 32, №3. P. 249 – 264.
- Palmer R. Gadamer's recent work on language and philosophy: On "Zur Phänomenologie von Ritual und Sprache" // *Continental Philosophy Review*. 2000. Vol. 33. P. 381 – 393.
- Romaine S. *Bilingualism*. Oxford, 1995.
- Snow D. *Cantonese as Written Language, The Growth of a Written Chinese Vernacular*. Hong Kong, 2004.
- Venuti L. *The Translator's Invisibility: A History of Translation*. L.; N. Y., 1995.
- Оуян Цзюэя 欧阳觉亚. Сравнение и изучение путунхуа и кантонского диалекта (Путунхуа гуанчжоухуа дэ бицзяо юй сюэси) 普通话广州话的比教与学习. Пекин, 1993.
- Редотдел журнала «Цзы хуа» 字花編輯室. В один голос, но не в едином порыве – еще раз о письме на юэ (Тун шэн м тун ци – юэюй сецзо цзешао фань) 同聲唔同氣——粵語寫作介紹返 // Цзы хуа 字花. 2014. URL: <https://zihua.org.hk/magazine/issue-29/article/writing-cantonese/> (дата обращения: 12.10.2022).
- У Вэй 伍巍. Юэский язык (Юэ юй) 粵語 // Фанъянь 方言. 2007. №2. С. 167 – 176.

Об авторе

Юлия Александровна Дрейзис, кандидат филологических наук, научный сотрудник Института языкознания РАН, Россия; доцент кафедры китайской филологии Института стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова, Россия.

E-mail: yulia.dreyzis@gmail.com

Для цитирования:

Дрейзис Ю. А. Стратегия и практика парциального неперевода в современной поэзии (на примере гонконгских и российских авторов) // Слово.ру: балтийский акцент. 2023. Т. 14, №3. С. 74–85. doi: 10.5922/2225-5346-2023-3-5.

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

STRATEGY AND PRACTICE OF PARTIAL NON-TRANSLATION
IN CONTEMPORARY POETRY (A CASE STUDY
OF HONG KONG AND RUSSIAN AUTHORS)

Yu. A. Dreyzis

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences,
1 str. 1, Bol'shoy Koslovskiy per., Moscow, 125009, Russia

Submitted on October 10, 2022

Accepted on February 02, 2023

doi: 10.5922/2225-5346-2023-3-5

The paper centers on the phenomenon of non-translation in the texts of bilingual poets who perform self-translation into the lect of a dominant, 'larger' tradition (Putonghua / Russian). Non-translation is set in motion in the conditions of enhanced linguistic reflection of its authors and serves as a marker of a special affective connection with a lect that is permanently associated with a weaker position. Paradoxically, the attempt to expand readership by translating into 'larger' lects relies on the strategy of non-translation. Non-translation captures the most content-laden elements of the poem, which in the original serve as a sign of the otherness of the cultural tradition correlated with the text. In this sense, non-translation has a performative character, since its very production emphasizes the critical difference and delimitation of linguistic and cultural traditions.

Keywords: *bilingualism, Erzya, minority languages, self-translation, topolect, translatability, Yue*

The present study was carried out at the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences with the financial support of the Russian Science Foundation, project no. 19-18-00429.

References

Cordingley, A., 2013. Introduction: Self-translation, going global. In: *Self-translation. Brokering Originality in Hybrid Culture*. London, pp. 1–10.

Dreyzis, Yu. A., 2022. Correlation of the oral and the written in topolect poetry. *Slovo.ru: Baltic accent*, 2, pp. 121–133, <https://doi.org/10.5922/2225-5346-2022-2-6> (in Russ.).

Gibeau, M., 2013. Indigenization and opacity: Self-translation in the Okinawan/Ryūkyūan writings of Takara Ben and Medoruma Shun. In: *Self-translation. Brokering Originality in Hybrid Culture*. London, pp. 141–156.

Mair, V.H., 2009. Mutual Intelligibility of Sinitic Languages. *Language Log*. Available at: <https://languagelog.ldc.upenn.edu/nll/?p=1211> [Accessed 12 October 2022].

Mee Ling Lai, 2011. Cultural identity and language attitudes – into the second decade of postcolonial Hong Kong. *Journal of Multilingual and Multicultural Development*, 32 (3), pp. 249–264.

Ouyang Jueya 欧阳觉亚, 1993. *Putonghua Guangzhouhua de bijiao yu xuexi* 普通话广州话的比教与学习 [A Comparison and Study of Putonghua and Cantonese]. Beijing (in Chinese).

Palmer, R., 2000. Gadamer's recent work on language and philosophy: On «Zur Phänomenologie von Ritual und Sprache». *Continental Philosophy Review*, 33, pp. 381–393.

Portal natsional'nykh literatur. Erzyanskii yazyk [National Literature Portal. Erzya language], 2022. Available at: <https://rus4all.ru/myv/> [Accessed 12 October 2022] (in Russ.).

Ricoeur, P., 1999. Translation paradigm. Lecture given at the Faculty of Protestant Theology in Paris in October 1998. *Esprit*, 253. Available at: <http://www.belpaese2000.narod.ru/Trad/ricoeur.htm/> [Accessed 12 October 2022] (in Russ.).

Romaine, S., 1995. *Bilingualism. Second edition*. Oxford.

Sitdikov, A.G., 2008. *Vvedenie v etnogenez narodov Povolzh'ya i Priural'ya. Chast' 1: Istoki etnogeneza finskikh narodov: uchebno-metodicheskoe posobie dlya studentov, obuchayushchikhsya po spetsial'nosti «Istoriya»* [Introduction to the Ethnogenesis of the Peoples of the Volga and Ural Regions. Part I. The Origins of the Ethnogenesis of the Finnish Peoples: A Teaching Aid for Students in History]. Kazan. (in Russ.).

Snow, D., 2004. *Cantonese as Written Language, The Growth of a Written Chinese Vernacular*. Hong Kong.

Venuti, L., 1995. *The Translator's Invisibility: A History of Translation*. London; New York.

Wu Wei 伍巍, 2007. *Yue yu* 粤语 [The Yue Language]. *Fangyan* 方言 [Topolect], 2, pp. 167–176 (in Chinese).

Zi hua bianjishi 字花編輯室 [“Fleurs des Lettres” Editorial Board], 2014. *Tong sheng m tong qi – yueyu xiezuojieshao fan* 同聲唔同氣——粵語寫作介紹返 [One Voice Different Manner – An Introduction to Cantonese Writing]. *Zi hua* 字花 [Fleurs des Lettres]. Available at: <https://zihua.org.hk/magazine/issue-29/article/writing-cantonese/> [Accessed 12 October 2022] (in Chinese).

The author

Yulia A. Dreyzis, Researcher, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Russia; Assistant Professor, Chinese Philology Department, Institute of Asian and African Studies, Moscow State University, Moscow, Russia.

E-mail: yulia.dreyzis@gmail.com

To cite this article:

Dreyzis, Yu. A., 2023, Strategy and practice of partial non-translation in contemporary poetry (a case study of Hong Kong and Russian authors), *Slovo.ru: Baltic accent*, Vol. 14, no. 3, pp. 74–85. doi: 10.5922/2225-5346-2023-3-5.

НЕПЕРЕВОД КАК ПАЛИМПСЕСТ В НЕПРОЗРАЧНОЙ ПОЭЗИИ

А. Е. Масалов

Российский государственный гуманитарный университет
Россия, 125047, Москва, Миусская площадь, 6
Поступила в редакцию 10.10.2022 г.
Принята к публикации 02.03.2023 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2023-3-6

«Пизанские Cantos» Эзры Паунда представляют собой несколько раз переписанный и написанный поверх предыдущих редакций многослойный палимпсест, где неперевод цитат, изречений и заголовков становится эстетически значимым приемом. Более молодые ветви сложной поэзии после 1945 года, с одной стороны, преодолевают тотальный проект Паунда, с другой – наследуют ему через этот «разрыв». В рамках настоящей статьи будет рассмотрено, как непрозрачная поэзия (*language writing*, метареализм и новейшие течения) использует неперевод и неперебиваемое для выражения соответствующей этому разрыву политической и онтологической проблематики. Так, в «Черновиках» Рэчел Блау ДюПлесси палимпсест обнажает само развертывание языка, письма, «следа» других языков, которое развивается вместе с оптикой исследования письма и расшитыванием господствующих иерархий поэтической субъективности и художественной формы. В поэзии метареалистов Аркадия Драгомощенко и Алексея Парщикова неперевод служит способом создания палимпсеста-маргиналии, структурируя восприятие переплетения образов как через донорский текст, так и через трансформацию его мотивов. А дискommунитивный палимпсест поэмы Екатерины Захаркив «хироо онода» строится на нерепрезентирующей функции неперевода, когда столкновение разных языков, цитат и отсылок создает как затрудненность восприятия, так и коммуникативные разломы в повествовательной ткани произведения. Таким образом, статья представляет собой попытку вывести точки на контурной карте поэтических практик, показывающие как становление отличного от мультилингвизма способа межъязыкового взаимодействия внутри текста, так и способы наследования через разрыв сложной и неоднозначной природе «Cantos» Эзры Паунда, породивших не только новый тип модернистского эпоса, но и особый тип поэтического палимпсеста.

Ключевые слова: неперевод, палимпсест, непрозрачная поэзия, *language writing*, метареализм, современная поэзия

«Пизанские Cantos» Эзры Паунда считаются одной из вершин поэзии позднего модернизма. В 1949 году он получил за них престижную Боллингенговскую премию, учрежденную Библиотекой Конгресса США, что послужило причиной скандала и передачи премии в ведение Йельского университета. Здесь стоит напомнить, что с 1930-х вплоть до ареста в мае 1945 года Паунд сотрудничал с правительством Муссолини и активно его поддерживал. Это отражается и в набросках «Итальянских Cantos»: «Как показал Рональд Буш, еще в конце 1944 года, живя в Сан-Аброджио, Паунд начал набрасывать в записной книжке лирические фрагменты, символистские по стилю и фашистские по мировоззре-

нию» (Пробшттейн, 2012, с. 74). Однако после ареста и разочарования в идеях Муссолини, «попав в военную тюрьму в Пизе, он начал переписывать наброски, переделав их символизм в реалистический дневник в манере Вийона» (Там же, с. 75). Это отразилось и на структуре текста, изначально писавшегося на итальянском языке.

«Пизанские Cantos» представляют собой продолжение монументального эпоса Паунда, где усиливаются как процессы межъязыкового взаимодействия, так и исповедальные мотивы:

<...>

Tout dit que pas ne dure la fortune
и Canal Grande дожил, по крайней мере, до наших дней
даже если подновили кафе «У Флориана»
и лавки на Пьяцца держатся лишь
на искусственном дыхании
а для Figlia di Giorgio выпустили
специальное издание (под заголовком «Эдип Лагунский»)
карикатур на д'Аннунцио

l'ara sul rostro
Двадцатилетие мечты
и облака пизанские
прекрасны также, как везде в Италии
сказал юный Моцарт: «а если вы возьмете prise»
<...>

Перевод Б. Мещерякова
(Паунд, 2012, с. 87)

В этом фрагменте из «Canto LXXVI» цитаты из рондо Жана Фруасара («Все говорят, недолговечно счастье»), воспоминания о Венеции и случай из жизни Моцарта сочетаются с исповедальной эстетикой: «Двадцатилетие мечты / и облака пизанские». В целом исповедальность этого *canto* прорывается сквозь рассуждения о политике и экономике, что обусловлено тем, каким образом эти тексты создавались. Как пишет Я. Пробшттейн, «“Пизанские песни” представляют собой как бы многослойный палимпсест, в котором на символизм наложен “обнаженный до кости” реализм, а на упрямое нежелание признать ошибки и пересмотреть свои взгляды — запоздалое раскаяние» (Пробшттейн, 2012, с. 75).

В этом плане неперевод цитат, изречений и заголовков становится эстетически значимым приемом на фоне не только монтажной структуры «Cantos», заметной еще в первых песнях, но и палимпсеста пизанской части эпоса. Иными словами, неперевод здесь выступает и в функции авангардного «обнажения приема», высвечивая руины модернистского проекта. Здесь, как и в более ранних *cantos*, «весь мир и вся его история связываются... воедино при помощи экономических отношений: эти отношения, ведомые человеческой жадностью, разрушительны, однако именно они позволяют миру сложиться — как тотальности, как пространству, где для каждого события можно указать сколь угодно отдаленную причину» (Корчагин, 2018, с. 304–305). Однако тотальность экономических отношений все более связывается

с мотивами утраты, где субъект предстает «как одинокий муравей из разоренной муравьиной кучи / из пепелищ Европы, *ego scriptor*» (Паунд, 2012, с. 90).

В тотальном палимпсесте «Пизанских Cantos», где подтекстом становится сошествие Одиссея в подземное царство (Пробштейн, 2019, с. 69), вместо лирической мощи на первый план выходит разочарование и раскаяние, высвечивающее невозможность подчинить мир ни одному модернистскому проекту. И финал «Canto LXXVI» с непереводом понятия из «Политики» Аристотеля («ΜΕΤΑΘΕΜΕΝΩΝ») и отсылкой к прекрасному острову «Одиссеи», где были убиты и съедены быки Гелиоса («ΝΗΣΙΟΝ ἈΜΥΜΟΝΑ»), усиливает эти мотивы.

Более молодые ветви сложной поэзии после 1945 года, с одной стороны, преодолевают тотальный проект Паунда, с другой — наследуют ему через «разрыв» с его тотальностью. Так, например, Рэчел Блау ДюПлесси, защитившая диссертацию на тему «Бесконечное стихотворение “Паттерсон” Уильяма Карлоса Уильямса и “Пизанские песни” Эзры Паунда» и позднее выпустившая книгу «Пурпурные пассажи: Паунд, Элиот, Зукофски, Олсон, Крили и конец патриархальной поэзии» (2012), в своих «Черновиках» деформирует функцию палимпсеста и неперевода. На первое место здесь выходит «контрфактуальность», принципиальная незавершаемость и открытость, характерная для *language writing*, течения в американской поэзии, к которому часто причисляют ДюПлесси.

Примером такого «разрыва» можно считать стихотворения «Черновик 2: Она (Draft #2: She)» и «Черновик 18: Передача (Draft #18: Traduction)». Последний, основанный на переводах предыдущих черновиков французскими поэтами, как раз и показывает, как палимпсест может создавать «следы» (в дерридианском смысле):

Меньше, плотнее, туже,
чем влажное серебро паутины,
белизны и черноты —
текст
выражающий

un silence, et en plus, un réseau intraduisible
fait comme tissu,

dans lequel quelques JE's et EUX's
se trouvent piégés —
и эти
трепещущие крылья глоссолалии,
угодившие в паутину тишины.
proposent un spectacle
son-et-mots, un jeu quelconque
где слова (mots) пузыряются, где что-то
(пыл, пол, пал) ферментирует грязь, и
становится другим словом, пылинкой.

Перевод А. Уланова и А. Фролова
(ДюПлесси, 2021)

В основе этого Черновика не нарциссический проект тотальной высокой культуры или сожаление о ее невозможности, а скорее само развертывание языка, письма, «следа» других языков — все это развивается вместе с оптикой исследования письма и расшатыванием господствующих иерархий поэтической субъективности и художественной формы. Неперевод здесь — не факт «высокой культуры», а голос Другого и след иных практик, раскалывающий поток речи, делающий его децентрированным.

Метафора «трепещущие крылья глоссолалии, / угодившие в паутину тишины» разворачивает межъязыковое в сторону не тотального сплетения культур, а исследования природы «следа» других языков; об этом напрямую говорят включенные в текст французские строки — «тишина и, кроме того, неперевоаемая сеть / сделанная наподобие ткани». М. Карбери считает, что «тексты ДюПлесси работают с понятиями “след” и “жанр” в их дерридианских смыслах, но ее работа не ограничивается деконструктивистским проектом», так как «даже такая мысль, как у Деррида, связанная с вопросами порождения и отсрочки смысла, оспаривается неразрешимыми противоречиями и случайностями “чернового” текста» (Карбери, 2020).

Так и в «Черновике 18: Передача (Draft #18: Traduction)» «следы» языков переплетаются с феноменологией времени, развивая проблематику длящегося настоящего и репрезентативности / нерепрезентативности опыта субъекта. Иными словами, в переводе (и, что важнее, в неперевод) сталкиваются опыт и его отсутствие, возможные миры этих порядков опыта и проблематизация их выразимости, о чем свидетельствуют следующие строки:

Из всех этих лингва-байтов?
Я просто делаю перевод времени.

C'Sont des pages noires
avec звездным пятнышком,
работа едва ли на каком-то языке.
Не слова, а пробела.
Опыт, который, как говорят, у нас есть,
и тень
опыта, которого у нас никогда не будет.
Многочисленные приближения
более неструктурированных, неразрешимых проблем.

Перевод А. Уланова и А. Фролова
(ДюПлесси, 2021)

Тот же М. Карбери отмечает, что «концепция поэмы у ДюПлесси стремится охватить “бесконечные культурные акты”, которые составляют текст, а не рассматривать какие-либо из них как наиболее успешные» (Карбери, 2020). В силу этого «Черновик», название которого мо-

жет переводиться и как «передача», и как «перевод», фиксирует внимание как на переводе, так и на непереводе, как на межъязыковой глоссолатии, так и на тишине, сокрытой в пробелах между словами, что делает этот децентрированный палимпсест исследованием опыта субъекта, в котором акты означивания сталкиваются с временной протяженностью.

Обнажение чужих «следов» в переводе и непереводе усиливается финальными фразами Черновика: «“traduire, c'est le contraire” / “de-quoi?”» («перевод – это обратное» / «чему?»). Неperевод этих тезисов как раз и создает «очуждение» процесса двойного перевода, легшего в основу текста, то есть перевода, сделанного из переводов четырех «Черновики» на французский язык. Представляется, что такой метод снимает оппозицию свое / чужое, развивая тему (не)понимания, когда неперевод создает постоянные межъязыковые взаимодействия, «передающие микро-сдвиги звука и со-/общения сквозь пространство, что мы не понимаем» (ДюПлесси, 2021).

Как считает В. Лехциер, «черновик – это “взрыв рафаэлевского изображения”, руины, свидетельствующие о бывших чистовиках и невозможности абсолютного единства знака» (Лехциер, 2020, с. 34). Так и «Черновики» Рэчел Блау ДюПлесси высвечивают постоянно меняющуюся ткань текста, где разворачивается взаимодействие переведенных и непереведенных строк и проблематизируется течение времени, затраченного на перевод и его восприятие через следы. Это делает палимпсест «Черновика 18: Передача (Draft #18: Traduction)» децентрирующим не только семантику и форму, но и сам процесс перевода и сопутствующие ему механизмы передачи смысла.

Метареалистическую поэзию Аркадия Драгомощенко и Алексея Парщикова часто воспринимают в ключе развития, а также преодоления тотального проекта Паунда (Масалов, 2022; Корчагин, 2022, с. 165). Отсюда возникает и трансформация функции неперевода, а вместе с ним и других межъязыковых взаимодействий (см.: Азарова, 2015). У Драгомощенко разрыв с паундовской тотальностью особенно явно наблюдается в тексте «Изображение плантации», одном из центральных текстов книги «Тавтология», где этот разрыв еще и обозначен через эпиграф из «Cantos»: «What you have done, Odysseus, / We know what you have done...» (Драгомощенко, 2011, с. 17), причем в подписи указано, что это фрагмент из «Canto IV», хотя на самом деле это начало «Canto VI». Этот текст анализировали К. Корчагин (Корчагин, 2011), Е. Петровская (Петровская, 2013), Г. Заломкина (Заломкина, 2015), Е. Павлов (Павлов, 2015) и другие исследователи. В нем выделяли и метафоризацию терминологии, и отсылки к Витгенштейну, и игру с правилами чтения, и стирание визуальности, и близость к тому, что М. Ямпольский назвал «динамический палимпсест» (Ямпольский, 2001, с. 225). Однако о роли эпиграфа и возвращении к нему в финале говорит только Г. Заломкина: «Стихотворение как будто идет вспять, замыкается на себя – становится завершенным, полным» (Заломкина, 2015, с. 277):

<...>

что снимается именем, она — не предложение длиться,
но будто икота, кончики пальцев,
немеющие на ракушечных отмелях шелка,
поскольку лето в мяте благоприятно,
разновидность внимания расположена в направлении
при пересмотре пространства, но чаще:
правила листьев, система связей при ветре,
наплывающем со спины, сзади,
застывающем в равновесии тавтологии

«одиссей / цитата»

(Драгомощенко, 2011, с. 19)

Г. Заломкина считает, что «уравновешиваемые понятия — “одиссей” и “цитата” — возвращают к эпиграфу из “Cantos” Эзры Паунда... который также графически являет зеркальное равновесие тавтологии» (Заломкина, 2015, с. 278). И если у Паунда это высказывание воспроизводит песню сирен, от которой повествование переходит к образу Элеоноры, супруги двух королей — сначала короля Франции Людовика VII, а затем короля Англии Генриха II Плантагенета (причем мифопоэтика этого образа воплощает в ней черты еще и Елены Троянской), то у Драгомощенко этот фрагмент становится воплощением тавтологии и ее множественности.

В этом плане нагромождение времен и контекстов внутри тавтологии («Тавтология не является мыслимой точкой / равновесия значений, но описанием пространства / между появлением смысла и его расширением» (Драгомощенко, 2011, с. 17)) становится своеобразными маргиналиями к непереводу в эпиграфе. Иными словами, весь текст «Изображение плантации» оборачивается «заметками на полях», но не столько ко всему «Canto VI», сколько к песни сирен из первых двух строк.

М. Ямпольский, говоря о палимпсестах Драгомощенко, отмечает в них «одновременное движение нескольких временных потоков» (Ямпольский, 2001, с. 225). В этом плане динамический палимпсест «Изображения плантации» как раз и соединяет как потоки «чтения» и «зрения», «восприятия» и «забвения», «дефиниции» и «тавтологии», так и эстетику маргиналии в соотношении с эпиграфом, что усиливается двумя следующими частями — «Подпись к изображению» и «Подпись к подписи изображения» (Драгомощенко, 2011, с. 19–20).

Соположение неперевода, различных слоев восприятия и лингвистического анализа создает разрыв и с тотальностью, и с эстетизацией ощущения ее невозможности. Здесь важны сами механизмы означивания и забвения, в которых внимание переплетается с непрерывным цитированием самого себя, когда «недостаточность, стремясь к полноте, / заключает субъект в предложение» (Драгомощенко, 2011, с. 17). Иными словами, «Изображение плантации» фиксирует не то, как неперевод цитат создает модель глобальной культуры, а то как неперевод эпиграфа структурирует процессы чтения и письма, взаимодействия воспринимаемой и изображаемой реальности и механизмов восприятия и изображения.

К подобной функции неперевода, но с другими целями обращается и Алексей Парщиков в стихотворении «Lucy in the Sky with Diamonds» (Парщиков, 2014, с. 41), заголовок которой отсылает к известной песне группы «The Beatles» (The Beatles, 2014). Соотношение текстов между собой здесь так же, как и в случае Драгомощенко, не прямое. Есть пересечения: образы воды («Picture yourself in a boat on a river» — «Еще до взрыва вес, как водоем»), образы зеркал («With plasticine porters with looking glass ties» — «Я загляделся в тридевять зеркал»), галлюцинаторная логика («tangerine trees and marmalade skies», «Cellophane flowers of yellow and green» — «в полплеча развернуто пространство, / там не было спины, как у Луны», «клубились сосны в быстром оперенье»), мотивы любви («A girl with kaleidoscope eyes» — «Была за поцелуем простота»). Однако разрешается центральная проблематика в произведениях по-разному.

Если песня «The Beatles» посвящена красоте и воображению («Picture yourself»), то текст Парщикова изображает мир, застывший перед катастрофой:

Еще до взрыва вес, как водоем,
был заражен беспамятством, и тело
рубашками менялось с муравьем,
сбиваясь с муравьиного предела.

Еще до взрыва свечи сожжены,
и в полплеча развернуто пространство,
там не было спины, как у Луны,
лишь на губах — собачье постоянство.

Еще: до взрыва не было примет
иных, чем суховей, иных, чем тихо.
Он так прощен, что пропускает свет,
и в кулаке горячая гречиха.

(Парщиков, 2014, с. 41)

Не вполне ясно, что за взрыв имеется в виду: то ли Большой взрыв, породивший вселенную, то ли Апокалипсис, то ли от употребления ЛСД, отсылку к которому часто видят в заголовке песни «Lucy in the Sky with Diamonds», то ли все эти «взрывы» вместе. Но очевидно одно — повествование ведется из времени после этого взрыва, причем с использованием религиозной образности:

Была за поцелуем простота.
За раздвоеньем — мельтешенье ножниц.
Дай Бог, чтобы осталась пустота.
Я вижу в том последнюю возможность.

Хоть ты, апостол Петр, отвори
свою заледенелую калитку.
Куда запропастились звонари?
Кто даром небо дергает за нитку?

(Парщиков, 2014, с. 41)

Несмотря на то, что образы финала усиливают апокалиптическую тематику («Дай Бог, чтобы осталась пустота», «последнюю возможность», «звонари»), все же этот текст сложно свести только к апокалипсису. Ведь отсылки к употреблению веществ в поэзии Парщикова тоже встречаются (ср.: «А здесь – тишайшее море, как будто от анаши / глазные мышцы замедлились, – передай сигарету / горизонту спокойному, погоди, не спеши...» (Парщиков, 2014, с. 56)).

Таким образом, можно заключить, что стихотворение Парщикова становится своего рода маргиналией на полях песни «Lucy in the Sky with Diamonds», интерпретирующей ее мотивы через призму парщиковской поэтики. Галлюцинаторная логика и воображаемые миры песни трансформируются в метаморфическое пространство, застывшее в своих превращениях на моменте «до взрыва», а метафора «A girl with kaleidoscope eyes» воплощается в калейдоскопе образов этого стихотворения. Неперевод же усиливает многозначную природу палимпсеста, сохраняя отсылку к ЛСД в заголовке, а также структурируя восприятие калейдоскопа метаморфоз. Неслучайно О.И. Северская видит в этом тексте мотивы видения («процесс поиска соответствий, сходств и отличий» (Северская, 2022, с. 73)).

Таким образом, в поэзии метареалистов Аркадия Драгомощенко и Алексея Парщикова неперевод служит способом создания палимпсеста-маргиналии, структурируя восприятие переплетения образов как через донорский текст, так и через трансформацию его мотивов. Будь то неперевод строк из модернистского эпоса или заголовка психоделической песни, динамический синтез различных слоев реальности, памяти, забвения, галлюцинаторной логики дает возможность выявить сложную взаимосвязь объектов и зрения / видения.

Поэтические тексты Екатерины Захаркив, лауреатки Премии Аркадия Драгомощенко (2016), часто построены на межъязыковом взаимодействии, высвечивающем не диалог культур и предзаданную тотальность, а отчуждение, которое испытывает человек, погруженный в глобальный медиа-капитализм, недоверие к языку и коммуникативные разрывы. Так и в поэме «хиросо онода», по словам М. Маурицио, «смешение языков играет важную роль... через фигуру солдата японской армии, отстаивавшего позицию на протяжении трех десятилетий после окончания войны, затрагивается сразу несколько тем: непрерывность настоящего и прошлого, трагедия человека, оказавшегося и застрявшего в чужом мире, невозможность подлинной коммуникации и тем самым взаимопонимания» (Маурицио, 2019).

Такая проблематика выстраивается за счет взаимоналожения мифологической поэмы «Нисхождение Иштгар», народной баллады «The Maid Freed From the Gallows» («Девушка, спасенная из петли»), слов бывшего майора Императорской армии Японии Есими Танигути, метафоризации терминов и описания «призраков милитаризма» (Захаркив, 2019). Этот эффект «аллюзивного» (Маурицио, 2019) ассоциативного ряда и дискommunikации усиливается эпиграфом из стихотворения Майкла Палмера «I Do Not»:

I do not know English, and therefore I can have nothing to
say about this latest war, flowering through a night-
scope in the evening sky

Примечательно, что эпиграф, как и цитата баллады не даются в переводе, усиливая как дискоммуникативную семантику исходной фразы, так и последующего палимпсеста поэмы:

*в дни таммуза играйте на лазоревой флейте – поют вавилоняне
– на порфирном тимпане с ним мне поиграйте
с ним мне играйте певичы и певичы*

не подчиняясь требованиям слияния и выпадения	tomber dans la traduction
развертываясь по обеим осям: ддясь и обрываясь	<i>les mille et une nuits</i>
нецентрированные пятна и линии	ты не говоришь по-английски
не говоришь по-русски	не говоришь на иврите
я не знаю аккадского	я не говорю по-японски
филиппинского	не различаем таглиш
<i>играйте на лазоревой флейте</i>	в сколах биения аль-джабр
<i>на порфирном тимпане играйте</i>	
<i>з ним мені пограйте</i>	<i>tu own voice</i>
<i>з ним грайте співаки та співачки</i>	<i>cannot save me now</i>

пусть никакое «сейчас» не настает сейчас
на островах *обреченной* воспроизводимости

(Захаркив, 2019)

Взаимодействие неперевода и тематизации невозможности коммуникации через образы «*обреченной* воспроизводимости», «ареальности торчащей из протяженной гортани», «грезы стазиса между резами двух тире» как раз и создает такой дискоммуникативный тип поэтического палимпсеста, в котором переплетаются история японского офицера, воевавшего против союзных войск на небольшом филиппинском острове Лубанг во время Второй мировой войны и продолжавшего вооруженное сопротивление до 1974 года, отказываясь верить, что война закончилась, и состояние субъекта в раздробленном технокогнитивном капитализмом мире.

Мифологические отсылки, цитаты и неперевод нужны здесь не для того, чтобы выстроить тотальную цельность, — они апеллируют к теме отчуждения и невозможности коммуникации. В этом плане осколки разных культур остаются осколками, не только создавая гетерогенную ткань поэмы, но и воплощая тему дискоммуникации и расщепленности субъекта между прошлым и настоящим, лирическим «Я» и японским солдатом, недоверием к языку и капитализированными «индексами» литературного производства. В этом плане дискоммуникативный палимпсест поэмы Захаркив «хироо онода» как раз и строится на нерепрезентирующей функции неперевода, когда столкновение разных языков, цитат и отсылок создает как затрудненность восприятия, так и коммуникативные разломы в повествовательной ткани произведения.

Жерар Женетт использовал метафору палимпсеста для анализа разнообразных типов интертекстуальных связей (Genette, 1997), впоследствии это понятие начинают применять по отношению различным типам текстов — как классических (Проскурин, 1999), так и неклассических (Fokkema, 1984, p. 446). В рамках настоящей статьи мы попробовали рассмотреть не типологию текстов, а типологию самих палимпсестов, которые возникают в непрозрачной поэзии от Эзры Паунда до современных авторов. Во всех исследованных случаях герметизация смысла сопровождается эстетически значимым непереводам цитат, изречений и заголовков, однако каждый случай представляет собой уникальный способ использования этого неперевода. Исходя из функции неперевода, можно вывести следующие типы палимпсестов в непрозрачной поэзии:

1) тотальный палимпсест, в котором неперевод выступает в функции авангардного «обнажения приема», высвечивая или сплетение мира в рамках модернистского абсолюта, или руины модернистского проекта;

2) децентрированный палимпсест, который использует неперевод как голос Другого и след иных практик, раскалывающий поток речи, чем децентрирует не только семантику и форму, но и сам процесс письма и сопутствующие ему механизмы передачи смысла;

3) палимпсест-маргиналия, который структурирует через неперевод восприятие переплетения образов как динамического синтеза различных слоев реальности, памяти, забвения, галлюцинаторной логики и дает возможность выявить сложную взаимосвязь объектов и зрения / видения;

4) дискommунитивный палимпсест, в котором неперевод и столкновение различных языков обнажают коммуникативные разломы и отчуждение субъекта в раздробленном технокогнитивном капитализмом мире.

Настоящая статья не имела целью показать эволюцию неперевода и палимпсеста от паундовской тотальности к дискommунитивной проблематике новейшей поэзии. Скорее, это попытка вывести точки на контурной карте поэтических практик, показывающие как становление отличного от просто мультилингвизма способа межъязыкового взаимодействия внутри текста, так и способы наследования через разрыв сложной и неоднозначной природе «Cantos» Эзры Паунда, породивших не только новый тип модернистского эпоса, но и особый тип поэтического палимпсеста.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00429) в Институте языкознания РАН.

Список литературы

Азарова Н. Межъязыковое взаимодействие в поэзии Аркадия Драгомощенко // Новое литературное обозрение. 2015. №1 (131). С. 280—288.

Драгомощенко А. Тавтология. М., 2011.

ДюПлесси Р.Б. Черновик 18: Передача (Traduction) // Цирк «Олимп»+TV. 2021. №36 (69). URL: <https://www.cirkolimp-tv.ru/articles/1050/chernovik-18-peredacha-traduction> (дата обращения: 19.11.2022).

Заломкина Г. Распознавание осенней вегетации речи // Новое литературное обозрение. 2015. №1 (131). С. 270–279.

Захаркив Е. хироо онода // Греза. 2019. URL: <https://greza.space/hiroo-onoda/> (дата обращения: 19.11.2022).

Карбери М. Книга удаляется в себя. Черновики Рэчел Блау ДюПлесси // Цирк «Олимп»+TV. 2020. №33 (66). URL: <https://www.cirkolimp-tv.ru/articles/920/kniga-udalyaetsya-v-sebya> (дата обращения: 19.11.2022).

Корчагин К. На полях гимна (к) речи // Новый мир. 2011. №11. С. 189–194.

Корчагин К. Поэзия авангарда в поисках тотальности (От Эзры Паунда до Аркадия Драгомощенко) // Поэтический журнал. Poetry Magazine. 2018. №1. С. 298–325.

Корчагин К. У истоков акторно-сетевой поэзии: «Деньги» Алексея Парщикова // Фигуры интуиции: поэтика Алексея Парщикова : сб. ст. М., 2022. С. 159–165.

Лехциер В. Поэзия и ее иное: философские и литературно-критические тексты. Екатеринбург ; М., 2020.

Масалов А. Русскоязычная непрозрачная поэзия: от метареализма до конца 2010-х годов // Новое литературное обозрение. 2022. №4 (176). С. 210–231.

Маурицио М. [Предисловие] // Греза. 2019. URL: <https://greza.space/hiroo-onoda/> (дата обращения: 19.11.2022).

Павлов Е. Тавтологии Драгомощенко // Новое литературное обозрение. 2015. №1 (131). С. 289–301.

Парщикова А. Дирижабли. М., 2014.

Паунд Э. Из «Пизанских Песен» // Гвидеон. 2012. №2. С. 81–123.

Петровская Е. Фундамент – пыль (Заметки о поэзии А.Т. Драгомощенко) // Новое литературное обозрение. 2013. №3 (121). С. 267–273.

Пробштейн Я. Вечный бунтарь // Гвидеон. 2012. №2. С. 64–80.

Пробштейн Я. «Пизанские песни» Э. Паунда // Литература двух Америк. 2019. №7. С. 40–166.

Проскурин О.А. Поэзия Пушкина, или Подвижный палимпсест. М., 1999.

Северская О. «Кино, где меняются фигуры со сложной топикой»: визуальные коды в поэзии Алексея Парщикова // Фигуры интуиции: поэтика Алексея Парщикова : сб. ст. М., 2022. С. 71–81.

Ямпольский М. О близком (Очерки немиметического зрения). М., 2001.

Fokkema D. Literary History. Modernism and Postmodernism. Amsterdam ; Philadelphia, 1984.

Genette G. Palimpsests. Literature in the Second Degree. Lincoln, 1997.

The Beatles. Lucy in the Sky with Diamonds // Genius. 2014. URL: <https://genius.com/The-beatles-lucy-in-the-sky-with-diamonds-lyrics> (дата обращения: 19.11.2022).

Об авторе

Алексей Евгеньевич Масалов, кандидат филологических наук, преподаватель кафедры теоретической и исторической поэтики, преподаватель кафедры истории русской литературы новейшего времени, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия.

E-mail: uchkuduk202@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2985-1170>

Для цитирования:

Масалов А.Е. Неперевод как палимпсест в непрозрачной поэзии // Слово.ру: балтийский акцент. 2023. Т. 14, №3. С. 86–99. doi: 10.5922/2225-5346-2023-3-6.

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

NON-TRANSLATION AS PALIMPSEST IN HERMETIC POETRY

A. E. Masalov

Russian State University for the Humanities

6 Miusskaya sq., Moscow, 125993, Russia

Submitted on October 10, 2022

Accepted on February 02, 2023

doi: 10.5922/2225-5346-2023-3-6

Ezra Pound's "Pisan Cantos" is a multi-layered palimpsest rewritten and written over previous editions several times, in which the non-translation of quotes, sayings and headlines becomes an aesthetically significant device. Younger branches of complex poetry after 1945, on the one hand, overcome Pound's total project, on the other, inherit him through this 'gap'. Within the framework of this article, the author explores how hermetic poetry (language writing, metarealism and generation of the 21st century) uses non-translation and untranslatable to create/express political and ontological problems corresponding to this gap. So, in "Drafts" by Rachel Blau DuPlessis, palimpsest exposes the very deployment of language, writing, the 'trace' of other languages – all this develops together with the optics of studying writing and the loosening of the dominant hierarchies of poetic subjectivity and artistic form. In the poetry of metarealists Arkady Dragomoshchenko and Alexei Parshchikov, non-translation serves as a way of creating palimpsest marginalia, structuring the perception of interweaving images both through donor text and through the transformation of its motives. And the discommunicative palimpsest of Ekaterina Zakharkiv's poem "Hiroo Onoda" is based on the unrepresentative function of the non-translation, when the collision of different languages, quotes and references creates both difficulty in perception and communicative faults in the narrative fabric of the work. Thus, the article is an attempt to derive points on a contour map of poetic practices, showing both the formation of a way of inter-linguistic interaction within the text that is different from multilingualism, and the ways of inheritance through the rupture of the complex and ambiguous nature of Ezra Pound's "Cantos", which gave rise not only to a new type of modernist epic, but also a special type of poetic palimpsest.

Keywords: non-translation, palimpsest, hermetic poetry, language writing, metarealism, contemporary poetry

The present study was carried out at the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences with the financial support of the Russian Science Foundation, project no. 19-18-00429.

References

Azarova, N., 2015. Interlanguage interaction in the poetry of Arkady Dragomoshchenko. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Review], 1 (131), pp. 280–288 (in Russ.).

Carbery, M., 2020. The book is removed into itself. Drafts by Rachel Blau DuPlessis. *Cirk "Olimp"+TV* [Circus "Olympus" plus TV], 33 (66). Available at: <https://www.cirkolimp-tv.ru/articles/920/kniga-udalyaetsya-v-sebya> [Accessed 19 November 2022] (in Russ.).

Dragomoshchenko, A., 2011. *Tautologiya* [Tautology]. Moscow (in Russ.).

DuPlessis, R.B., 2021. Draft 18: Traduction. *Cirk "Olimp"+TV* [Circus "Olympus" plus TV], 36 (69). Available at: <https://www.cirkolimp-tv.ru/articles/920/kniga-udalyaetsya-v-sebya> [Accessed 19 November 2022] (in Russ.).

Fokkema, D., 1984. *Literary History. Modernism and Postmodernism*. Amsterdam; Philadelphia.

Genette, G., 1997. *Palimpsests. Literature in the Second Degree*. Lincoln.

Korchagin, K., 2011. On the margins of the anthem (to) speech. *Novyi mir* [A new world], 11, pp. 189–194 (in Russ.).

Korchagin, K., 2018. Avant-Garde Poetry in The Search for Totality (From Ezra Pound to Arkadii Dragomoshchenko). *Poeticheskii zhurnal* [Poetry Magazine], 1, pp. 298–325 (in Russ.).

Korchagin, K., 2022. At the origins of actor-network poetry: Alexei Parshchikov's "Money". In: *Figury intuitsii: poetika Alekseya Parshchikova* [Figures of intuition: poetics of Alexei Parshchikov]. Moscow, pp. 159–165 (in Russ.).

Lekhciev, V., 2020. *Poeziya i ee inoe: filosofskie i literaturno-kriticheskie teksty* [Poetry and its other: philosophical and literary-critical texts]. Ekaterinburg; Moscow (in Russ.).

Masalov, A., 2022. Russian-Language opaque poetry: From Metarealism to the late 2010s. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Review], 4 (176), pp. 210–231 (in Russ.).

Maurizio, M., 2019. Introduction. In: E. Zaharkiv, ed. *hiroo onoda*. Available at: <https://greza.space/hiroo-onoda/> [Accessed 19 November 2022] (in Russ.).

Parshchikov, A., 2014. *Dirizhabli* [Airships]. Moscow (in Russ.).

Pavlov, E., 2015. Dragomoshchenko's tautologies. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Review], 1 (131), pp. 289–301 (in Russ.).

Petrovskaya, E., 2013. Foundation – dust (Notes on A.T. Dragomoshchenko's poetry). *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Review], 3 (121), pp. 267–273 (in Russ.).

Pound, E., 2012. From "Pisan Cantos". *Gvideon*, 2, pp. 81–123 (in Russ.).

Probststein, Ya., 2012. Eternal rebel. *Gvideon*, 2, pp. 64–80 (in Russ.).

Probststein, Ya., 2019. "Pisan Cantos" by E. Pound. *Literature of the Americas*, 7, pp. 40–166, <https://doi.org/10.22455/2541-7894-2019-7-40-166> (in Russ.).

Proskurin, O. A., 1999. *Poeziya Pushkina, ili Podvizhnyi palimpsest* [Poetry of Pushkin, or Mobile Palimpsest]. Moscow (in Russ.).

Severskaya, O., 2022. "Cinema where figures with complex topics change": visual codes in the poetry of Alexei Parshchikov. In: *Figury intuitsii: poetika Alekseya Parshchikova* [Figures of intuition: poetics of Alexei Parshchikov]. Moscow, pp. 71–81 (in Russ.).

The Beatles. Lucy in the Sky with Diamonds. Available at: <https://genius.com/The-beatles-lucy-in-the-sky-with-diamonds-lyrics> [Accessed 19 November 2022].

Yampol'skiĭ, M., 2001. *O blizkom (Ocherki nemimetichskogo zreniya)* [About Close (Essays on Non-Mimetic Vision)]. Moscow.

Zaharkiv, E., 2019. hiroo onoda. *Greza*. Available at: <https://greza.space/hiroo-onoda/> [Accessed 19 November 2022] (in Russ.).

Zalomkina, G., 2015. Recognition of the autumn growing of speech. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Review], 1 (131), pp. 270–279 (in Russ.).

The author

Dr Alexey E. Masalov, Lecturer, the Department of Historical and Theoretical Poetics, the Department of the History of Russian Literature of Modern Time, Russian State University of the Humanities, Moscow, Russia.

E-mail: uchkuduk202@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2985-1170>

To cite this article:

Masalov, A. E., 2023, Non-translation as palimpsest in hermetic poetry, *Slovo.ru: Baltic accent*, Vol. 14, no. 3, pp. 86 – 99. doi: 10.5922/2225-5346-2023-3-6.

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

НА КАКОМ ЯЗЫКЕ И О ЧЕМ МОЛЧАЛИ В ПАРИЖЕ ГАЗДАНОВ И САЛКАЗАНОВА

Т. К. Салбиев

Владикавказский научный центр РАН
Россия, 363110, РСО-Алания, Пригородный район,
с. Михайловское, ул. Вильямса, 1
Поступила в редакцию 10.10.2022 г.
Принята к публикации 02.02.2023 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2023-3-7

В статье исследуются принципы и способы построения дискурса, складывающегося при уникальном стечении целого ряда факторов как социокультурного, так и лингвистического свойства в пространстве европейского мегаполиса. Его участниками оказались представители первой и второй волны русской эмиграции – видный писатель русского зарубежья Гайто (Георгий Иванович) Газданов и начинающая журналистка Фатима Салказанова, которых судьба свела в 1960-е годы в Париже, на работе в русской службе радио «Свобода»¹. Сохранились устные воспоминания Салказановой, согласно которым после того, как они были представлены друг другу, в течение последующих шести месяцев Газданов не проронил в общении с ней ни единого слова, однако затем как ни в чем не бывало первым заговорил с ней, посоветовав купить новые часы. Основным предметом рассмотрения становится уяснение стратегии построения этого «бессловесного» дискурса, выяснение условий его протекания, а также его механизма и исторических предпосылок как в лингвистическом, так и в историко-культурном аспекте, его языковая атрибуция и обций смысл. Сам дискурс при этом трактуется как рецидив архаического ритуального молчания, практиковавшегося в осетинских патриархальных семьях в качестве одного из элементов речевого этикета. За счет этой реликтовой языковой практики, восходящей к индоевропейской архаике и представляющей собой одно из проявлений обряда перехода, они, будучи осетинами по своему происхождению, в силу объективных обстоятельств не владевшие родным языком, обеспечивали демонстрацию своей культурной идентичности. Представляется, что важнейшим условием подобного речевого поведения следует признать место и время его протекания, когда вынужденная эмиграция в Европу становится фактором не только консервации архаических моделей речевого этикета, но также и их непроизвольной актуализации.

Ключевые слова: ритуальная немота, речевой этикет, дискурс, обрамление, рецидив, осетины, патриархальная семья, индоевропейская архаика

1. Введение

Аккомодация культурных систем может привести в числе прочего к такой нетривиальной форме реализации акта языковой коммуникации, как ритуальная немота. Подобное «многозначительное» молчание двух участников подразумеваемого, невербального диалога можно рас-

© Салбиев Т. К., 2023

¹ Радио «Свобода» внесено Министерством юстиции РФ в реестр иностранных агентов.

сма­три­вать как пря­мое след­ствие расхож­де­ния смыс­лов, ре­али­зуе­мых во всту­пив­ших во взаи­мо­дей­ствие раз­лич­ных язы­ко­вых сис­те­мах, не сов­па­даю­щих по сво­им исто­ри­ко-куль­тур­ным кон­но­та­ци­ям. В этом слу­чае бу­дет иметь ме­сто не про­сто акт отри­ца­тель­ной ком­му­ни­ка­ции, то есть его пол­ное от­сут­ствие, но ком­му­ни­ка­ция латент­ная, на­де­лен­ная важ­ны­ми, хотя и не вы­ска­зан­ны­ми, но под­ра­зу­ме­вае­мы­ми смыс­ла­ми, ко­то­рые для их вос­при­я­тия не мо­гут быть про­сто пе­ре­ве­де­ны, но дол­жны быть пра­виль­но впи­са­ны в поро­ждаю­щий их со­цио­куль­тур­ный и ми­фо-ри­ту­аль­ный кон­текст.

От­сут­ствие ин­те­реса ис­сле­до­ва­те­лей к по­доб­ным си­ту­а­ци­ям кросс-куль­тур­ной не­пе­ре­во­ди­мо­сти мо­жно счи­тать след­ствием их укорененности ли­бо в ар­ха­иче­ских куль­ту­рах, ли­бо в тра­ди­ци­он­ных, яв­ляю­щих­ся, по оп­ре­де­ле­нию, изу­ст­ны­ми, что ве­дет к их прак­ти­че­скому от­сут­ствию в со­вре­мен­ном ур­ба­ни­сти­че­ском, то есть пись­мен­ном, куль­тур­ном про­стран­стве. Ме­жду тем да­же в но­вей­шее вре­мя в со­вер­шен­но не­ожидан­ных об­сто­я­тель­ствах мо­гут на­блю­даться ре­ци­дивы по­доб­ной ри­ту­аль­ной не­моты, не толь­ко убе­ди­тель­но сви­де­тель­ст­вую­щие о жиз­не­стой­кости этого яв­ле­ния, но так­же по­зво­ляю­щие ясно ви­деть его ме­ха­низм и дви­жу­щие си­лы, раз­личать его ха­рак­тер­ные осо­бен­ности и си­ту­а­ци­он­ную при­вяз­ку к ме­сту его ре­а­ли­за­ции. Вок­руг этих во­про­сов и бу­дет стро­иться об­суж­де­ние в на­стоя­щей ста­тье.

Ре­ци­див по­доб­ного ри­ту­аль­ного мол­ча­ния, ко­то­рый бу­дет рас­смот­рен в на­стоя­щей ста­тье, имел ме­сто в 1960-е го­ды в Па­ри­же, а его учас­тни­ка­ми бы­ли два со­труд­ника рус­ской служ­бы ра­дио «Сво­бо­да»², оба осетины по сво­ему про­ис­хо­жде­нию, пре­крас­но вла­де­вшие фран­цуз­ским, но го­во­ри­вшие друг с дру­гом на рус­ском язы­ке. При всем внеш­не бы­то­вом ха­рак­тере этой исто­рии, она весь­ма по­учи­тель­на для ис­сле­до­ва­ний ком­му­ни­ка­тив­ных воз­мож­но­стей язы­ка, ко­то­рые про­яв­ляют себя да­же в том слу­чае, если язы­к не ис­поль­зуется по сво­ему пря­мому на­зна­че­нию в ка­че­стве сред­ства об­ще­ния, а лишь за­да­ет осно­во­по­ла­гаю­щие со­цио­куль­тур­ные па­ра­мет­ры дис­кур­са и глав­ные его смыс­лы.

2. Первая встреча

В кон­це девя­но­стых го­дов про­шло­го ве­ка я ока­зал­ся в Па­ри­же в гостях у извест­ной жур­на­ли­стки Фа­ти­мы Сал­ка­за­но­вой, ко­то­рая мне по­ве­дала исто­рию сво­его зна­ком­ства с од­ним из круп­ней­ших пи­са­те­лей рус­ского за­ру­бе­жья Гай­то (Ге­ор­гием Ива­но­ви­чем) Газ­да­но­вым. Пере­даю об­щее со­дер­жа­ние этого чрез­вы­чай­но лю­бо­пыт­ного э­пи­зо­да самой их пер­вой встре­чи, ко­то­рый она в­по­след­ствии не­од­но­крат­но пе­ре­ска­зы­вала, так как я его за­пом­нил. Имен­но это их пер­вое об­ще­ние и ста­ло сво­его ро­да прелю­дией к тому осо­бому дис­кур­су, ко­то­рый имел ме­сто ме­жду ни­ми в те­че­ние по­сле­дую­щего по­лу­го­дия и ко­то­рый пред­став­ляет не­сом­нен­ный ин­те­рес для ис­сле­до­ва­те­ля.

² Ра­дио «Сво­бо­да» в­не­се­но Ми­ни­стер­ством юсти­ции РФ в ре­естр ино­стран­ных агентов.

Итак, после окончания факультета журналистики Сорбонны Салказанова в поисках работы обратилась на радио «Свобода», куда и была принята сотрудницей русской службы. После оформления всех необходимых бумаг она была приглашена в кабинет директора для знакомства. Когда она вошла в кабинет директора, то директор вышел к ней навстречу для приветствия, а затем, после обмена любезностями, указал ей на сидевшего на стуле у стены невысокого солидного господина в костюме и галстуке со скрещенными на груди руками. Было сказано, что это один из сотрудников русской службы, что зовут его Георгием Ивановичем Газдановым и что он, так же как и сама госпожа Салказанова, — осетин. Услышав эту фразу, Газданов, не удосужившись даже поздороваться с ней, не меняя своего положения и пристально глядя ей в глаза, заметил: «Только имейте в виду, что я вырос в доме полковника царской армии и потому не знаю ни единого слова по-осетински!». Ошарашенная таким приемом, Салказанова тем не менее, согласно ее собственному рассказу, сохранила присутствие духа и ответила на его замечание вполне достойно: «А я выросла в доме генерала царской армии, и у нас было принято вставать, когда в комнату входила женщина!». Ответ настолько понравился Газданову, что он встал и, расхохотавшись, обнял ее, после чего в течение последующего полугодия не проронил при встречах с ней ни единого слова, хотя они часто виделись в силу служебных обязанностей. Однако затем, спустя полгода, совершенно неожиданно, как бы невзначай бросил ей, указав на ее запястье: «Стыдно, Фатима, носить такие часы!». С этого момента их общение приобрело вполне дружеский характер и продолжалось до самой смерти Газданова.

Самое простое, лежащее на самой поверхности объяснение его поведения может заключаться в том, что он просто присматривался к ней и решал, заслуживает ли она его внимания. В итоге, когда она прошла своего рода испытательный срок и заслужила его расположение, он изменил отношение к ней. Все же при такой трактовке весьма примечательного эпизода многое остается за скобками и нуждается в более подробном рассмотрении.

Прежде всего замечу, что их встреча происходит в Париже, бывшем не только культурной столицей Европы, но также и конечным пунктом первых двух волн русской эмиграции. Принято считать, что первая волна эмиграции была послереволюционной и включала людей, выросших в дореволюционной России, а вторая — советской, по времени последовавшей после Великой Отечественной войны. Вторая волна была не только значительно меньше первой в количественном отношении, но разительно отличалась от нее и в плане культурном. В нашем случае принципиальное отличие между собеседниками заключалось в том, что один был представителем дореволюционного поколения, эмигрировавшим во Францию вместе с остатками армии барона Врангеля, а вторая относилась ко второй волне эмиграции, состоявшей из бывших советских граждан, выросших уже после революции. Не будет

большим преувеличением сказать, что в этом отношении между ними пролегла пропасть. Тем удивительнее те формы, которые приобретает взаимодействие между представителями этих двух волн, сведенных вместе своей эмигрантской судьбой в центре Европы. Представляется, что именно Париж задает параметры «экстерриториальности» не только пространственной, но и темпоральной, позволяющей снимать хронологический и культурный провал между двумя поколениями эмигрантов, уравнивая их и формируя предпосылки для сложного многоуровневого дискурса.

Далее обращает на себя внимание язык их непосредственного общения — русский. Действительно, прекрасно владея французским языком, они общаются по-русски, увязывая свое происхождение, а вместе с ним и свой культурный *modus vivendi* с дореволюционной, царской Россией. Один ссылается на полковника царской армии, тогда как другая, одновременно вторя и возражая ему, говорит о связи с более высоким по званию родственником — генералом царской армии. Следует заметить, что оба говорили совершенную правду. Имена упомянутых ими военных хорошо известны: близким родственником Газданова по материнской линии был полковник Афако Абациев, участник Турецкой войны (подробнее об этом родстве см.: (Газданова, 2007, с. 382)), а Салказанова воспитывалась в доме известного генерал-лейтенанта Созырыко Хоранова (см. о нем: Дзагурова, 1992, с. 86—91). Все детали их лаконичного диалога представляются весьма значительными. С одной стороны, само упоминание деятелей царских времен становится средством архаизации дискурса, с другой — фраза Газданова о том, что он не знает ни единого слова по-осетински, фактически задает сам бессловесный характер их будущего общения и его культурную соотнесенность с Осетией. Нельзя не заметить и того, что русский язык выступает в роли коммуникативного «обрамления» всего их последующего молчаливого дискурса, эксплицируя его основные смыслы и характерные особенности.

Теперь становится очевидно, что, когда первый из участников диалога говорит о том, что не владеет осетинским языком, вторая отвечает, что владение предполагает не языковые навыки, а соответствующее поведение. Тем самым, уходя от осетинского языка, они переводят свой первый коммуникативный акт в плоскость осетинского политеса. Не будучи в состоянии общаться со своей новой знакомой на осетинском, Газданов в силу самой ситуации склоняется к мысли, что они оба могли бы, если уж не говорить, то по крайней мере молчать «по-осетински». В этой связи упоминание высокопоставленных офицеров царской армии, как это парадоксально ни звучало бы, вполне вписывается в осетинский контекст той эпохи, поскольку только «настоящие» осетины, то есть мужественные, благородные, бесстрашные и т.п., могли дослужиться в царской армии до столь высоких чинов. Так ли это на самом деле, как им это удалось, что было недосказано, осознавали ли они сами, что тогда происходило, вот главные вопросы, на которые предстоит дать ответ.

3. Фигура речи

Если в системе выразительных средств языка существует такая хорошо известная фигура речи, как умолчание (Лингвистический энциклопедический словарь, 1990, с. 542–543), то вполне допустимо расширение этого приема до социокультурных рамок и наделения его общекультурным характером. Кроме этого, чисто теоретического по своему характеру, положения, есть еще два обстоятельства конкретного свойства, которые делают подобную постановку вопроса вполне допустимой.

Прежде всего замечу, что нельзя полностью исключить из рассмотрения неизбежно возникающий в этой связи масонский след. Исследователь творчества Газданова Ласло Диенеш обнаружил тот факт, что весной 1932 года в Париже писатель вступил в русскую масонскую ложу «Северная звезда» (Dienes, 1982, р. 46–48). Дело в том, что у масонов, как известно, также принято «вешать на губы» новообращенному замок, как обязательство с его стороны хранить молчание. Этот масонский знак был использован даже в опере Моцарта «Волшебная флейта», что свидетельствует о его широкой известности даже среди непосвященных. Напомню, что согласно сюжету оперы, птицелов Папагено делает вид, что это он спас принца Тамино от огромной змеи-дракона, что не соответствует действительности и за что три дамы, служительницы царицы ночи, возмущенные его бахвальством, вешают ему на рот большой замок (Амбарцумян, 2000, с. 47–51). Все же женщины не принимались в масонские ложи, члены которых становились по отношению друг к другу братьями. Вот почему ситуация с Салказановой должна трактоваться в осетинском ключе, указание на который дает сам Газданов, подчеркивая то обстоятельство, что он не знает ни единого слова на этом языке (хотя это и не соответствовало действительности). Однако совсем сбрасывать со счетов масонский фактор не стоит: по крайней мере для самого Газданова он должен был играть определенную роль, пусть и не строго формальную, но фоновую, выступая в роли привычной поведенческой модели, в рамках которой он строит отношения со своей новой знакомой.

Следует также принять во внимание и то, что в отношении меня самого Салказанова использовала тот же прием, но с обратной направленностью. Как и подобает гостеприимной и радушной хозяйке, она встретила меня на улице, перед небольшой калиткой, ведущей через палисадник в ее просторный парижский дом, расположенный по адресу 27, *Gustav Flaubert* в районе Парижа *Villejuif*. Общались мы по-русски, и потому громом среди ясного неба стало для меня ее неожиданное предложение, произнести молитву, чтобы освятить пищу, перед тем как приступить к трапезе. Улучив момент, она сделала небольшую паузу в нашей оживленной беседе и без какого-либо предисловия перешла на осетинский, которым, как выяснилось, владела совершенно свободно. Она буквально произнесла следующее: «Гъеныр, лэггты, æскув!» («А теперь, молодой человек, вознеси (подобающую) молитву!»). С одной сто-

роны, стало ясно, что она не потеряла связь с традицией. С другой — она приготовила мне испытание, которое было заранее предусмотрено и должно было показать ей, с кем она имеет дело. Ее предложение было внезапным и не оставляло времени на подготовку или промедление. Она сама умолкала на время и предоставляла мне право говорить, так что правильно произнесенное молитвословие обеспечивало нашу связь с небом и наделяло трапезу сакральностью. Повторяется то же гендерное распределение ролей: женщина молчит, а мужчина говорит, в рамках обрядовой составляющей, задаваемой самой ситуацией освящения пищи и произносимым по этому поводу молитвословием (его жанром, структурой и смыслом). Она, в сущности, пользовалась своим положением хозяйки дома, давая гостю испить почетную чашу, причитающуюся ему по статусу.

Если вернуться к Газданову, то следует отметить, что сохранились письма его матери Веры Николаевны Абациевой к нему, которые после его смерти были возвращены в Осетию, где она провела последнюю часть своей жизни и была похоронена. Приведу отрывок из письма матери сыну в Париж от 24 июля 1935 года:

Сегодня месяц и 3 года, как так внезапно скончался Дзбн, а настроение сестер все то же. Надо видеть только это горе: оно неопишимо. Потом еще одна трагическая вещь. У осетин есть обычай — не есть то, что любил покойник. Они теперь едят в обед постный суп из воды... и картошки, а на второе вареный картофель. А между тем при жизни Дзбна в кухне от шести часов утра и до 6 часов вечера творилось нечто невообразимое, вероятно то, что было в имени Ильюши Облонского. И пекли пироги, и жарили рыбу, варили кисели, приносили корзинами минеральную воду, после или до — не знаю — Дзбн пил йод или еще какие-то лекарства. Я возмущалась ужасно, когда сестры завидовали мне, что я не занята целый день ерундой. А теперь они тоже даже не выходят из кухни, а сидят и ждут прихода Дзбна. Как я завидую людям сильным, трезвым, смотрящим прямо в глаза жизни. Случилось несчастье, ушел человек, вернуть его нельзя, а потому, возьми себя в руки и создай новую жизнь. А жизнь надо уметь создать. Ненормальная жизнь дает ненормальные результаты. Если бы Дзбн и его сестры были женат и замужем, у них были бы иные отношения, остались бы у них дети, не было бы кошмарного одиночества, как сейчас (Пажитнов, 2015).

В письме присутствует и некоторая досада, осуждение этой традиции, но то, что она жива, сомнений не вызывает. Как видим, пост по умершим родственникам мужского пола соблюдался женщинами Осетии еще до недавнего времени и даже в самых образованных семьях. Пост предстает способом установления связи с усопшим через отказ от приема пищи, которая символически жертвуется в его пользу. Кроме того, пост способствует укреплению силы духа, преодолению материального начала, становится своего рода подготовкой к собственному уходу, «инсценировкой» смерти.

Не остается сомнений, что для Газданова и Салказановой традиционный осетинский историко-культурный контекст был хорошо известен, и если они не могли знать его в подробностях, то общий дух впол-

не себе представляли. И этот дух предполагал самоограничение, проявление выдержки и личного достоинства, которые они ожидали друг от друга. С этой точки зрения их отношения хорошо вписываются в освященную осетинской традицией модель поведения молодой невестки по отношению к свекру, что вполне соответствовало их разнице в статусе и прожитых годах. Одной из форм подобного ритуального молчания можно считать практиковавшийся в Осетии до недавнего времени обряд *yıtsadyń*, предполагавший запрет для молодой снохи говорить в присутствии свекра. Изучение этимологии соответствующего осетинского глагола *wajsadyń* позволило В.И. Абаеву возвести его к индоевропейскому этимону **waz-sadyń* и затем разделить его на два компонента: *waz* 'речь' и *sadyń* 'затемнять, таить' (Абаев, 1989, с. 43–44). Об этом обряде и связанном с ним таинстве следует сказать подробнее.

4. Ритуальная немота

Согласно многочисленным дошедшим до нас этнографическим описаниям старого осетинского быта, попадая в новый дом, невеста проходит испытательный срок, когда все домочадцы присматриваются к ее поведению. При этом, как считают специалисты, главная цель подобного избегания заключается в «этикетном закреплении патриархальной иерархии в семье» (Дзуцев, Смирнова, 1993, с. 69). Для иллюстрации того, насколько четко и ясно была структурирована осетинская патриархальная семья в социальном плане, укажу на такого ее члена, как побочная, неполноправная жена одного из мужчин (*номыл ус*), которую сватали в знатную семью из бедных, малообеспеченных слоев общества. По своему положению она была похожа на наложницу, но отличалась от нее большей свободой личности, хотя рожденные от нее дети не обладали всеми правами и получали оскорбительную кличку (Абаев, 1973, с. 189). Для иллюстрации ее положения можно сослаться на посвященную ей традиционную осетинскую загадку, которая гласит: *Нæ йын чындзы ми æмбæлы, / Нæ йын усы бар ис* (Не пристало ей вести себя как невестке, / Однако нет у нее и прав жены) (Гменова, 2000, с. 86). Как видим, невестка ставится в загадке по своему статусу даже ниже побочной жены, которая оказывается в социальной иерархии на ступень выше. Тем самым можно говорить о том, что статус молодой невестки является самым начальным, однако перед ней открыты перспективы для дальнейшего роста, которые полностью зависят от того, как она себя проявит.

Попав в новый дом, она поначалу наряду с остальными женщинами занимается обычной работой по дому: готовит, убирает, помогает смотреть за детьми, ходит за водой и т. д. Однако есть особый род занятий, который отличает ее от всех остальных женщин. Подобная специализация в целом характерна для членов патриархальной семьи, будучи напрямую выводимой из их социального статуса; примечательно, что в некоторых случаях она может быть надежно возведена к индоевропейской архаике. Так, например, присматривать за огнем в очаге, который считается семейной святыней и должен быть неугасим, доверено только одной из незамужних дочерей, которая укрывает его на

ночь, а утром раздувает из остающихся углей новый огонь. Мне удалось показать, что в данном случае, речь должна идти о ритуальной чистоте домашнего очага, сближающей незамужнюю осетинскую девушку с римской весталкой, бывшей служительницей культа огня (Салбиев, 2019, с. 27 – 28).

Относительно же новой невестки хорошо известно, что именно она встает утром раньше всех, чтобы подмести во дворе, а также улицу перед домом, иногда до конца всего квартала. На этой характерной обязанности строится осетинская загадка о невестке (*чындыз*), имеющая два варианта. Первый из них гласит: *Нæ фæсдуар – ног уисой* (У нас за дверью – новая метла), второй вариант столь же лаконичный и содержательный: *Нæ ног цымын – маъзаг у* (Наш новый веник хорошо метет) (Гменова, 2000, с. 86). Подобная обязанность, конечно, в первую очередь предполагала обеспечение чистоты, уборку прилегающей территории. Однако помимо сугубо утилитарного значения весьма вероятно, что она имела еще и мифо-ритуальную составляющую: так она заметала старый след, ведущий в ее родительский дом, что должно было облегчить ее скорейшее включение в состав новой семьи, обретение нового статуса. В этом случае, согласно А. Геннепу, мы имеем дело с лиминарным, то есть промежуточным, обрядом (Геннеп, 1999, с. 15). Молчание можно рассматривать как признак, характерный для потустороннего мира, ясно свидетельствующий о промежуточном положении молодой невестки – *ног чындыз*, пока она не станет восприниматься как полноправный член семьи. Этот переход в новое состояние обычно происходил естественным образом после рождения первенца, что наделяло ее новым статусом – матери одного из членов патриархальной семьи. Все же до того она неизбежно пребывала в своем положении нового члена семьи, и это особое положение ясно осознавалось как всеми домочадцами, так и ею самой.

Однако одной лишь инициацией дело не ограничивается, поскольку есть еще один важный параметр этого молчания, не только подразумеваемый, но и озвученный самим Газдановым. Стыд, с упоминания которого Газданов возобновляет общение с Салказановой, показывая ей, что она прошла «испытательный срок» и теперь признается им в качестве равной, наделенной собственным голосом (мнением) личностью, заслуживает более подробного рассмотрения. Вряд ли могут быть сомнения в том, что упоминание часов, неуместных на ее руке, означает своего рода смену вех, новый отсчет времени, обставляемый соответствующим ритуалом. В осетинской традиции, давая своей невестке право напрямую обращаться к главе семейства, последний устраивал обрядовое моление, означавшее, по своей сути, обретение ею нового статуса полноправного члена семьи с правом голоса в общесемейных делах.

В этой связи и сам смех Газданова, которым он отвечает на остроумное замечание Салказановой при их первой встрече, должен носить не бытовой, а мифо-ритуальный характер. Сошлюсь на разработанную М. М. Бахтиным теорию средневековой смеховой (карнавальной) куль-

туры, в рамках которой смех предстает средством амбивалентным по своему характеру — одновременно и снижающим, отправляющим в телесный низ, и возрождающим к новой жизни, обеспечивающим ее обновление (Бахтин, 1990, с. 91—93). В этом случае то, что представляется современному человеку всего лишь веселым, применительно к традиции должно значить «наделенный глубоким смыслом». Сам смех тогда будет носить, согласно В.Я. Проппу, также изучавшему природу смеха в традиционной культуре, не бытового, а ритуальный, обрядовый характер, дающий жизненные силы (Пропп, 1999, с. 161—163). Примечательно, что в осетинской традиции на уровне лексики со смехом оказывается напрямую сопряжено и понятие стыда — *худинаяг*, поскольку оно обозначается причастием будущего времени страдательного залога от глагола *худын* 'смеяться' и буквально будет значить «то, что подлечит осмеянию» (Абаев, 1989, с. 244—245). Таким образом, смех которым Газданов встречает остроумный ответ Салказановой на его колкость, получает развитие в его собственной фразе о том, что стыдно носить на руке такие часы, которая не только открывает новый этап в их отношениях, но также закрепляет обретение ею нового, более высокого статуса.

И здесь стоит сослаться на еще один эпизод из воспоминаний Салказановой, который пока еще не был упомянут. Она рассказывала, что как-то Газданов сказал ей (вновь цитирую по памяти), «что на радио "Свобода" только два человека знали русский язык, и оба при этом были осетины». Так причудливым образом Париж свел совершенно неожиданным образом, но при этом вполне органично и без какого-либо нажима, две языковые стихии — русскую и осетинскую, а также нашел общую социокультурную основу для до- и послереволюционной России.

5. Заключение

Взятая Газдановым полугодовая пауза в общении с Салказановой, которой предшествовал хотя и краткий, но весьма содержательный диалог на русском языке, вполне может рассматриваться как невольное исполнение идущего из осетинской традиционной культуры ритуала *уайсадын*, соблюдаемого в рамках патриархальной семьи между свекром и новой невесткой, его снохой. Важной предпосылкой для перевода их дискурса из сугубо бытового в плоскость осетинского речевого этикета, становится Париж, как место, являющееся экстерриториальным в плане культуры и раздвигающим темпоральные рамки их общения. Заданные в их кратком диалоге, который протекал на русском языке, выступавшем в роли коммуникативного обрамления, общие смыслы и параметры их взаимных ожиданий, лежавших в плоскости благородства и сдержанности, а также профессионального соответствия должности на радиостанции, в основных чертах совпадают с требованиями, предъявляемыми молодой невестке в патриархальной семье. Ритуальная немота становится одним из средств, отражающих переходный статус нового члена коллектива, который пребывает с мифологической

точки зрения в положении временной смерти, между двумя мирами — тем и этим. Важной эмоционально-психологической составляющей этого перехода следует считать стыд, также освоенный традиционной культурой в качестве базового этикетного элемента, сопровождающего ритуальную немоту и раскрывающего ее обрядовую обусловленность.

Список литературы

- Абаев В. И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. Л., 1973. Т. 2.
- Абаев В. И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. Л., 1989. Т. 4.
- Албарцумян А. А.* Маг Зарастро (Зороастр) в «Волшебной флейте» В. А. Моцарта (волшебные инструменты, зороастрийские ордалии и масонство) // Вопросы инструментоведения. Вып. 4 : сб. рефератов IV междунар. инструментоведческой конф. «Благодатовские чтения», 4–7 дек. 2000 г., Институт истории искусств. СПб., 2000. С. 47–51.
- Бахтин М. М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1990.
- Газданова В. С.* Дом на Кабинетской, 7. Воспоминания О. В. Абациевой-Салказановой // Золотой дождь. Исследования по традиционной культуре осетин. Владикавказ, 2007.
- Геннеп А.* Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов. М., 1999.
- Дзагурова Г. Т.* Под российскими знаменами. Владикавказ, 1992.
- Дзуцев Х. В., Смирнова Я. С.* Жизнь осетинской семьи. Этносоциологический аспект. Владикавказ, 1993.
- Лингвистический энциклопедический словарь.* М., 1990.
- Пажитнов Е.* Письма матери [2015]. URL: <https://proza.ru/2015/12/27/1156> (дата обращения: 10.12.2022).
- Пропт В. Я.* Проблемы комизма и смеха. Ритуальный смех в фольклоре (по поводу сказки о Несмеяне). М., 1999.
- Салбиев Т. К.* Сакральность осетинской надочажной цепи (истоки и семантика культа) // Вестник ВНЦ. 2019. Т. 19, №4. С. 23–29.
- Тменов Дз. Г.* Осетинские народные загадки. Владикавказ, 2000.
- Dienes L.* Russian literature in exile: the life and work of Gajto Gazdanov. München, 1982.

Об авторе

Тамерлан Казбекович Салбиев, кандидат филологических наук, доцент, и. о. заведующего отделом «Центра скифо-аланских исследований» Владикавказского научного центра РАН, Владикавказ, Россия.

E-mail: galabu054@gmail.com

ORCID ID: 0000-0002-8526-1984

Для цитирования:

Салбиев Т. К. На каком языке и о чем молчали в Париже Газданов и Салказанова // Слово.ру: балтийский акцент. 2023. Т. 14, №3. С. 100–111. doi: 10.5922/2225-5346-2023-3-7.

THE LANGUAGE OF MUTENESS: EXAMINING THE WORK OF GAZDANOV AND SALKAZANOVA IN PARIS

T. K. Salbiev

Vladikavkaz Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences,
1, Williams st., Prigorodny district, North Ossetia-Alania, 363110, Russian

Submitted on October 10, 2022

Accepted on February 02, 2023

doi: 10.5922/2225-5346-2023-3-7

The article examines the principles and methods of constructing discourse that emerges through a unique combination of socio-cultural and linguistic factors in the context of a European metropolis. Participants involved are representatives of the first and second wave of Russian emigration: Gaito (Georgy Ivanovich) Gazdanov, a prominent writer of the Russian diaspora, and Fatima Salkazanova, an aspiring journalist who crossed paths with Gazdanov in the 1960s in Paris while working in the Russian service of Radio Liberty³. Salkazanova's oral memoirs provide valuable insights, revealing that Gazdanov remained completely silent in her presence for a period of six months until he unexpectedly spoke to her, advising her to purchase a new watch. The primary focus of this study is to elucidate the strategy employed in constructing this 'wordless' discourse, as well as to explore the conditions that facilitate its occurrence, underlying mechanisms, and its historical background. The analysis encompasses linguistic, historical, cultural aspects, and aims to determine its linguistic classification and overall significance. The discourse itself is interpreted as a revival of the archaic ritual of silence practiced in Ossetian patriarchal families, serving as a form of speech etiquette. This relic language practice, rooted in Indo-European archaic traditions, represents a manifestation of the rite of passage and allows individuals of Ossetian origin, who may have lost their native language due to external circumstances, to demonstrate their cultural identity. It is suggested that the occurrence of such speech behaviour is strongly influenced by the specific time and place, where forced emigration to Europe not only contributes to the preservation of archaic speech etiquette patterns but also involuntarily activates them.

Keywords: ritual muteness, speech etiquette, discourse, framing, relapse, Ossetians, patriarchal family, Indo-European

References

Abaev, V. I., 1973. *Istoriko-etimologicheskii slovar' osetinskogo yazyka* [Historical and etymological dictionary of the Ossetian language], Vol. II. Leningrad (in Russ.).

Abaev, V. I., 1989. *Istoriko-etimologicheskii slovar' osetinskogo yazyka* [Historical and etymological dictionary of the Ossetian language], Vol. IV. Leningrad (in Russ.).

Ambartsumyan, A. A., 2000. Magician Sarastro (Zoroaster) in The Magic Flute by W. A. Mozart (magic instruments, Zoroastrian ordeals and Freemasonry). In: *Voprosy instrumentovedeniya: sbornik referatov IV mezhdunarodnoi instrumentovedcheskoj konferentsii «Blagodatovskie chteniya», 4 – 7 dekabrya 2000 g.* [Issues of instrumental science: collection of abstracts of the IV International Instrumental conference “Blagodatovskiy readings”, December 4–7, 2000], 4, pp. 47–51 (in Russ.).

Bakhtin, M. M., 1990. *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura srednevekov'ya i Renessansa* [Francois Rabelais's oeuvres and folk culture of the Middle Ages and the Renaissance]. Moscow (in Russ.).

³ The organisation was included in the list of mass media – foreign agents in 2017.

Dienes, L., 1982. *Russian literature in exile: the life and work of Gajto Gazdanov*. München.

Dzagurova, G.T., 1992. *Pod rossiiskimi znamenami* [Under Russian banners]. Vladikavkaz (in Russ.).

Dzutsev, Kh.V. and Smirnova, Ya.S., 1993. *Zhizn' osetinskoj sem'i. Etnosotsiologičeskij aspekt* [Life of Ossetian family. Ethno-sociological view]. Vladikavkaz (in Russ.).

Gazdanova, V.S., 2007. House on Kabinetskaya, 7. Memoirs of O.V. Abatsieva-Salkazanova. In: *Zolotoi dozhd'. Issledovaniya po traditsionnoj kul'ture osetin* [Golden rain. Studies in the traditional culture of the Ossetians]. Vladikavkaz (in Russ.).

Genep, A., 1999. *Obryady perekhoda. Sistematičeskoe izučenie obryadov* [Rites of passage. Systematic study of rituals]. Moscow (in Russ.).

Lingvističeskii entsiklopedičeskii slovar' [Encyclopedic dictionary of Linguistics], 1990. Moscow (in Russ.).

Pajitnov, E., 2015. *Pis'ma materi* [Letters to the mother]. Available at: <https://proza.ru/2015/12/27/1156> [Accessed 10 December 2022] (in Russ.).

Propp, V. Ya., 1999. *Problemy komizma i smekha. Ritual'nyi smekh v fol'klоре (po povodu skazki o Nesmeyane)* [Problems of comedy and laughter. Ritual laughter in folklore (about the tale of Nesmeyan)]. Moscow (in Russ.).

Salbiev, T.K., 2019. The sacredness of the ossetian fire-place chain (the origins and semantics of the cult). *Vestnik of Vladikavkaz Scientific Centre*, 19 (4), pp. 23–29, <https://doi.org/10.23671/VNC.2019.4.43316> (in Russ.).

Tmenova, Dz. G., 2000. *Osetinskie narodnye zagadki* [Ossetian folk riddles]. Vladikavkaz (in Russ.).

The author

Dr Tamerlan K. Salbiev, Associate Professor, Acting Head of the Department “Centre for Scythian-Alanian Studies”, Vladikavkaz Scientific Centre, the Russian Academy of Sciences; Vladikavkaz, North Ossetia-Alania.

E-mail: galabu054@gmail.com

To cite this article:

Salbiev, T.K., 2023, The language of muteness: examining the work of Gazdanov and Salkazanova in Paris, *Slovo.ru: Baltic accent*, Vol. 14, no. 3, pp. 100–111. doi: 10.5922/2225-5346-2023-3-7.

ЧТО ТАКОЕ «РЕДКИЙ» ЯЗЫК В ПЕРЕВОДЕ? ОПЫТ ДИСТАНЦИОННОГО ЧТЕНИЯ

С. Ю. Бочавер, Е. В. Терешко

Институт языкознания РАН
Россия, 125009, Москва, Большой Кисловский пер., 1 стр. 1
Поступила в редакцию 26.12.2022 г.
Принята к публикации 09.02.2023 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2023-3-8

В статье рассматривается вопрос о восприятии «редких» и «распространенных» языков через литературные переводы. Исследование проводится на материале издательства De Bezige Vij в Нидерландах, сравниваются периоды 2010–2013 и 2020–2023 годов. Значительный рост роли переводчиков отражается в повышении доли переводов в издательстве. Отмечается увеличение числа языков-источников для перевода, уменьшение доли английского языка. Появились переводы с французского, итальянского, немецкого, португальского и японского, скандинавских языков. Сравнение с российским издательством Polyandria в 2020–2023 годах позволяет выявить общие и различные языки-источники. Оба издательства переводят на датский, финский и французский языки примерно одинаковый объем литературы. Российское издательство больше представляет норвежский и японский, в то время как нидерландское выпускает больше переводов с немецкого, шведского, турецкого и итальянского; в опыте первого также есть переводы с исландского, албанского, корейского и хорватского языков, а в опыте второго – с иврита, румынского и португальского. В практике обоих издательств представлено всего 20 языков-источников – небольшое число, если учитывать мировое многообразие языков. Сравнение объемов языков-источников также показывает различия в предпочтениях. В Нидерландах выбираются языки центральной Европы, а в России – норвежский и исландский. Эти различия могут быть обусловлены стоимостью прав на произведения, предпочтениями редакторов и доступностью переводчиков. Результаты анализа указывают на то, что ни типологическое сходство языка-источника и языка-перевода, ни соотношенность с определенной группой языков не оказывают влияния на предпочтение перевода книг с данного языка, что подчеркивает важность социокультурных факторов.

Ключевые слова: перевод, язык-источник, неперевод, дистанционное чтение

Миллионы голосов, звучащих в книгах, ведут долгий и удивительный рассказ о нашей культуре и истории. Но не все рассказы представлены на книжных полках. И иногда тишина отсутствующих голосов может заглушить все остальное.

(Aiden, Michel, 2013, p. 117)

Введение

Языкам нередко дают определения. Чаще всего в быту мы слышим рассуждения о красивых языках, некоторые языки называют простыми или сложными. Чуть реже мы говорим о распространенных, редких

или даже экзотических языках. Подобного рода эпитеты могут быть совершенно ненаучными и необоснованными с точки зрения лингвистики, но тем не менее они отражают некоторые свойства и черты, которыми некая культурная система наделяет чужой язык, а, возможно, и связанную с ним культурную систему.

В нашей статье мы попробуем задать вопрос, что говорят литературные переводы о «редких» и «распространенных» языках, какие языки оказываются языками «неперевода» и существует ли какая-то связь между действительной численностью говорящих на языке и восприятием этого языка как «редкого» в переводе. Деятельность переводчиков и составителей поэтических антологий, редакторов и ответственных за книжные серии, отражает то, как с точки зрения той культурной системы, на язык которой происходит перевод, воспринимаются другие языки и культуры.

Метод и материал

Ответить на эти вопросы может помочь подход дистанционного чтения, избавляющий нас от предвзятости и искажений. Термин «дистанционное чтение» появился в начале XX века во многом благодаря публикациям Франко Моретти (2005). В его понимании дистанционное чтение — это способ представления данных о (литературных) текстах, при помощи которого выявляются общие тенденции, невидимые при традиционном чтении литературы. Метод дистанционного чтения предполагает компьютерную обработку текстов, позволяет выявлять определенные сходства и различия, как правило, репетитивного характера, предполагающие возможность визуального представления этих новых данных.

В настоящей работе нам хотелось бы опереться на значительные выборки переводной литературы, охватывающие XX век и текущий период XXI века, однако на данный момент мы столкнулись со сложностями в сборе материала, затрудняющими осуществление этой амбициозной идеи. Вероятно, с такими же проблемами сталкивались и другие исследователи, поэтому, насколько нам известно, пока нет работ, применяющих методы дистанционного чтения и обработки больших данных по отношению к языкам перевода. Тем не менее большие данные и корпусы текстов уже используются в лингвистических исследованиях (Paganoni, 2019; Lutskiv et al., 2020), исследованиях литературы (Rebora et al., 2021) и перевода (Цзинь, 2019).

Ниже будут впервые представлены данные о переводах прозаических художественных произведений в Нидерландах и России. Выбор этих двух стран и принимающих языков обусловлен как личным интересом авторов, так и относительной доступностью информации о переводчиках и языках перевода в современных нидерландских и российских издательствах. Однако, несомненно, следует проделать аналогичную работу для английского и испанского, а затем и для других языков, а также расширить выборку как во времени, так и в плане источников данных о переводах. Основной целью такого проекта могло бы стать создание локальных и мировой базы данных о языках перевода.

В статье представлена база данных, которую мы рассматриваем как первый шаг систематизации данных о языках перевода в Нидерландах и России. Несмотря на то что каждая публикация содержит метаданные о книге (название, имя автора и, если применимо, имя переводчика и язык, с которого выполнен перевод), эти данные не представлены в унифицированном формате, а также иногда представлены неполно. Так, мы столкнулись с тем, что в библиотеках (например, в самой большой библиотеке Нидерландов — *Koninklijke Bibliotheek van Nederland*) в каталоге часто отсутствует информация о языке, с которого выполнен перевод, а указан только язык перевода, что затрудняет поиск нужной нам информации. Безусловно, данные о переводе содержатся в бумажной и электронной версии книги, однако, чтобы собрать их, нам надо было бы открыть каждую книгу, напечатанную за несколько лет или даже десятков лет. Таким образом мы не могли бы обобщить достаточно большой объем данных либо это заняло бы очень много времени. Кроме того, электронные базы данных разных библиотек имеют свою внутреннюю логику, которая чаще всего не соответствует логике организации метаданных в других библиотеках. Поэтому при создании алгоритма сбора данных в одной электронной библиотеке, мы не могли бы применить его в других.

Для создания нашей базы и тестирования гипотезы о том, что тенденции в переводе с определенных языков меняются со временем, мы обратились к данным издательств. В частности, одно из самых крупных и известных издательств художественной литературы в Нидерландах *De Bezige Bij* предоставляет данные о переводчиках на своем сайте. Мы просмотрели 1056 изданий за два периода — 432 книги, выпущенные в период с 2020 по 2023 год, и еще 624 книги, выпущенные этим же издательством на десять лет раньше — с 2010 по 2013 год. Это позволяет сравнить тенденции внутри одного издательства, что может дать определенное представление о процессах, которое затем нужно будет проверить на большем объеме данных. Однако уже количество книг отражает культурные и социальные процессы: в 2020–2023 годах в мире бушевала эпидемия коронавируса, которая приостановила работу многих издательств и других предприятий. Скорее всего поэтому объем выпущенной продукции издательства за этот период сократился примерно на треть по сравнению с десятью годами ранее. Однако гораздо интереснее посмотреть, как изменились языки переводной литературы и их соотношение.

При отборе материала исследования мы не хотели ограничиваться только темпоральными сдвигами, поэтому собрали данные и российского издательства *Polyandria* за 2019–2023 годы, то есть период, за который у нас есть информация о переводах нидерландского издательства. Это позволяет нам сравнить переводческую практику двух издательств в разных странах в синхронии. Издательство *Polyandria* в России начало свою деятельность в 2000-е годы с распространения детской и подростковой литературы, однако примерно с 2019 года у них появилась серия *NoAge*, нацеленная на взрослых читателей. В этой серии публикуются в основном переводные произведения (из 99 книг, опубликованных за рассматриваемый период, только одна была изначально написана на русском языке), однако их объем в среднем сопоставим с объемом пере-

водной литературы в нидерландском издательстве (за 2020–2023 гг. в *De Bezige Bij* вышло 144 переводные книги, а за 2010–2013 годы – 61 произведение, переведенное на нидерландский язык). Несмотря на некоторую разницу в размерах издательств, мы считаем, что данные о переводных произведениях могут наметить тенденции в выборе произведений для перевода и языков-источников.

Необходимо сделать еще одно замечание о нашей работе при сборе информации о переводах книг: на сайте издательств в информации о книгах, выпущенных в 2020–2023 годах, указывается только имя переводчика, но не язык, с которого был выполнен перевод. Заметим, что именно сведения об области деятельности переводчика, а не об авторе произведения часто помогают определить, с какого языка был выполнен перевод. Так, например, современная армянская писательница Наринэ Абгарян пишет на русском языке, и именно с этого языка выполнены переводы ее книг на английский и итальянский языки – благодаря тому, что переводчиков с русского языка на европейские, вероятно, больше, чем с армянского на европейские. Поэтому после того, как были собраны данные о публикациях, мы проанализировали информацию о языках, с которыми работает переводчик, оригинальный язык, на котором написано произведение и другие его переводы, например на английский язык, отметив для каждого произведения язык, с которого был выполнен перевод. Полученные данные позволяют судить об изменениях, произошедших в распределении языков-источников, а также о том, как исторические события и политика влияют на переводческую практику, формируя официально или неформально заказ для переводчиков.

В данной статье мы будем сравнивать количественные показатели переводной литературы в Нидерландах за два периода с разницей в десять лет, а также в современных Нидерландах и России за последние три года.

Сравнение периодов 2010–2013 годов и 2020–2023 годов в Нидерландах

Деятельность издательств, несомненно, связана с социальными и культурными тенденциями в стране, где расположено издательство, и в мире. Так, за последние пять лет имя переводчика гораздо чаще стало появляться на обложках книг, а не только на странице с метаданными внутри книги. Однако такие изменения отражают внутреннюю тенденцию, в то время как деятельность издательств подвержена и влиянию внешних факторов, таких как эпидемия коронавируса, приостановившая деятельность издательств, что отражается в объеме выпущенной продукции: за 2020–2023 годы было выпущено примерно на треть меньше книг, чем за 2010–2013 годы. Значит ли это, что и переводной литературы стало меньше? Цифры говорят об обратном: если в 2010–2013 годах в нидерландском издательстве переводная литература составляла около 10 % от всех публикаций, то к 2020–2023 годам этот процент вырос до 33 %, то есть сейчас примерно треть книг, выпускающихся в издательстве *De Bezige Bij* – это переводы с других языков (рис. 1).

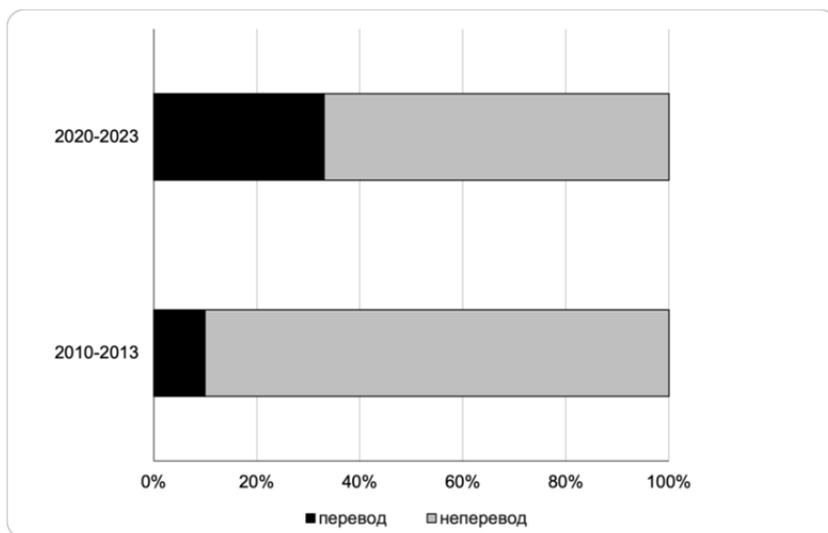

Рис. 1. Переводная литература в Нидерландах в 2010—2013 и 2020—2023 годах. Черным цветом обозначен процент переводной литературы относительно всего объема выпущенных книг за два рассматриваемых периода в нидерландском издательстве *De Bezige Bij*

На основе этих данных мы можем утверждать, что переводной литературы в Нидерландах становится больше, несмотря на социальную турбулентность последних лет. Однако значит ли это, что переводная литература представлена более разнообразно или переводы продолжают выполняться с языков, которые традиционно присутствовали на книжном рынке страны? Чтобы ответить на эти вопросы мы обратились к собранной нами базе данных (рис. 2 и 3).

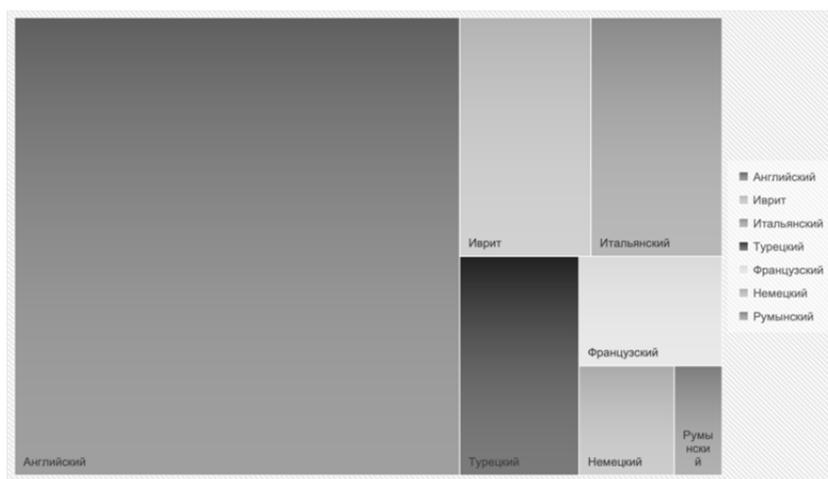

Рис. 2. Языки перевода в нидерландском издательстве *De Bezige Bij* за 2010—2013 годы

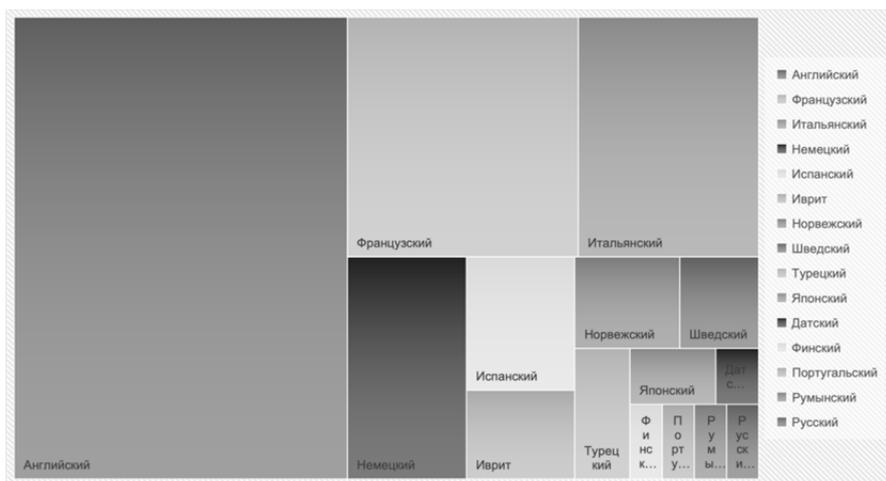

Рис. 3. Языки перевода в нидерландском издательстве *De Bezige Bij* за период 2020–2023 годы

Из наших подсчетов и приведенных графиков следует, что за десять лет количество языков, с которых литературу переводят на нидерландский язык, увеличилось вдвое, при этом доля английского языка, занимавшего в 2010–2013 годах больше 60 % всех переводов, снизилась до 45 %: английский остается самым переводимым языком в Нидерландах, однако теперь переводы с английского составляют меньше половины всех литературных переводов в *De Bezige Bij*. Освободившееся место заняли переводы с французского, итальянского и немецкого языков, с которых и десять лет назад переводили достаточно много книг. Тем не менее помимо тех языков, с которых активно переводили десять лет назад (а среди них были и турецкий, румынский и иврит), добавились скандинавские языки — норвежский, шведский, датский, а также такие языки, как португальский и японский. Таким образом, за десять лет в два раза больше языков-источников представляют мировую литературу в Нидерландах.

Значит ли это, что переводчиков также стало больше? Безусловно: если в 2010–2013 годах с издательством *De Bezige Bij* сотрудничал 41 переводчик, то за 2020–2023 годы — уже 92 человека, многие из которых являются специалистами узкого профиля, работая с редкими языками, например с японским или норвежским. Такие языки мы называем «редкими», так как переводы с этих языков занимают лишь около 1 % от всех переводных произведений издательства.

Обращает на себя внимание также тот факт, что переводы с итальянского языка были представлены хорошо как в 2010–2013, так и в 2020–2023 годах (10 % и 12 % соответственно), в то время как переводы с испанского, более распространенного в мире, чем итальянский, появляются в издательстве лишь в последнее время: это переводы четырех авторов, один из которых — Хорхе Луис Борхес (Аргентина), а еще три — современные писатели Андрес Барба (Испания), Мариана Энрикес

(Аргентина) и Камила Соса Вильяда (Аргентина), при этом во всех случаях — один переводчик. Итальянская литература представлена десятью авторами, переводы которых выполнены одиннадцатью переводчиками. Часто итальянские авторы переведены на нидерландский язык не один раз.

Такая диспропорция переводов с итальянского и испанского языков относительно распространенности этих языков в мире может объясняться несколькими факторами или их совокупностью: личными предпочтениями издателя, контактами переводчиков и издателя, популярностью определенных авторов на мировых художественных выставках и т.д. Чтобы выявить эти факторы, необходимо исследовать языки перевода на большем массиве данных. Вероятно, однако, что перечисленные факторы играют большую роль, чем типологическое сходство или принадлежность к одной языковой группе.

Еще одно интересное наблюдение касается английского языка, с которого до сих пор переводят больше всего. Английский не всегда является родным языком автора. Так, в 2023 году на нидерландском языке выйдет книга в прозе «Ожидание моего ареста в ночи» уйгурского поэта Тахира Хамута Изгила, воспитанного в билингвальной среде на уйгурском и севернокитайском (мандарин), пишущего на уйгурском языке. Его поэзию переводят на китайский, английский, французский, японский, турецкий, шведский и другие языки. С 2017 года Изгил живет в США. Переводчик его книги с английского не знает ни уйгурский, ни китайский язык. Это заставляет нас предположить, что книга либо написана на английском, не являющемся родным для автора, но предоставляющем большие возможности для перевода, либо переведена сначала на английский, а затем на нидерландский, в случае чего английский служил языком-посредником. Чтобы отследить подобные нюансы, нам не просто нужно иметь больше данных о языках-источниках, но и знать как минимум временные рамки и условия выполнения переводов. В том числе благодаря тому, что неносители английского языка также могут публиковаться на нем, разрушая бинарное восприятие перевода (Азарова, Бочавер, 2019), по результатам нашей выборки, английский все еще лидирует как самый популярный язык перевода в Нидерландах. Так было и десять лет назад, когда в Нидерландах было издано собрание сочинений Набокова, переведенного на нидерландский через английский, причем использовались как авторские тексты на английском, так и переводы.

Популярность английского, однако, не связана с его отнесенностью к группе германских языков, к которой относится и нидерландский, так как еще один язык этой группы — немецкий — занимает в иерархии переводов лишь четвертое место, уступая позиции языкам — представителям романской группы — французскому и итальянскому.

Итак, анализ переводов литературы в Нидерландах за два периода с промежутком в десять лет показал, что количество выпускающихся переводных произведений выросло в три раза, а количество языков-источников и переводчиков удвоилось. При этом английский все еще остается наиболее популярным языком, переводы с которого представ-

лены на нидерландском языке. Кроме того, типологическое сходство и принадлежность к одной языковой группе, согласно нашей выборке, не влияет на популярность языка-источника.

Сравнение переводной литературы Нидерландов и России в 2020 – 2023 годах

Чтобы получить как можно более объективную картину переводов художественной литературы современного среза, мы сравнили переводные публикации нидерландского и русского издательств (рис. 4).

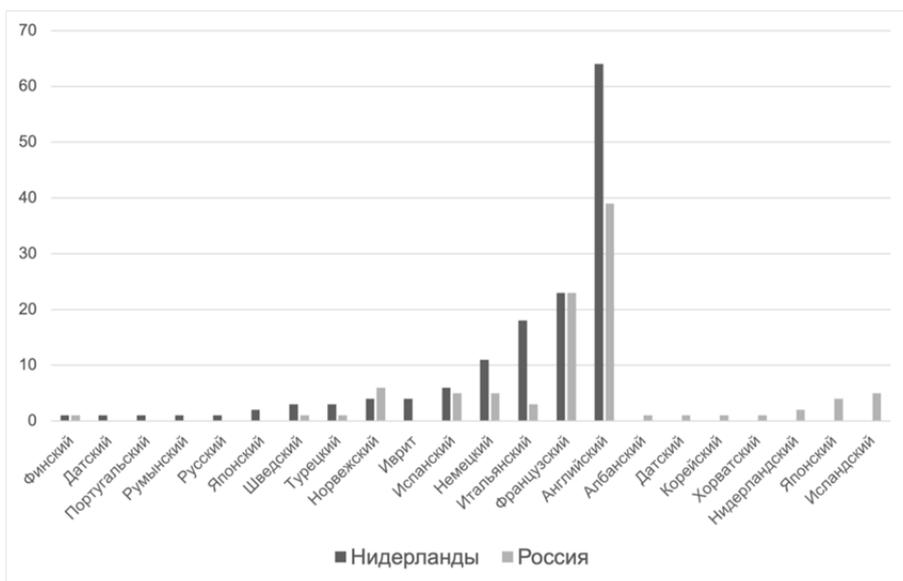

Рис. 4. Соотношение языков-источников в переводных публикациях издательств *De Bezige Bij* (Нидерланды) и *Polyandria* (Россия)

Сравнение переводов двух издательств позволяет нам выявить те языки, с которых примерно в равных объемах переводят как в России, так и в Нидерландах: датский, финский и французский. В российском издательстве больше представлены переводы с норвежского и японского, тогда как в нидерландском издательстве выходит больше переводов с немецкого, шведского, турецкого и итальянского. При этом в российском издательстве помимо упомянутых языков есть переводы с исландского, албанского, корейского и хорватского, а в нидерландском — с иврита, румынского и португальского. Всего в двух издательствах наблюдается 20 языков-источников, что в сравнении с количеством языков в мире крайне мало. Однако такое сравнение позволяет нам выявить приблизительное ядро языков-источников (германские языки: английский, немецкий; романские языки — французский, испанский, итальянский; скандинавские языки — норвежский, датский, шведский; языки других групп — японский, финский и турецкий). Сравнение этого

ядра языков-источников с языками, с которых переводят на английский и испанский языки, могло бы привести к интересным выводам относительно культурного трансфера.

Интересным представляется и сравнение объемов языков-источников в переводной литературе Нидерландов и России. Рассмотрим два графика (рис. 3 и рис. 5).

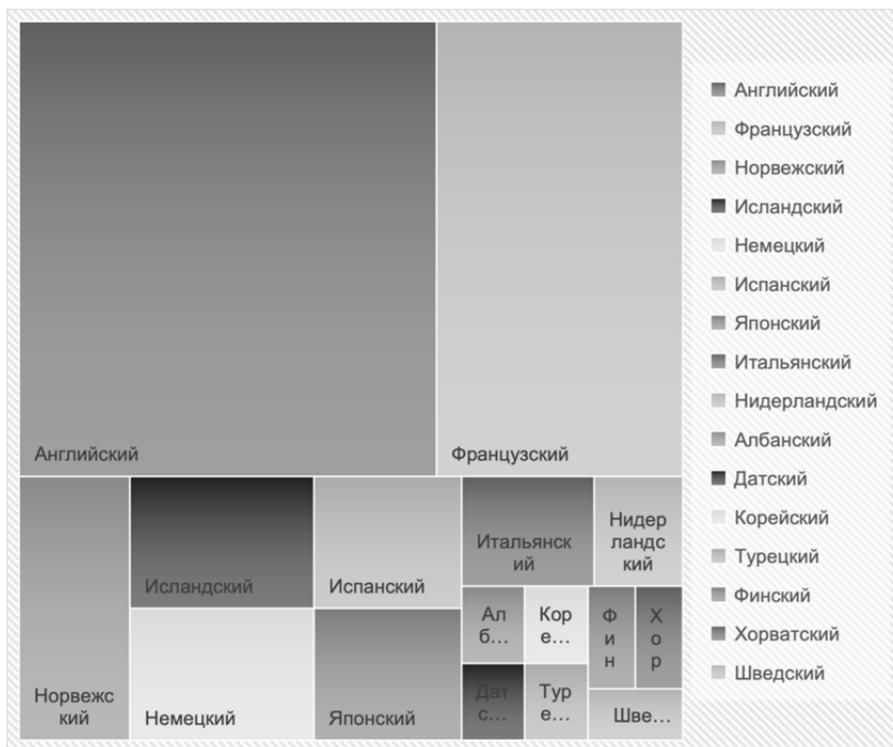

Рис. 5. Объем языков-источников в публикациях издательства Polyandria за 2019 – 2023 годы

Если сравнить объемы языков источников в нидерландском и российском издательствах за один период, окажется, что два самых популярных языка перевода в обоих случаях — это английский и французский. Различия же наблюдаются в выборе менее представленных языков: тогда как в Нидерландах лидируют прежде всего европейские языки, в России сразу после французского идет норвежский, за которым следует исландский. Можно предположить, что на это могут влиять следующие факторы: стоимость прав на художественное произведение, личные предпочтения выпускающих редакторов, возможность найти переводчика с того или иного языка, желание выгодно выделиться на книжном рынке и много других. Мы надеемся проверить наши предположения на большей выборке в будущем.

Несмотря на то, что и в России, и в Нидерландах переводная литература публикуется достаточно активно, все же те языки-источники,

которые представлены в нашей выборке — это ничтожно малая часть мирового разнообразия языков. Если отобразить данные по переводной литературе в двух издательствах, то на карте мира останется множество «белых пятен» (рис. 6 и 7). Эти пробелы могут служить вектором для расширения области переводов в художественной литературе.

Рис. 6. Страны языков — источников переводной литературы в Нидерландах

Рис. 7. Страны языков — источников переводной литературы в России

Выводы

Рассмотрев данные переводов двух издательств, можно говорить о стабильном предпочтении, отдаваемом текстам на английском языке. Другими достаточно популярными языками для перевода являются языки романской группы, в современном срезе это прежде всего французский. Среди оставшихся можно выделить группу редких языков, переводы с которых составляют менее 1–2 % от всех переводных произведений. Это, например, японский, албанский, хорватский и др. Полу-

ченные выводы, однако, должны быть сопоставлены с данными большей по объему выборки в будущем. Можно предположить, что «белые пятна» на картах переводов могут менять свои очертания в зависимости от периода и социально-культурных сдвигов. Ярким и наглядным примером является история переводов с китайского в СССР. Легко заметить, что в серии «Библиотека всемирной литературы» нет тома, посвященного китайской поэзии, но в то же время есть «Поэзия Африки». Очевидно, что причины такой композиции серии сугубо «экстралингвистические»: во второй половине 1960-х годов отношения СССР и Китая находились в кризисе, а со многими африканскими странами строились и укреплялись. Это и подобные наблюдения можно было бы подкрепить количественными данными.

Исходя из нашего исследования, можно утверждать, что типологическое сходство или принадлежность к одной языковой группе не влияет на количество переводов и популярность того или иного языка. Также не выявлено предпочтений близкородственных языков иным: английский ближе к нидерландскому, чем к русскому, но объемы переводов с этого языка в современном срезе сопоставимы.

Данное исследование – первый шаг к созданию более полной базы переводов, анализ которой позволит выявить более глобальные тенденции и принципы трансфера культур.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00429) в Институте языкознания РАН.

Список литературы

Азарова Н., Бочавер С. От трудностей к легкости перевода. О современной философии перевода и переводного текста // Новый мир. 2019. №. 10. С. 138–143.

Цзинь, И. Корпуса межъязыковых больших данных и перевод // Вестник Московского университета. Сер. 22: Теория перевода. 2019. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/korpusa-mezhyazykovyh-bolshih-dannyh-i-perevod> (дата обращения: 20.03.2023).

Aiden E., Michel J.-B. Uncharted: Big Data as a Lens on Human Culture. N. Y., 2013.

Lutskiv A., Popovych N. Big data-based approach to automated linguistic analysis effectiveness // 2020 IEEE Third International Conference on Data Stream Mining & Processing (DSMP). IEEE, 2020. P. 438–443.

Moretti F. Graphs, Maps, Trees: Abstract Models for a Literary History. L. ; N. Y., 2005.

Paganoni M. C. Framing big data: a linguistic and discursive approach. Springer International Publishing, 2019.

Rebora S. et al. Digital humanities and digital social reading // Digital Scholarship in the Humanities. 2021. T. 36, Supplement 2. P. ii230-ii250.

Об авторах

Светлана Юрьевна Бочавер, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела теоретической лингвистики, Институт языкознания РАН, Россия.

E-mail: svetlana.bochaver@gmail.com

ORCID: 0000-0002-4399-5429

Екатерина Владимировна Терешко, кандидат филологических наук, младший научный сотрудник сектора германских языков, Институт языкознания РАН, Москва, Россия.

Email: tereshko@iling-ran.ru

ORCID: 0000-0003-1916-1851

Для цитирования:

Бочавер С. Ю., Терешко Е. В. Что такое «редкий» язык в переводе? Опыт дистанционного чтения // Слово.ру: балтийский акцент. 2023. Т. 14, №3. С. 112–124. doi: 10.5922/2225-5346-2023-3-8.

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

WHAT IS A 'RARE' LANGUAGE IN TRANSLATION? THE EXPERIENCE OF DISTANCE READING

S. Yu. Bochaver, E. V. Tereshko

Institute of Linguistics of Russian Academy of Sciences,
1 str. 1, Bol'shoy Kislovsky per., Moscow, 125009, Russia

Submitted on December 26, 2022

Accepted on February 09, 2023

doi: 10.5922/2225-5346-2023-3-8

This article examines the perception of 'rare' and 'common' languages through literary translations. The study is based on the materials from De Bezige Bij Publishing House in the Netherlands, comparing the periods of 2010 – 2013 and 2020 – 2023. A significant increase in the role of translators is reflected in the rise of translation share in the publishing house. There is an observed growth in the number of source languages for translation, with a decrease in the proportion of English. Translations from French, Italian, German, Scandinavian languages, Portuguese, and Japanese have emerged. A comparison with the Polyandria Russian Publishing House during the period of 2020 – 2023 reveals common and distinct source languages. Both publishers translate literature into Danish, Finnish, and French to a similar extent. The Russian publishing house represents Norwegian and Japanese to a greater extent, while the Dutch publishing house releases more translations from German, Swedish, Turkish, and Italian. The Russian publisher also includes Icelandic, Albanian, Korean, and Croatian, while the Dutch publisher includes Hebrew, Romanian, and Portuguese. Both publishers encompass a total of 20 source languages, which is a small number compared to the global linguistic diversity. Comparing the volumes of source languages also indicates differences in preferences. Central European languages are chosen in the Netherlands, while Norwegian and Icelandic are favored in Russia. These differences may be influenced by the cost of rights to works, editorial preferences, and translator availability. The analysis results indicate that neither typological similarity between the source language and the target language, nor association with a specific language group, influences the preference for translating books from a particular language. This highlights the importance of sociocultural factors.

Keywords: translation, source language, untranslated, distance reading

The present study was carried out at the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences with the financial support of the Russian Science Foundation, project no. 19-18-00429.

References

Aiden, E. and Michel, J.-B., 2013. *Uncharted: Big Data as a Lens on Human Culture*. New York: Riverhead Books, 288 p.

Azarova, N.M. and Bochaver, S. Yu., 2019. From hardship to ease translation. On modern philosophy of translation and target text. *Novyi mir* [New world], 10, pp. 138— (in Russ.).

Jin Yi., 2019. Corpora of interlingual big data and translation. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 22: Teoriya perevoda* [Moscow University Translation Studies Bulletin. Series 22: Translation Theory], 1, pp. 3—14 (in Russ.).

Lutskiv, A. and Popovych, N., 2020. Big data-based approach to automated linguistic analysis effectiveness. In: *2020 IEEE Third International Conference on Data Stream Mining & Processing (DSMP)*. IEEE, pp. 438—443, <https://doi.org/10.1109/DSMP47368.2020.9204057>.

Moretti, F., 2005. *Graphs, Maps, Trees: Abstract Models for a Literary History*. London; New York.

Paganoni, M.C., 2019. *Framing big data: a linguistic and discursive approach*. Springer.

Rebora, S. et al., 2021. Digital humanities and digital social reading. *Digital Scholarship in the Humanities*, 36 (Supplement 2), pp. ii230-ii250, <https://doi.org/10.1093/llc/fqab020>.

The authors

Dr Svetlana Yu. Bochaver, Senior Researcher, the Department of Theoretical Linguistics, the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

E-mail: svetlana.bochaver@gmail.com

ORCID: 0000-0002-4399-5429

Dr Ekaterina V. Tereshko, Junior Researcher, Germanic Languages Sector, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Email: tereshko@iling-ran.ru

ORCID: 0000-0003-1916-1851

To cite this article:

Bochaver, S. Yu., Tereshko, E. V., 2023, What is a 'rare' language in translation? The experience of distance reading, *Slovo.ru: Baltic accent*, Vol. 14, no. 3, pp. 112—124. doi: 10.5922/2225-5346-2023-3-8.

ПРИГЛАШЕНИЕ К ДИСКУССИИ: СЕМИОТИКА VS ЛИНГВИСТИКА

УДК 81-13

КОНКРЕТНО: СИНТАКТИКА БЕЗ СЕМИОТИКИ?

А. В. Циммерлинг

Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина
Россия, 117485, Москва, ул. Академика Волгина, 6
Институт языкознания РАН
Россия, 125009, Москва, Большой Кисловский пер., 1, стр. 1
Поступила в редакцию 26.12.2022 г.
Принята к публикации 09.02.2023 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2023-3-9

В статье обсуждается соотношение формально-грамматических и семиотических объяснений на примере казуса с обнаружением древнерусской частицы ТИ₁, 'действительно', 'конкретно', 'реально'. Семиотика и лингвистика могут пониматься как разнонаправленные программы исследования: первая изучает общие свойства знаковых систем, а вторая – специфику механизмов естественного языка. Формальные модели грамматики предсказывают позиции классов элементов и отвлекаются от знаковых свойств единиц языка. Словарные описания дают инструкции по употреблению конкретных единиц, что требует выделения лексикографического концепта. Анализ служебных слов допускает оба подхода. А. А. Зализняк с помощью грамматики рангов установил, что частица ТИ₁ была частью древнерусского словаря, но не определил тип ее значения, что не позволило предсказать ее употребления в условном наклонении. Эти употребления доказывают, что ТИ₁ – не маркер наклонения, а показатель верификации, который может относиться как к действительному, так и к возможному миру. Грамматикализация частиц не отменяет необходимости трактовать их как знаки, если целью описания является выявление комбинаторики служебного слова.

Ключевые слова: естественный язык, лингвистика, семиотика, грамматика, словарь, древнерусский язык, служебные слова, частицы, верификация

0. Теория языка и семиотика

Целью статьи является оценка соотношения моделей естественного языка с объяснениями, использующими представление о том, что некоторые элементы языка являются двусторонними единицами (знаками¹). Большинство профессионалов имеет устраивающий их вариант ответа, но их ответы не совпадают. В 1920-е годы многие теоретики сводили все

© Циммерлинг А. В., 2023

¹ Понимание знака как односторонней сущности (Morris, 1971) и основанные на нем концепции семиотики, которые один из рецензентов называет 'унилатеральными', в статье не обсуждаются.

явления языка к отношениям между знаками и классами знаков (Karcevskij, 1929). К 1950–1970-м годам модели, опирающиеся на формальные свойства правильно построенных структур, окончательно стали частью аппарата лингвистики. Отказ от них сопряжен с отказом от анализа синтаксической (Chomsky, 1957) и логико-семантической структуры (Montague, 1974). Р.О. Якобсон пытался доказать обратное на том основании, что примеры правильно построенных структур, состоящих из бессмысленных слов (ср.: *Pirots carulize elatically*), или семантически аномальных сочетаний (ср.: *Colorless green ideas sleep furiously* (Н. Хомский)), будучи произнесены или записаны, получают естественно-языковую интерпретацию, где значение фиктивных слов вроде *pirots, carulize, elatically* или сочетаний типа *colorless green ideas* восстанавливается относительно стереотипным образом (Jakobson, 1959; Якобсон, 1985, с. 237). Но этот аргумент связан с подменой предмета дискуссии. Вместо структур *языка*, соответствующих формальной грамматике (Chomsky, 1957), Якобсон предпочитает обсуждать актуализованный *текст*. Пафос его статьи – в универсальности понятий означающего и означаемого: семиотический подход применим к грамматике любого языка, поскольку он подходит к любым актам передачи информации. Грань между семиотикой и лингвистикой зависит от соглашений. Если принять, что семиотика есть экстраполяция любых моделей языкового кода на другие типы сообщений (Ревзин, 1971), можно признать семиотическими и те работы, где язык и музыка объявляются объектами одного плана на том основании, что в них предположительно реализуются те же самые принципы² синтаксиса (Katz, Pesetsky, 2011; Zeijlstra, 2020). При еще более широком понимании семиотика приравнивается к теории систем (ср.: «Семиотика – наука о знаковых системах в природе и обществе. Она близка к кибернетике, которая исследует процессы связи и управления в живом организме, природе и обществе... Кибернетика изучает процессы, семиотика – системы, в которых и на основе которых реализуются процессы» (Степанов, 1998, с. 19)).

В настоящей статье семиотика вслед за (Лотман, 1964) понимается как программа описания всех или большинства *знаковых систем* как вторичных по отношению к естественному языку. Вопрос о том, является ли семиотика научной дисциплиной, не обсуждается. Лингвистика понимается далее как программа исследования, обосновывающая *специфику естественного языка*. Это позволяет представить лингвистику и семиотику в качестве разнонаправленных программ. В разделе 1 уточняется содержание понятий 'лингвистика', 'естественный язык' и об-

² Слово 'принцип' здесь используется в техническом смысле. В лингвистике принято различать *правила построения выражений и ограничительные условия* (= *принципы*), накладываемые на порождение неправильных выражений. В ранних работах Н. Хомского (Chomsky, 1957; 1965), структурализме (Зализняк, 1967) и функционализме (Плунгян, 1994) используются правила построения. В Минималистской Программе (Chomsky, 1999), на которую ориентируются Дж. Катц и Д. Песецкий, правил построения нет: тезис об изоморфизме языка и музыки сводится к утверждению о тождестве условий, соблюдаемых в естественном языке и тональной музыке.

суждается корреляция между формой и значением, устанавливаемая грамматикой рангов. Эта модель задает линейное упорядочение смежных элементов одного и того же синтаксического уровня и присваивает им категориальные пометы. Ее применение позволило А. А. Зализняку в 1993 году выделить новую единицу древнерусского словаря — дискурсивную частицу ТИ₁. А. А. Зализняк пытался установить ее комбинаторику на основе гипотезы о том, что ТИ₁ — показатель 'усиленной индикативности' (Зализняк, 1993, с. 298—308). В разделах 2 и 3 доказывается, что такого значения нет и что предсказать синтактику словесного знака, не выделив словарного концепта, нельзя. Казус с открытием частицы ТИ₁ подтверждает, что грамматические и словарно-ориентированные описания противоположены. Первые моделируют ограничения, распространяющиеся на *классы единиц* (в данном случае — класс древнерусских энклитик, куда входит ТИ₁), а вторые дают носителю языка инструкцию, как правильно употреблять *конкретную единицу*.

1. Естественный язык и лингвистика

1.1. Язык и текст

Естественный язык, то есть средство общения людей между собой, обладает спецификой, достаточной для того, чтобы существовала дисциплина, посвященная его изучению³, — *лингвистика*. Естественные языки противопоставляются *формальным языкам*, то есть множествам высказываний (цепочек символов) над конечным алфавитом. Ядро естественного языка соответствует некоторому формальному языку (Montague, 1974), а одной из задач лингвистики является оценка того, продуктивно ли описание прочих высказываний на основе той же модели, при помощи которой выделено ядро. Наука о естественном языке возникла в начале XX века на почве размежевания с гуманитарными науками, прежде всего — с *филологией*, предметом которой является *текст* как фиксированная вербальная форма⁴. Чтобы получить сведения о языке мира, нужно изучить некоторое множество текстов⁵. Но все

³ А. Мартине видел специфику естественного языка в принципе двойного членения, по которому сегменты текста одновременно участвуют в иерархических структурах плана содержания и плана выражения (Martinet, 1960; Мартине, 1963, с. 376—381). Такой подход опирается на тезис об автономности плана выражения и произвольности языкового знака.

⁴ Еще одним дефиниционным признаком текста Г. О. Винокур и Ю. С. Степанов признают *адресованность* речевого произведения, то есть его коммуникативную направленность (Степанов, 1994, с. 29). Адресат текста определяется его жанром, но тексты, обладающие фиксированной формой, могут быть некоммуникативны. Так, старшие рунические надписи были изначально не предназначены для прочтения: правильное использование алфавита было важнее передачи информации другим людям (Смирницкая, 1994, с. 147—148).

⁵ Массивы текстов при наличии разметки могут быть представлены в виде подготовленных ресурсов — корпусов текста. Это сближает корпусную лингвистику с филологией (Мартине, 1963, с. 394), но корпус как объект исследования не тождествен отдельно взятому тексту в филологическом понимании.

же предметом лингвистики является не текст, а *механизмы* языка, например способы маркирования некоторого значения, ограничения на комбинации или линейные порядки элементов, внутренняя организация морфологических парадигм и синтаксических областей, и *единицы языка*, например, знаменательные и служебные слова, корни, аффиксы, фонемы и т. п. Задачей лингвиста, чем бы он ни занимался — категорией падежа, средствами выражения эвиденциальности, порядком слов, информационной структурой высказывания, речевыми актами угрозы, способом реализации фонемы языка *L*, — является отделение собственно языковых черт от неязыковых, в частности всего того, что связано с особенностями данного текста, данной конкретной речевой ситуации, речевым профилем конкретного информанта и т. п.

Феномен языка, то есть языковая способность или языковая деятельность, может быть предметом междисциплинарного интереса (см. п. 1.3). Отсюда не следует, будто признание языка естественным объектом зависит от принятия определенной философской концепции, как это представлено в (Кравченко, 2022, с. 11); это условие лингвистического анализа. Философия языка лежит за пределами науки о языке. Отдельные лингвисты рассуждают о «метафизике естественного языка» (Bach, 1986; Chao, Bach, 2012), но за этим сочетанием стоят специальные проблемы, связанные с соответствием логики времени (Vendler, 1967) и логики событий (Davidson, 1980) естественному языку, ср. (Galton, 2005; Циммерлинг, 2022a).

1.2. Филологическая и нефилологическая лингвистика

Представление о том, что лингвистика — собственная часть филологии, соответствует установкам ряда тех ученых XX века, которые считали комплексный интерес к языку и словесности благом. Такая установка обычно ограничивается группой памятников, освоение которых является условием вхождения в сообщество лиц, занимающихся соответствующими языками. В некоторых случаях речь может идти о попытке адаптировать лингвистический аппарат к анализу авторского текста Нового времени (Jakobson, 1973) или к жанрам текста, признаваемым архаическими (Heusler, 1969; Смирницкая, 1994). На могиле Р.О. Якобсона (1896–1982) написано: ‘russkij filolog’. Его наследие включает как труды по фонологии и грамматике (Jakobson, 1931; 1939; 1959; Якобсон, 1985), так и комментарии к произведениям Хлебникова и Гёльдерлина (Jakobson, 1973; Якобсон, 1987). Комментарии Якобсона к художественным текстам существенным образом используют лингвистические понятия (Якобсон, 1987, с. 93, 299, 353, 368), в то время как предложенные им модели фонемы и морфемы могут рассматриваться в отрыве от культурных интересов их автора.

Мягкая форма тезиса об автономности науки о языке сводится к констатации того, что в XX веке сложилось разделение на *филологическую* и *нефилологическую* лингвистику. К последней относятся все задачи — от реконструкции праязыков до построения лингвистического процесса, — для которых понимание текста как фиксированной вербальной

формы неактуально. Радикальная форма того же тезиса связана с отказом от рассмотрения в рамках лингвистики произвольных отрезков текста, не соответствующих замкнутым структурам. В таком случае так называемая *лингвистика текста* — завуалированная форма филологии, а все то, что связано с уникальными характеристиками единичной ситуации, эмоциями и культурными установками ее участников, не является предметом лингвистики как науки, ограниченной рассмотрением типовых черт структуры языка (Zimmerling, 2022). Для настоящей статьи неважно, принимается ли тезис об автономности лингвистики в мягкой или радикальной форме. Нет оснований считать, что математическая формализация зависит от свойств объекта, будь то язык, текст, корпус текстов или нечто другое⁶. Уместнее говорить об общей тенденции к жесткому определению стандарта исследования, по выражению И. А. Пильщикова, — «внутренней гигиене» наук (Пильщиков, 2022, с. 38, 42, 80, 90)⁷.

1.3. *l*-лингвистика

В XX—XXI веках получили широкое распространение области исследования, претендующие на междисциплинарный подход. Работающие в них ученые называют их психолингвистикой, биолингвистикой, юридической, политической, теологической лингвистикой и т. п.⁸ В общем виде такие дисциплины можно назвать *l*-лингвистикой, где *l* — область, предположительно пересекающаяся с естественным языком. Современная теоретическая лингвистика не является объединением *l*-лингвистик, так как объединение областей *l*-лингвистик не совпадает с естественным языком. Бремя доказывать обратное лежит на представителях *l*-лингвистики. Здесь и далее утверждения о том, что междисциплинарные исследования лучше или хуже работ, ограничивающихся рассмотрением механизмов языка, не делаются. Тезис автора состоит в том, что для прояснения роли семиотических и несемиотических объяснений в описании языка ограничительное понимание предмета лингвистики необходимо.

1.4. Единицы языка как знаки

Термин ‘семиотика’ понимают по-разному (ср.: Morris, 1971; Степанов, 1998, с. 19, 37—89; Tarasti, 2001). Примем, что семиотика как программа исследований экстраполирует принципы описания естественного языка на другие знаковые системы, которые понимаются как вто-

⁶ Законным предметом формализации является *логико-семантическая связность* (когерентность) *текста*. Ср.: (Глазков, 2022).

⁷ Поддерживая призыв изгонять *Geist* из *Geisteswissenschaften* (Austreibung... 1980; Пильщиков, 2022, с. 32), уточним, что для нас лингвистика не является *Geisteswissenschaft*.

⁸ Ни один из этих терминов не изобретен автором статьи. За каждым из них стоит немало публикаций, авторы которых идентифицируют себя как *l*-лингвисты того или иного вида.

ричные (Ревзин, 1971; Лотман, 1964). По приведенным определениям, семиотика не является лингвистикой и, возможно, не является /-лингвистикой. Специального разбора требуют области языка, где понятие знака как двусторонней сущности неустранимо. Одна из них — стык фонологии (фонематики) и морфологии (морфематики). *Морфема* является минимальным значимым элементом (двусторонней единицей) языка, *фонема* — минимальной смысловозначительной единицей, то есть инструментом различения морфем и слов, которые в частном случае могут состоять из единственной морфемы⁹. Чтобы выделить набор минимальных смысловозначительных единиц языка, необходимо сопоставить их с двусторонними единицами — словоформами и / или их минимальными значащими частями (морфемами), при этом планом выражения морфа, то есть линейного экспонента морфемы, является цепочка <экспонентов> фонем¹⁰ (Мельчук, 1974; Поливанова, Кейдан, 2023)¹¹. Призывы «строить морфологию без морфов» (Anderson, 1992) и «снять морфему с пьедестала» (Аркадьев, 2022) касаются построения морфологической теории, а не связи морфологии с другими уровнями языка¹². Другой областью, где понятие знака неустранимо, является словарное описание. Активное владение словарным концептом ограничивает синтактику единицы¹³, являясь инструкцией, как использовать знак (Апресян, 1996, с. 391), будь то слово с предметным (ср. рус. *деньги, милый, подкалывать*), или непредметным значением (ср. *около, благодаря, ли, же*). Слова с непредметным значением лингвоспецифичны. Эквивалентными способами выявить это являются проверка межъязыковых соответствий или анализ синтактики служебного / дискурсивного слова на фоне других средств выражения сходных значений. Базовые концепты, например значение аддитивности, выраженное сло-

⁹ В авторитетном учебнике для вузов, где слово *семиотика* не употребляется, термин *знак* используется только при введении понятия 'морфема' (Шайкевич, 2005, с. 76), а слово <как элемент словаря> называется *двусторонней лингвистической единицей* (Там же, с. 143), при этом автор учебника не говорит о наличии у слова единого лексикографического концепта.

¹⁰ В частном случае — из пустой цепочки (Jakobson, 1939).

¹¹ Обсуждение статуса фонем уведет в сторону от темы статьи. Различение смыслов является дефиниционной, но не единственной функцией фонемы, большинство теорий признает за фонемой также функции сегментации и делимитации. Допущение, что фонема — единица сегментации, обязательно для уровневых моделей языка и генеративных моделей, адаптировавших фонологию позднего Р.О. Якобсона.

¹² Можно объяснять значения комплексов морфем корреляцией с парадигмами слов, где реализуются категории грамматики, но трудно принять тезис о том, что фонемы различают смыслы, напрямую соотносенные с парадигмами, а не с сегментами, имеющими морфологическую структуру.

¹³ Термин 'синтактика' в лексикографии, по крайней мере в цитируемых работах Московской семиотической школы и в «Модели Смысл ⇔ Текст», употребляется исключительно по отношению к двусторонним единицам (лексемам и идиомам), у которых есть сигнификат. Такое употребление отходит от смысла, который У. Пирс и Ч. У. Моррис изначально вкладывали в термин 'синтактика'.

вом конкретного языка, не являются исключением. Так, чтобы установить специфику осет. *амæ* ' & ', нужно либо сопоставить эту единицу с рус. *и*, нем. *und*, лат. *-que* и т. п., либо сравнить ее с другими показателями аддитивности в том же языке (ср.: Беляев, Хомченкова, 2022). Второй способ применяется ниже к древнерусской частице *ТИ₁*, которая в разделе 3 сравнивается с другими показателями верификации в древнерусском языке.

1.5. Служебные слова: семиотика против типологии

В русистике популярна высказанная В. В. Виноградовым точка зрения о том, что лексическое значение есть только у *знаменательных* слов (content words), в то время как *служебные* слова (functional words) не являются элементами словаря и непосредственно кодируют те или иные грамматические отношения или категории (Виноградов, 1972, с. 520). В типологии можно найти сходные мнения: так, М. Хаспельмат утверждает, что статус слов есть лишь у элементов, выражающих представления о предмете, признаке или процессе, а предлоги, союзы, частицы и связки не являются словами (Haspelmath, 2022). За тезисами В. В. Виноградова и М. Хаспельмата стоит идея о том, что служебные слова не являются знаками либо от их знаковых свойств можно отвлечься. В семиотической программе все морфологические выражения трактуются как знаки (Martinet, 1960; Мартине, 1963, с. 371–373). При этом неважно, считаются ли предлоги, союзы, частицы или связки словами, приравниваются ли они к корням или аффиксам или же признаются особым классом выражений, как в (Николаева, 2008).

1.6. Частицы

Рамочный термин *частицы* (particles), то есть выражения, определяемые отрицательно как служебные слова, не являющиеся предлогами, послелогами, союзами, частицами и связками, не соответствует никакому классу слов, выделяемому по принципам общей грамматики (Zwicky, 1985). В области частной лингвистики тем не менее сложился примерный консенсус о том, какие выражения уместно отнести к ряду частиц в немецком, датском, русском, древнегреческом и т. д., и какие тесты отделяют частицы от знаменательных слов этих языков (Thurmair, 1989; Abraham, 2010; Крылова, 2021). Имеются описания служебных и / или дискурсивных слов, выполненные в формате статей *активного словаря* языка, являющихся инструкциями для говорящих¹⁴ (ср.: Баранов, Плунгян, Рахилина, 1993; Левонтина, 2023).

¹⁴ Ю. Д. Апресян определяет лексикографическое портретирование как фрагмент интегрального словарно-ориентированного описания, «...исчерпывающую и неизбыточную характеристику всех лингвистически существенных свойств данной лексемы в рамках интегрального описания языка» (Апресян, 1996, с. 391).

1.7. Инвентарь объяснений

Направления и школы можно оценивать с точки зрения их вклада в обогащение аппарата исследования. Вкладом генеративной лингвистики, независимо от мнений ее разработчиков о природе универсальной грамматики, является введение в описание отрицательного языкового материала (аномальных выражений со знаком ‘*’) и привлечение внимания к соотношению естественных и формальных языков. Не претендуя на оценку лингвистического структурализма, отметим несколько идей, вошедших в инвентарь современной науки:

- представление о замкнутости фонологических и грамматических систем и самодостаточности внутрисистемных факторов (Trubetzkoy, 1931; Jakobson, 1931);
- использование бинарных признаков для описания как звукового, так и грамматического строя. Фонологические оппозиции, прежде всего *привативные*, как модель для грамматических оппозиций, прежде всего *словоизменятельных*. Представление о том, что грамматика любого языка может быть представлена в виде иерархии *релевантных признаков*, имеющих бинарную структуру;
- Критерий *обязательности* как основа грамматики (ср.: Jakobson, 1959; Зализняк, 1967) или, по крайней мере, теории словоизменятельных оппозиций (Плунгян, 1994).

Прямолинейное следование этой программе не позволяет описать возможности языка, но ее требования в своей совокупности или по отдельности составляют идеал, приближение к которому часть лингвистов признает желательным. Кратко остановимся на двух способах представления языковых значений. В простейшем случае значения задаются в виде бинарных признаков ‘±A’, ‘±B’, и исследуется их комбинаторика. Предполагается, что элементы или множества элементов языка этим значениям соответствуют, не столь важно как (табл. 1).

Таблица 1

Матрица признаков (образец)

	+A	-A
+B	1	1
-B	1	0

Линейное упорядочение сегментов требует более сложных моделей. В некоторых случаях можно принять за основу отношение непосредственного предшествования и построить табличное *правило рангов*, где «рангу», то есть столбцу таблицы, соответствует непустое множество сегментов (табл. 2).

Таблица 2

Правило рангов (образец)

1	2	3	4	5	6	7	8
{a}	{b}	{c}	{d}	{e}	{f ₁ , f ₂ ...f _n }	{g ₁ , g ₂ ...g _n }	{h ₁ , h ₂ ...h _n }

В таблице 2 номера столбцов от 1 до n являются категориальными пометами, сопоставленными классам выражений. Обычно имена этих категорий можно расшифровать понятным лингвисту способом, например, вместо 6 подставить «ДАТ. П.», а вместо 8 — «1–2 л. НАСТ. ВР.». Не столь важно, приписана ли помета знаку (морфеме, словоформе, лексеме) или какому-то другому объекту. Таблица 3 является правилом рангов древнерусских энклитик, выделенным в [Зализняк 1993; 2008]. Во второй строке расшифрована категория элементов, соответствующих каждому рангу; омонимы снабжены нижними индексами и выделены полужирным шрифтом.

Таблица 3

Правило рангов энклитик древнерусского языка

1	2	3	4	5	6	7	8
ЧАСТИЦЫ					МЕСТОИМЕНИЯ		СВЯЗКИ
					ДАТ. П.	ВИН. П.	
<i>же</i>	<i>ли</i>	<i>бо</i>	<i>ти₁</i>	<i>Бы</i>	<i>ми, ти₂, си, ны_{ДАТ}, вы_{ДАТ}, на_{ДАТ}, ва_{ДАТ}</i>	<i>мя, тя, ся, ны_{АСС}, вы_{АСС}, на_{АСС}, ва_{АСС}</i>	<i>есмь, еси, есмь, есте, есвь, есте</i>

1.8. Грамматика рангов и ее предсказания

Правила рангов предсказывают порядок $a > b$ 'а непосредственно предшествует b' для любых двух элементов, упорядочиваемых табличным алгоритмом (template) типа 2 или 3. Они эквивалентны так называемой *автоматной грамматике*, заложенной в голове носителей языков, где имеются фиксированные последовательности энклитик или иных элементов предложения (Циммерлинг, 2021, с. 478–494). Но их можно рассматривать и как обобщения над множеством текстов. Клитики одного и того же ранга не употребляются одновременно. Упорядочение омонимов невозможно без их категориальной идентификации, так, например, др.-рус. *ны* может выражать как значение '1 л. мн. ч. дат. п.', ср. цепочку *ны* (6) *ся* (7), так и значение '1 л. мн. ч. вин. п.', ср. цепочку *ти₂* (6) *ны* (7). Все древнерусские энклитики, упорядочиваемые таблицей 3, имеют фиксированную внешнюю позицию во фразе: в простейшем случае ее можно определить как позицию после первого ударного слова предложения (Зализняк, 1993, с. 280; 2008, с. 24–27).

Грамматика рангов работает с элементами, которые соотнесены с категориями, например, «частица» и «местоимение», см. вторую строку таблицы 3. Отвлечясь от того, что правила рангов являются алгоритмами порождающей грамматики (Гладкий, Мельчук, 1969, с. 69–71), и рассматривать их просто как обобщения над материалом конкретного языка, как сделал А. А. Зализняк, можно при условии, что категориальные пометы кем-то уже установлены. Иногда определить категорию элемента, упорядочиваемого грамматикой рангов, нетрудно. Так, элементам рангов 1–3 в таблице 3, древнерусским энклитикам *же*, *ли* и *бо*, логично приписать категорию «частица», поскольку *же*, *ли* и *бо* харак-

теризуются как частицы в существующих описаниях древнерусского языка, а присвоить им пометы «местоимение» или «связка» нельзя. Для элемента ранга 5, оптативного показателя *бы*, выбор категории зависит от решения лингвиста. Исторически *бы* — форма аориста глагола *быти*, а ее интерпретация как частицы опирается на допущение о том, что энклитика *бы* уже оторвалась в раннедревнерусский период от парадигмы глагола *быти*, а глагольное и неглагольное *бы* линейно упорядочивались по-разному, ср. обзор примеров в (Зализняк, 2008, с. 32–34). Элементы, упорядочиваемые грамматикой рангов, помимо категорий, сопоставленных каждому рангу, представляют общую категорию. В таблице 3 такой категорией является «энклитика», то есть слабоударный элемент, стоящий после ударного элемента, или «сентенциальная энклитика», слабоударный элемент, относящийся к предложению в целом, а не к отдельной синтаксической группе (Зализняк, 1993, с. 281; Циммерлинг, 2021, с. 437). Объект, порождаемый грамматикой рангов, называется *цепочкой* (cluster), для языков с правилами типа 3 говорят о *цепочках клитик* (clitic clusters)¹⁵. Парадокс грамматики рангов состоит в том, что в языке может быть единственная пара элементов *a*, *b*, твердо упорядочиваемая при контактном расположении, но ранги всегда соотношены с *множествами элементов*, а не с единицами словаря. Тем самым для одноэлементных множеств {*же*}¹_{PART}, {*ли*}²_{PART}, {*бо*}³, {*ми*}⁴_{PART}, {*бы*}⁵_{PART}, соответствующих рангам 1–5 в таблице 3, грамматика рангов предсказывает лишь те их свойства, которые релевантны для внутреннего упорядочения. Она подтверждает, что общая категория PART («частица») приписана им верно, но не предсказывает те ограничения, которые связаны с дистрибуцией данных частиц и других элементов. Так, частицу ранга 3, др.-рус. *бо*, можно интерпретировать как показатель каузации, то есть средство выражения причинных отношений, но грамматика рангов неспособна предсказать дистрибуцию частицы *бо* и других каузальных показателей древнерусского языка, включая начальный союз *бо*.

1.9. Активное владение языком: словарь и грамматика

Большинство лингвистических теорий претендует на моделирование активного владения языком. Грамматически ориентированные концепции (Chomsky, 1999) используют понятие *сильной порождающей способности*, то есть умение определить, принадлежит ли выражение *x* языку *L* на основе знания о том, как именно *x* порождено. Словарно ориентированные концепции дают инструкции для правильного употребления лексем (Апресян, 1996; 2014–2017) или идиом (Mel'čuk, 2023). При обоих подходах используется отрицательный языковой материал. Однако в инструкциях активного словаря ориентиром служит эталонное употребление единицы, в то время как при анализе сильной порождающей способности правила построения можно заменить рас-

¹⁵ Цепочка клитик является синтаксическим объектом, поскольку у нее есть внешняя позиция в структуре предложения: для древнерусского языка это позиция после первого ударного элемента.

смотрением условий, ограничивающих нежелательные комбинации или порядки. Одни и те же наблюдения при словарном и грамматическом подходе интерпретируются по-разному. В статьях активного словаря для таких русских глаголов, как *проехать*, разумно уточнить, что в дативно-инфинитивных предложениях они обычно сочетаются с одушевленными субъектами, поэтому предложение *Васе (+ ANIM) здесь не проехать* ближе к эталону, чем предложение *Грузовику (- ANIM) здесь не проехать*. Однако в русском языке дативно-инфинитивное предложение можно построить с глаголом любой семантики, поэтому при грамматическом описании этой конструкции правомерно заключить, что она не накладывает ограничений на одушевленность аргумента в дат. п., что отличает ее от конструкции с дативным предикативом, ср.: *Васе было грустно, *Грузовику было грустно* (Циммерлинг, 2020). Грамматику любого языка можно представить в виде набора параметрических ограничений (Longobardi, 2005), но в активном словаре такой подход вряд ли реализуем. Тем самым словари активного типа, предлагающие инструкции употребления знаков, и параметрические грамматики, формулирующие ограничения на построение структур (незнаковых объектов), взаимодополнительны.

1.10. Расширение понятия лексикографического типа

Портретирование единиц словаря и выделение лексикографических типов – две стороны интегрального описания языка (Апресян, 1996, с. 391). Стандартное понимание лексикографического типа предполагает помещение слова в ряд слов со сходными дистрибутивными свойствами и обобщенной лексической семантикой. Для частиц это понятие уместно расширить, допустив, что значение, соотнесенное с категорией служебного слова, например ‘маркер каузации’, ‘маркер эмфазы’ и т.п., может выражаться не только словами, но и другими средствами, например предикатными конструкциями или просодией. Это оставляет возможность проверить значение служебного слова, сопоставив его с категориальным значением его типа.

2. Семантика дискурсивных единиц

В этом и следующем разделах определяется значение дискурсивного слова $ТИ_1$, употреблявшегося в древнерусском языке XI–XIV веков.

2.1. Частица $ТИ_1$ в древнерусском языке

Следствием применения грамматики рангов для описания энклитик было открытие древнерусской дискурсивной частицы $ТИ_1$. А. А. Зализняк в 1993 году доказал, что энклитика $ТИ_1$ с синхронной точки зрения является другим элементом, чем энклитическое местоимение 2 л. дат. п. ед. ч. $ТИ_2$ ‘тебе’, так как у них разные ранги: частица $ТИ_1$ (ранг 4) стоит до частицы $БЫ$ (ранг 5), а местоимение $ТИ_2$ (ранг 6) – после нее¹⁶.

¹⁶ Нижние индексы для омонимов введены в (Zimmerling, 2014). У А. А. Зализняка их нет.

Кроме того, TI_1 сочетается с местоимениями и именными группами (ИГ) в дат. п., а TI_2 — нет (Зализняк, 1993, с. 283–284). Частица TI_1 может как быть обособившимся употреблением (*dativus eticus*) местоимения TI_2 , так и иметь иное происхождение; далее ее происхождение обсуждаться не будет. Выделив частицу TI_1 на основе формальных критериев, А. А. Зализняк в книге 1993 года поделил ее употребления на свободные и связанные (Там же, с. 298–308). Значение свободного TI_1 характеризуется так: «Мы полагаем, что исходное, фундаментальное значение частицы *ти* — то, которое проявляется в простом предложении, начинающем новый текст, не связанный тесной смысловой связью с предыдущим. Это значение частицы *ти* может быть приблизительно передано так: «обращаю твое внимание на следующий факт». Частица *ти* выступает здесь, таким образом, как своего рода «усилитель индикативности»: она подчеркивает, что факт имеет место, и указывает на его значимость для адресата речи» [Зализняк 1993: 299] (разрядка моя. — А. Ц.).

А. А. Зализняк, вероятно, сознавал, что для описания элемента словаря указаний на место в предложении и внутри правила рангов мало. Требуется установить тип значения TI_1 . Указания, оставленные им на сей счет, трудно признать четкими. Сочетаемость с формами наклонения не является типом значения, а выражения «усилительная частица», «фокусная частица» и т.п. остаются условными ярлыками до тех пор, пока не показано, как именно носители языка что-то *усиливают* или *фокусируют*. Кроме того, внешне выраженный показатель вероятности или уверенности говорящего обычно не усиливает, а ослабляет модальность высказывания: если кто-то говорит '*X наверняка придет*', '*X, без сомнения, жулик*', он признает, что рассматривал не только гипотезу *p*, но и гипотезу $\sim p$. В качестве внешнего соответствия к TI_1 А. А. Зализняк (1993, с. 299) приводит арабскую частицу '*inna*'. В книге 2008 года А. А. Зализняк повторил тезис о том, что TI_1 в свободном употреблении выступает «прежде всего как своего рода “усилитель индикативности”» (Зализняк, 2008, с. 32), но подробного описания не дал.

2.2. Реальные и гипотетические контексты

Частица TI_1 характерна как для новгородского, так и для южнорусских диалектов (киевского, галицкого, волинского). Она есть в древней части Суздальской летописи, которая может восходить к киевской традиции. Наконец, частица TI_1 была обнаружена в древнечешском языке XIV века (Zimmerling, 2014; Циммерлинг, 2021, с. 503–505]. Вначале рассмотрим контексты новгородских берестяных грамот. В порядке эксперимента будем передавать семантический вклад TI_1 не путем подбора частиц другого языка, а с помощью дискурсивных слов *реально* и *конкретно*, которые в современном русском языке не являются ни клитиками, ни частицами¹⁷.

¹⁷ В примерах (15), (21) и (24.3) TI_1 глоссируется при помощи слова *действительно*, в примерах (19) и (20) — при помощи *таки*. В диалогических контекстах допустимы переводы *самом деле* и *таки да*.

(1) <сто>рови ти₁ есме вохе (Б. гр. 670, ок. 1180–1200 гг.)
'Мы все реально здоровы.'

(2) Дешеве ти₁ хлебе (Б. гр. 424, ок. 1100–1120 гг.)
'Хлеб здесь реально дешевый.'

(3) а продаль ти₁ есемо емоу на ѕсти ногать сковородь (Б. гр. 1004, ок. 1140–1160 гг.)
'А продал я ему конкретно сковородок на шесть ногат.'

(4) а сама ти₁ ѕдидь на лоукахо (Б. гр. 1005, ок. 1140–1160 гг.)
'А сами мы двое конкретно сидим на Великих Луках.'

В примерах (1)–(4) речь идет о событиях действительного мира. В книжных памятниках новгородского диалекта есть контексты, где ТИ₁ относится к гипотетически возможной ситуации.

(5) Рассмотривь како ти₁ грехь боудеть («Вопрошание Кириково», С5)
'Установив, что в этом случае реально будет грех.'

(6) Рѣ (ѣ) митрополитоу причащатиса попадьи оу своего попа достоить єсть ли ре(ѣ) то грѣ(ѣ) єсть ти₁ оконо помолча («Вопрошание Кириково», К 20)
'<Можно ли попадье причащаться у своего попа, єсть ли здесь грех?>
'Получается, что конкретно єсть> <сказал он> и помолчал.'

(7) Да оже мы до обѣда пѣмъ, то ти₁ простъчемъ и черось ночь (Илья-Иоанн, 1)
'Да коли мы (= духовенство) пьем до обеда, то простецы (= миряне) реально станут пить и всю ночь.'

Перейдем к южнорусским памятникам. В эпизоде Повести временных лет под 1069 годом персонаж обсуждает действительное событие и выражает смысл 'Х реально бежал из Киева, не наводи на город поляков, здесь нет твоего врага' при помощи ТИ₁. В Лаврентьевской летописи это место выглядит так:

(8) Стѣслав же и Всеволодь. посласта к Изаславу глїце. Всеславъ ти₁ бѣжалъ. а не водї Лаховъ Кїеву. противна бо ти₂ нѣту. аще ли хоцещи гнѣвъ имѣти и погубити гра^д то вѣси ако нама жаль ѡтна стола. (ПВЛ, [Лавр.], 1069 г.)

В той же реплике представлен омоним ТИ₂, ср. *противна бо ти₂ нѣту* 'ведь твоего врага здесь нет'. В Ипатьевской летописи к *нѣту* добавлена связанная частица <тъ> ТИ₁, вследствие чего омонимы оказались в пределах одной клаузы, но в разных синтаксических позициях¹⁸.

¹⁸ В Хлебниковском и Погодинском списках в этом месте стоит *нѣтоу*, что побуждает считать -тъ добавлением Ипатьевского летописца.

(9) Сѣслав же и Всеволодъ посласта. къ Изаславу глѣце. **Всеславъ ти₁ бѣжалъ.** а не води Лаховъ Кыеву. противнаго **ти₂ нѣтутъ₁** (ПВЛ, [Ипат.], 1069 г.)

В Волынской и Галицкой летописях встречаются как реальные, так и гипотетические контексты с ТИ₁. В примере (10) обсуждается реальное событие прошлого; в первой клаузе представлено местоимение ТИ₂, а во второй — частица ТИ₁.

(10) без лѣпа **т₂ са** прить. а **самъ ти₁ избилъ твои люди.** (Вол. [Ипат.], 1279 г.)

‘Он нескладно/нагло тебе врет, в то время как сам он **реально и перебил твоих людей.**’

В примере (11) обсуждается гипотетически возможная ситуация будущего: гонцу даны инструкции, как вести себя, если хан не захочет возвращаться:

(11) пой же емоу пѣсни Половѣцкиа. Сѣже **ти₁ не восхочеть.** даи емоу поухати зелья именемъ ѿшанъ (Гал. [Ипат.], 1201 г.)

‘Пой же ему половецкие песни. Если **конкретно будет так**, что он не захочет <возвращаться на родину>, дай ему понюхать того зелья, которое называется полынь.’

Та же двойственность характерна для ТИ₁ в Суздальской летописи, где представлены как реальные, так и гипотетические контексты. В (12) обсуждается актуальное событие настоящего ‘X находится здесь’, связанное с событием прошлого ‘X пришел’:

(12) не лежи княже **Глѣбъ ти₁ пришелъ на та.**

‘Вставай, князь. Глеб **реально пришел** <чтобы напасть> на тебя’ (Сузд. [Лавр.], 1148 г.)

В (13) и (14) ТИ₁ отсылает к гипотетически возможной ситуации будущего и отмечает наиболее вероятное с точки зрения говорящего развитие событий:

(13) но поидемъ дружино мое. къ Изаславу. то ми ксть срѣце свое. **ту ти₁ дастъ ны власть.** и посласа къ Изаславу. (Сузд. [Лавр.], 1148 г.)

‘Но мы, о моя дружина, пойдём к Изяславу. Тут он **конкретно даст нам власть**» — и он послал <гонцов> к Изяславу’.

(14) Гюрги же речъ. поидемъ к Переяславлю. **ту ти₁ юму прити.** да негли ту покоритса (Сузд. [Лавр.], 1149 г.)

‘Гюрги же сказал: «Пойдем к Переяславлю. Его **конкретно следует ожидать там.** Может, там сдастся нам на милость»’.

Итак, в памятниках всех диалектов ТИ₁ может отсылать как к действительному событию, так и к гипотетически возможному исходу.

2.3. Сочетаемость с формой оптатива

В книге 2008 года А. А. Зализняк (2008, с. 32), не отказываясь от признания $ТИ_1$ энклитикой ранга 4, менее категорично описывает сочетания $ТИ_1$ с оптативной частицей $БЫ$. По его мнению, чистых примеров, подтверждающих, что $ТИ_1$ (ранг 4) непосредственно предшествует $БЫ$ (ранг 5), почти нет, за вычетом предложений, где *бы* стоит после начального союза *дати / дать* (<да + $ти_1$), см. *дад бы хорь не попортиль* 'что-бы моль не попортила' (Б. гр. №413, ок. 1400–1410 гг.). Эта оговорка логична: если частица $ТИ_1$, как утверждает А. А. Зализняк, — показатель «усиленной индикативности», ее не стоит искать в косвенном наклонении. Тем не менее примеры комбинации свободного $ТИ_1$ с $БЫ$ существуют. В эпизоде «Повести временных лет» под 1097 годом обсуждается ситуация, которую можно считать контрфактической: 'У (= князь *Святополк*) не изблещил Х-а (= *Василька*), но если он бы его изблещил, это надо было делать публично, а время для этого прошло'.

(15) аще $ти_1$ (ранг 4) **бы** (ранг 5) вина каа была на нь вблещить **бы** и пред нами. и оупрѣвы и и створить ему а нонѣ ави вину его (ПВЛ [Лавр.] 1097 г.)

'Если **бы** Х действительно был изблещен, то его надо бы облещить по суду в нашем присутствии и наказать после этого, а теперь предьявляй доказательства.'

Сочетание свободных частиц $ТИ_1$ и $БЫ$, видимо, было редким. В другой группе списков (Ипат., Х. П.) в параллельном месте восстанавливается омоним $ТИ_2$ 'тебе'.

(16) аще **бы** (ранг 5) $ти_2$ (ранг 6) вина кааа была на нь вблещить бы пред нами (ПВЛ [Ипат.], 1097 г.)

'Если бы у тебя на руках были доказательства вины Х-а...'

Итак, древнерусский язык допускал $ТИ_1$ в контексте частицы $БЫ$ при рассмотрении логически возможных исходов. Тем самым тезис о том, что $ТИ_1$ было маркером индикатива, неверен.

2.4. Древнерусское $ТИ_1$ и арабское 'INNA

В книге 1993 года А. А. Зализняк сопоставил $ТИ_1$ с частицей 'INNA в классическом арабском языке. Последнюю он тоже называет «усилителем индикативности»: «Близким типологическим аналогом древнерусского *ти* может служить также и арабская частица 'inna. Ее традиционный перевод — «воистину». Он неточен в стилистическом отношении: у арабского 'inna нет той возвышенной окраски, которая свойственна русскому *воистину*. Однако сама функция «усилителя индикативности» этим переводом в значительной степени уловлена» (Зализняк,

1993, с. 299). Подтверждение этой параллели А. А. Зализняк видит в том, что ни др.-рус. ТИ₁, ни араб. 'INNA не сочетаются с императивом: «...следующий непосредственно наблюдаемый факт: частица *tu* (в отличие, скажем, от *je*) не сочетается с императивом... Интересно отметить, что точно такое же ограничение действует в арабском языке во фразах с *'inna*» (Там же).

В книге 2008 года параллель с 'INNA опущена. В 2016 году А. А. Зализняк составил краткий очерк арабского языка, но упоминание 'INNA предельно кратко¹⁹. Разбор употреблений 'INNA дается в (Акинина, 2008). В. Абдур Рахим указывает следующие характеристики данной частицы: 1) она употребляется только в именных предложениях; 2) 'INNA является эмфатической частицей, близкой по значению английским словам *indeed, verily, truly, surely*; 3) 'INNA меняет падеж подлежащего с им. п. на вин. п. (Abdur Rahim, 2016). Признаки 1) и 3) не соответствуют характеристикам ТИ₁. То, что 'INNA не употребляется в императиве, для арабского языка является тривиальным следствием того, что в именных клаузах императива нет. Напротив, для ТИ₁ несовместимость с императивом нетривиальна, поскольку ТИ₁ употребляется в финитных клаузах, где императив возможен. К этому можно добавить различия в просодии. ТИ₁ является односложной энклитикой, которая не может стоять в начале предложения, в то время как 'INNA является двусложным словом, преимущественно употребляемым в начальной позиции (Акинина, 2008, с. 28–30). В неусеченной форме 'INNA способно присоединять связанные личные местоимения вин. п. (Там же, с. 63); последние обычно называют «суффижированными местоимениями», но иногда интерпретируют как (эн)клитики (Albuḥayrī, 2013, p. 41, 76) (таблица 4).

Таблица 4

Арабское 'INNA и древнерусское ТИ₁

Признак	'INNA	ТИ ₁
Тип клаузы	Именной (нефинитный)	Финитный (глагольный и связочный)
Несовместимость с императивом	Тривиальна	Нетривиальна
Сочетаемость с опгативом	Отсутствует	Возможна
Падежная маркировка подлежащего	Меняет падеж подлежащего именной клаузы: NOM → ACC	Добавление ТИ ₁ не меняет падеж аргументов
Просодический статус	Ударное слово	Энклитика

Арабское 'INNA не указывает на канал получения информации о том, что *p* имеет место. Иными словами, сам говорящий выступает гарантом утверждения *p*, но не дает слушателю ключ, как проверить его утверждение. То же самое, как показано ниже в разделе 3, характерно для ТИ₁. Эта параллель между арабской и древнерусской частицами А. А. Зализняком не обсуждается.

¹⁹ «Частицы... *'inna* 'воистину', 'вот'» (Зализняк, 2016, с. 72).

2.5. Промежуточные итоги

- Частица TI_1 диагностируется на основании формальных критериев (место в правиле рангов энклитик), но описание ее как единицы древнерусского словаря отсутствует.
- «Индикативность» не является ни конкретным языковым значением, ни типом значения.
- «Усиленная индикативность» невозможна. Высказывания с эпистемическим оператором X , *без сомнения, жулик*, не являются усиленным вариантом категорических высказываний вида $X - жулик$.
- TI_1 комбинируется не только с индикативом, но и с оптативом.
- Значение древнерусского TI_1 связано с оценкой истинности пропозиции, относящейся либо к действительному, либо к возможному миру.

3. Верификативность и показатели верификации

В данном разделе демонстрируется, что TI_1 относится к числу *верификативных* маркеров, указывающих на то, что говорящий подтвердил логическую истинность p . Такие маркеры могут иметь несегментное (просодическое) выражение (Янко, 2008, с. 23, 155–163; 2019; Lohnstein, 2018), но они также могут соответствовать единицам словаря. Неполный набор наречий, частиц и прилагательных, вставляемых в связочное предложение *Ханс – жулик*, иллюстрируется на примере русского языка в (17а-с).

(17) а. Ханс действительно_{ADV} / таки_{PRT} жулик.

б. Ханс конкретно_{ADV} / реально_{ADV} жулик.

с. Ханс всамделишный_{ADJ} жулик.

Подтверждение отрицательной гипотезы $\sim p$ будем называть значением *фальсификации*. Для тех языков, где значения верификации и фальсификации выражаются одними и теми же сегментными средствами, а слова верификации и фальсификации параллельно используются в неотрицательных и в отрицательных клаузах, значение фальсификации можно признать комбинацией собственного значения маркера с отрицанием²⁰.

²⁰ Верификативность как тип значения следует отличать от используемого в формальной семантике понятия *веридиктальности* (veridicality). Последнее указывает на отношение между пропозицией и утверждением говорящего о ее истинности (Giannakidou, 1998). Отсутствие веридиктальности (non-veridicality) в русской лингвистической традиции называют *снятой утвердительностью* (Падучева, 2015).

3.1. Показатели верификации в древнерусском языке

Если в древнерусском языке были другие маркеры верификации, необходимо выяснить, могло ли TI_1 с ними комбинироваться. Кандидат для проверки — эксплицитно выраженная связка 3 л. (ед. и мн. ч.) глагола *быти* в конструкции перфекта на фоне преобладающего употребления нулевой связки 3 л. в коммуникативно-нейтральных высказываниях (Шевелева, 2002; Циммерлинг, 2022б)²¹. Далее данный маркер обозначается 'ЕСТЬ_{PERF}'²².

3.2. Верификативное ЕСТЬ_{PERF}

Примеры верификативного / фальсификативного ЕСТЬ_{PERF} встречаются у тех же новгородских авторов XII века, которые используют частцу TI_1 .

(18) Лжють, рече — не молвить_{SG.M} есть_{3SG} того никоторы же еписѣпъ_{NOM.SG.M} («Вопрошание Кириково», K87)
'Это ложь, — сказал <Нифонт>, — да не говорил такого ни один епископ.'

(19) а прості и_{ACC.SG.M} Богъ, яко неправдоу есть_{3SG} молвить_{SG.M} («Почтение Ильи-Иоанна», 18)
'Да прости его Бог, ведь он <человек, который объявил о том, что хочет сложить с себя сан, хотя на самом деле не хотел> таки сказал неправду.'

(20) а силще того дела есть_{3SG} поставить_{SG.M} («Вопрошание Кириково», K87).
'Если он-таки поставил силок специально ради того, чтобы съестъ мясо удавившегося животного, < то следует наказание>.

Формы 3 л. *есть*, *суть* имеют характеристики презенса индикатива глагола *быти*, поэтому употребление ЕСТЬ_{PERF} в оппозитиве исключено.

3.3. Эвиденциальное ЕСТЬ_{PERF}

При передаче чужой речи или мнения внешне выраженная связка перфекта 3 л. сигнализирует в древнерусском языке значение *косвенного эвиденциала*: Y (говорящий) передает вывод X -а о том, что p истинно или ложно, но не берет за него конечной ответственности. Так, в эпизоде из

²¹ В древнерусский период верификативное *есть* / *суть* согласуется с подлежащим перфектной клаузы в числе, а перфектное причастие согласуется с подлежащим контролем в числе и роде.

²² Для древнерусских памятников XI — начала XII века помета 'ЕСТЬ_{PERF}' должна быть уточнена, поскольку в этот период у части древнерусских авторов достаточно сохранялась ненулевая связка перфекта 3 л., употребляемая вне связи с выражением верификативного и экзистенциального значений.

Новгородской первой летописи под 1149 годом летописец цитирует архиепископа Нифонта, который отказался признать назначение Климент митрополитом законным.

(21) А Нифонтъ тако мѣвляше: «не достоинѢ есть_{3SG} сталь_{SG.M}, оже не благословенѢ_{SG.M} есть_{3SG} от великаго сбора, ни ставленѢ_{3SG}» (1НПЛ, под 1149 г.).
'<Климент> действительно избран незаконно, поскольку его не благословил и не поставил великий собор <и поэтому я выражаю свое несогласие>'.
'

X (= *Нифонт*) утверждает, что $\sim p$, а Y (= *рассказчик*) передает утверждение X -а о том, что $\sim p$. $ЕСТЬ_{PERF}$ в данном контексте может отсылать к речевому акту X -а (персонажа летописи), но может также указывать на позицию Y -а (летописца), отстраняющегося от слов X -а и добавляющего эвиденциальный маркер. Характерно, что X приводит рациональное обоснование своего вывода о том, что $\sim p$. Тем самым, маркер $ЕСТЬ_{PERF}$ в функции косвенного эвиденциала является ссылкой Y -а (говорящего, рассказчика) на рассуждение или логический вывод X -а.

3.4. Альтернативные контексты

$ЕСТЬ_{PERF}$ могло употребляться в альтернативных контекстах вида p или $\sim p$, где $ТИ_1$ не использовалось. Пример такого употребления показывает новгородская берестяная грамота №736а (ок. 1100–1120 гг.). Говорящий, *Иван* (= *Иванко Павлович*), не знает, отдал ли кто-то из его контрагентов всю лихву (проценты), полагающуюся его отцу Павлу, и спрашивает об этом адресата грамоты, человека по имени *Дристинв* / *Дристинв*. Однако Иван допускает, что p , на самом деле, истинно. Маркером того, что он это допустил, является форма $ЕСТЬ_{PERF}$.

(22) [ц]и есть_{3SG} саме в[ь]хоу [ли]хв[оу] вѣд[але]3SG.M Б. гр. 736а (ок. 1100–1120 гг.)
'отдал ли он сам всю лихву.'

Пример (22) доказывает, что $ЕСТЬ_{PERF}$ может относиться к возможному миру при рассмотрении гипотезы о том, что p в этом мире истинно.

3.5. Атрибутивное употребление

При атрибутивном употреблении маркеров верификации в некоторых языках возникает амбивалентность. Английское предложение (23) имеет два значения, которым соответствуют разные парафразы.

(23) Англ. Hans is a **real** cheater.

⇒ (23.1) 'X is a real, **not an alleged cheater**.' , ср. рус. *Ханс реально/конкретно является жуликом*.

⇒ (23.2) 'X acts as typical cheater', ср. рус. *Ханс реально похож на жулика*, 'Некоторые / многие Y-ы считают Ханса жуликом.'

Ни $ТИ_1$, ни $ЕСТЬ_{PERF}$ не употребляются атрибутивно, но их можно оценить в плане соответствия значениям (23.1) и (23.2).

- $ТИ_1$ соответствует (23.1), но не (23.2), в то время как $ЕСТЬ_{PERF}$ частично соответствует и (23.1), и (23.2).

- Значение 'многие Y -и считают, что p' нельзя выразить ни с помощью $ЕСТЬ_{PERF}$, ни с помощью $ТИ_1$, но значения типа ' Y считал, что p / верил в p / утверждал, что p' ', отсылающие к речевому акту Y -а, совместимы с употреблениями $ЕСТЬ_{PERF}$.

3.6. Верификация в юридическом контексте

Верификация p , маркируемая частицей $ТИ_1$, может строиться на процедуре доказательства p . Подходящий юридический контекст представлен в новгородской берестяной грамоте №907 (1100–1120 гг.), адресованной посаднику *Гюряте Роговичу* и написанной следователем *Туком*, ведшим дело о краже княжеского (то есть государственного) имущества. Тук использовал в своем отчете $ТИ_1$ четыре раза, плюс еще один раз на обороте в недописанной фразе. Приведем его текст с разбиением на строки.

(24) Б. гр. №907 (ок. 1100–1120 гг.)

<внешняя сторона>

Строка 1	грамота ѿ тоука: къ гюратѣ: крали <u>ти₁</u> братьни холопи а оу брата
Строка 2	а нѣнѣ <u>ти₁</u> са съмьльвивѣ съ близокъ: вѣтъкале вѣ [т]оу татѣбоу вѣ
Строка 3	тоѣ мѣсто татѣбѣ
Строка 4	а оу него <u>ти₁</u> крадено атъ <u>ти₁</u> възаль оу иванѣ
Строка 5	кова съмьръда:гъ гривнѣ: а татѣбоу кънажоу
Строка 6	потаиль

<внутренняя

сторона>

Строка 1	а оу него <u>ти₁</u> к
----------	-----------------------------------

В переводе на современный бюрократический русский язык отчет Тука может выглядеть так:

(25) X (= следователь Тук) заявляет:

⇒ (25.1) крали ти₁ братьни холопи а оу брата

'Факт кражи холопами X -а реально имел место <в прошлом>, но кражи они у самого X -а <а не у государства>'

⇒ (25.2) а нѣнѣ ти₁ са съмьльвивѣ съ близокъ

'А теперь реально имеет место факт сговора Y -а (брата X -а) с его родственниками.'

⇒ (25.3) а оу него ти₁ крадено

'А Y -а действительно обокрали.'

⇒ (25.4) ать **ти₁** възаль оу иванькова съмърѣда:г гривнѣ: а татѣбоу кѣнажоу потаилѣ

‘Однако *Y* **конкретно** взял у смерда *Z*-а три гривны <за сокрытие кражи>, скрыв факт кражи государственного имущества.’

Тук сообщает о том, что утверждения (24.1) – (24.4.) истинны, но ничего не говорит о том, как именно он это выяснил. Адресату письма предлагается принять их на веру, если он сочтет описанную цепь событий правдоподобной. Абстрагировавшись от менталитета следователя и обстоятельств преступления XII века, которые должны изучать филологи и историки, выведем релевантные характеристики $ТИ_1$ как элемента древнерусского словаря.

(i) $ТИ_1$ не содержит отсылки к акту верификации, произведенному говорящим или кем-то еще. Говорящий сам выступает гарантом утверждения *p*.

(ii) Употребление $ТИ_1$ не связано с информацией о канале обретения знания *p*. Однако контексты памятников совместимы с рациональным рассуждением, подтверждающим вывод о том, что *p* истинно.

Если обобщения (i) – (ii) верны, то $ТИ_1$ и $ЕСТЬ_{PERF}$ в качестве маркеров верификации не синонимичны: $ЕСТЬ_{PERF}$ всегда отсылает к акту верификации, произведенным самим говорящим, см. примеры в разделе 3.2, или кем-то еще, см. примеры в разделе 3.3. Поэтому $ЕСТЬ_{PERF}$ используется в функции косвенного эвиденциала, а $ТИ_1$ – нет. По той же причине $ЕСТЬ_{PERF}$ может использоваться в альтернативных контекстах вида ‘*p* или $\sim p'$ ’, что для $ТИ_1$ исключено.

3.7. Вклад маркера верификации

Маркеры верификации $ТИ_1$ и $ЕСТЬ_{PERF}$ обладают нетривиальными свойствами, которые для $ТИ_1$ можно описать как словарные характеристики, а для $ЕСТЬ_{PERF}$ – как идиоматические особенности предикатной конструкции. Нет примеров, подтверждающих, что эти маркеры сочтались друг с другом в пределах одного предложения. $ЕСТЬ_{PERF}$ во всех употреблениях отсылает к акту верификации *p*, произведенному самим говорящим или кем-то еще. $ТИ_1$ такой ссылки не дает, поскольку говорящий сам является гарантом утверждения *p*. И $ТИ_1$, и $ЕСТЬ_{PERF}$ могут относиться к возможному миру. Носители древнерусского языка употребляли $ТИ_1$ в гипотетических и даже имплицативных контрфактических контекстах, где говорящий, рассматривая множество возможных миров, допускает, что если *p* при некотором сценарии развития событий имеет или имело бы место (князь *X* изобличил *Y*-а, хан *Z* не захотел возвращаться в степь), то *q*. Запрета на употребление $ТИ_1$ в оптативных предложениях нет, в то время как $ЕСТЬ_{PERF}$ в оптативе употребляться не может.

4. Заключение

Мы рассмотрели соотношение формально-грамматических и семиотических объяснений на примере синтактики древнерусской частицы $ТИ_1$ ‘конкретно *p'*’, ‘реально *p'*’. Существуют корреляции между словар-

ным описанием и семиотикой, а также между формальными моделями и грамматикой. Служебные слова можно рассматривать как маркеры категорий, релевантных для структуры предложения, например категории «утвердительности». Формальные модели рассматривают вхождение этих слов в предложение как позиции, ассоциированные с классами элементов. При лексикографическом описании нужно выделить концепт, владение которым дает ключ к синтактике знака, и соотносить значение конкретного слова с общим значением его лексикографического типа, например «маркеры верификации». Казус с частицей ТИ₁ состоит в том, что данный элемент словаря был верно диагностирован с помощью грамматики рангов, но отсутствие словарного описания не позволило описать его синтактику.

Исследование поддержано грантом РФФ №22-18-00528 «Связь пропозициональных единиц в предложении и в тексте», реализуемым в Институте языкознания РАН. Я благодарю слушателей конференции «Семиотика. Прошлое и настоящее» (М., Ин-слав РАН, 11–13 октября 2022) и персонально С.М. Толстую и А.А. Гиппиуса. Я также выражаю благодарность О.Г. Акининой за консультацию. Благодарю рецензентов журнала «Слово.ру: балтийский акцент» за замечания. Ответственность за все ошибки лежит на авторе.

Список литературы

- Акинина О.Г. Частицы, подобные *inna* (функционирование и семантика). М., 2008.
- Апресян Ю.Д. Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1996.
- Апресян Ю.Д. Активный словарь русского языка / под общ. рук. Ю.Д. Апресяна. М., 2014. Т. 1 : А–Б ; Т. 2 : В–Г ; СПб., 2017. Т. 3 : Д–З.
- Аркадьев П.М. Судьба «морфемы» и отношения между означаемым и означающим в постструктуралистской морфологии : докл. на междунар. конф. «Семиотика в прошлом и настоящем» (Институт славяноведения РАН, 11–13 октября 2022). URL: <https://www.academia.edu/88336709/> (дата обращения: 26.12.2022).
- Баранов А.Н., Плунгян В.А., Рахилина Е.В. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. М., 1993.
- Беляев О.И., Хомченкова И.А. Соединение именных групп в осетинском языке // *Rhema. Рема*. 2022. №4. С. 32–54.
- Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М., 1972.
- Гладкий А.В., Мельчук И.А. Элементы математической лингвистики. М., 1969.
- Глазков А.В. К вопросу о когерентности пары предложений // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*. 2022. №6. С. 185–194.
- Зализняк А.А. Русское именное словоизменение. М., 1967.
- Зализняк А.А. К изучению языка берестяных грамот // В.Л. Янин, А.А. Зализняк Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1984–1989 гг. М., 1993. С. 191–319.
- Зализняк А.А. Древнерусские энклитики. М., 2008.
- Зализняк А.А. Конспект арабской грамматики // *Вестник Московского университета*. Сер. 13: Востоковедение. 2016. №4. С. 62–72.
- Кравченко А.В. Язык и природа человечности (приглашение к дискуссии) // *Слово.ру: балтийский акцент*. 2022. Т. 13, №3. С. 7–24.

- Крылова Э. Б. Коммуникативные функции модальных частиц в датском языке. М., 2021.
- Левонтина И. Б. Частицы речи. М., 2023.
- Лотман Ю. М. Лекции по структуральной поэтике. Тарту, 1964.
- Мартине А. Основы общей лингвистики // Новое в лингвистике. М., 1963. Вып. 3 / сост., ред. и вступ. ст. В. А. Звегинцева. С. 347–556.
- Мельчук И. А. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл – Текст». М., 1974.
- Николаева Т. М. Непарадигматическая лингвистика (История «блуждающих частиц»). М., 2008.
- Падучева Е. В. Снятая утвердительность и неверидиктальность (на примере русских местоимений отрицательной полярности) // Russian Linguistics. 2015. Vol. 39, №2. С. 129–162.
- Пильщиков И. А. Семь бесед о филологии и Digital Humanities. М., 2022.
- Плунгин В. А. К проблеме морфологического нуля // В. И. Беликов [и др.] (ред.). Знак : сб. ст. по лингвистике, семиотике и поэтике памяти А. Н. Журицкого. М., 1994. С. 148–155.
- Поливанова А. К., Кейдан А. Нейтрализация // «Вперед и вверх по лестнице звучащей» : сб. ст. к 80-летию Ольги Фёдоровны Кривновой / И. М. Кобозева, К. П. Семёнова, А. Э. Костюк [и др.] (общ. ред.). М., 2023. С. 159–177.
- Ревзин И. И. Субъективная позиции исследователя в семиотике // Труды по знаковым системам V. Тарту, 1971 (Ученые записки Тартуского государственно-го университета, вып. 284) С. 334–344.
- Смирницкая О. А. Стих и язык древнегерманской поэзии. М., 1994.
- Степанов Ю. С. Слово. Из статьи для словаря концептов («Концептуария») русской культуры // Philologica. 1994. Vol. 1, №1-2. С. 11–31.
- Степанов Ю. С. Язык и метод. К современной философии языка. М., 1998.
- Циммерлинг А. В. Одушевленность. Русский язык // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН. 2020. Вып. 24. С. 43–56.
- Циммерлинг А. В. От интегрального к аспектвному. М. ; СПб., 2021.
- Циммерлинг А. В. Предикаты состояния и семантические типы предикатов // Онтология на ситуации за состояние – лингвистично моделиране. Съпоставително изследване за български и руски / С. Коева, Е. Ю. Иванова, И. Тишева, А. В. Циммерлинг (ред.). София, 2022а. С. 31–52.
- Циммерлинг А. В. Связка ложь, да в ней намек: формы 3 л. глагола «БЫТЬ» в древнерусском языке // Русский язык в научном освещении. 2022б. Т. 44, №2. С. 9–84.
- Шайкевич А. Я. Введение в лингвистику. М., 2005.
- Шевелева М. Н. Судьба форм презенса глагола быти по данным древнерусских памятников // Вестник МГУ. Сер. 9: Филология. 2002. №5. С. 55–72.
- Якобсон Р. О. Избранные работы. М., 1985.
- Якобсон Р. О. Работы по поэтике. М., 1987.
- Янко Т. Е. Интонационные стратегии русской речи. М., 2008.
- Янко Т. Е. Достоверность и вероятность: регулярная полисемия в зеркале русской просодии // Лингвокультурологические исследования. Логический анализ языка. Понятия веры в разных языках и культурах / под ред. Н. Д. Арутюновой, М. Л. Ковшовой. М., 2019. С. 129–140.
- Abdur-Rahim V. Inna: particle of emphasis and accusative case // Understand-Arabic.com. 04.06.2016. URL: <https://understand-arabic.com/2016/04/06/inna-particle-of-emphasis-and-accusative-case/> (дата обращения: 26.12.2022).
- Abraham W. Diskurspartikel zwischen Modalität, Modus und Fremdbewusstseins-Abgleich // 40 Jahre Partikelforschung / hrsg. von Th. Harden, E. Hentschel. Frankfurt a/M, 2010. S. 33–77.

- Albuhayri S.* The Pronominal System in Standard Arabic: Strong, Clitic and Affixal Pronouns : thesis (MA). Arizona State University, 2013.
- Anderson S. R.* A-Morphous Morphology. Cambridge, 1992.
- Austreibung des Geistes aus den Geisteswissenschaften: Programme des Post-strukturalismus* / hrsg. von F. A. Kittler. Paderborn ; München ; Wien ; Zurich, 1980.
- Bach E.* Natural Language Metaphysics // Logic, Methodology, and Philosophy of Science VI / ed. by R. Barcan Marcus et al. Amsterdam, 1986. P. 573–595.
- Chao W., Bach E.* The Metaphysics of Natural Language(s) // Philosophy of Linguistics / ed. by R. Kempson et al. Amsterdam, 2012. Vol. 14. P. 175–196.
- Chomsky N.* Syntactic structures. The Hague ; P., 1957.
- Chomsky N.* Aspects of the theory of syntax. Cambridge MA, 1965.
- Chomsky N.* Derivation by phase // MIT Occasional Papers in Linguistics 18. MITWPL, Department of Linguistics and Philosophy. Cambridge MA, 1999.
- Davidson D.* The Individuation of Events // Essays on Actions and Events / ed. by D. Davidson. Oxford, 1980. P. 163–180.
- Galton A.* Eventualities // Handbook of Temporal Reasoning in Artificial Intelligence / ed. by M. Fisher et al. Amsterdam, 2005. Vol. 1. P. 28–59.
- Giannakidou A.* Polarity Sensitivity as (Non)Veridical Dependency. Amsterdam ; Philadelphia, 1998.
- Haspelmath M.* Types of clitics in the world's languages. December 2022. lingbuzz/007071. URL: <https://ling.auf.net/lingbuzz/007071> (дата обращения: 26.12.2022).
- Heusler A.* Kleine Schriften : in 2 Bdn. Berlin, 1969.
- Jakobson R.* Prinzipien der historischen Phonologie // Travaux du cercle linguistique de Prague. 1931. №4. P. 247–267.
- Jakobson R.* Signe zero // Mélanges de linguistique offerts à Charles Bally. Genève, 1939.
- Jakobson R.* Boas' view of grammatical meaning // American Anthropologist. 1959. Vol. 61. P. 139–145.
- Jakobson R.* Questions de poétique. P., 1973.
- Karcevskij S.* Du dualisme asymétrique du sign linguistique // Travaux du Cercle linguistique de Prague. 1929. №1. P. 88–92.
- Katz J., Pesetsky D.* The Identity Thesis for Language and Music. 2011. lingbuzz/000959.
- Lohnstein H.* Verum Focus, Sentence Mood and Contrast // The Grammatical Realization of Polarity Contrast: Theoretical, empirical, and typological approaches / ed. by Ch. Dimroth, S. Sudhof. Amsterdam ; Philadelphia, 2018. P. 55–88.
- Longobardi G.* A minimalist program for parametric linguistics? // Organizing grammar. Linguistic studies in honor of Henk van Riemsdijk / ed. by H. Broekhuis et al. Berlin; N. Y., 2005. P. 407–414.
- Martinet A.* Éléments de linguistique générale. P., 1960.
- Mel'čuk I.* General phraseology. Theory and practice. Amsterdam; Philadelphia, 2023.
- Montague R.* Formal Philosophy: Selected Papers of Richard Montague. New Haven, 1974.
- Morris C.W.* Foundations of the Theory of Signs // Writings on the General Theory of Signs. The Hague, 1971. P. 13–71.
- Tarasti E.* Existential semiotics. Bloomington, 2001.
- Thurmair M.* Modalpartikeln und ihre Kombinationen. Tübingen, 1989.
- Trubetzkoy N.* Prinzipien der historischen Phonologie und Sprachgeschichte // Travaux du cercle linguistique de Prague. 1931. №4. P. 228–234.
- Vendler Z.* Linguistics in Philosophy. Ithaca NY, 1967.

Zeijlstra H. Rethinking remerge: Merge, movement and music // Syntactic architecture and its consequences II: Between syntax and morphology / ed. by A. Bárány et al. Berlin, 2020. P. 43–66.

Zimmerling A. Clitic templates and discourse marker *ti* in Old Czech // New Insights into Slavic Linguistics / ed. by J. Witkoś, S. Jaworski. Frankfurt a/M, 2014. P. 389–403.

Zimmerling A. Linguistics and Cryptophilology // Lifetime linguistic inspirations: To Igor Mel'čuk from colleagues and friends for his 90th birthday / ed. by L. Iomdin, J. Milićević, A. Polguère. Berlin ; Bern ; Bruxelles ; N. Y. ; Oxford ; Warszawa ; Wien, 2022. P. 519–529.

Zwicky A. Clitics and particles // Language. 1985. Vol. 61, №2. P. 283–305.

Об авторе

Антон Владимирович Циммерлинг, доктор филологических наук, главный научный сотрудник, Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина, Москва, Россия; ведущий научный сотрудник, Институт языкознания РАН, Москва, Россия.

E-mail: fagraey64@hotmail.com

ORCID: 0000-0002-5996-2648

Для цитирования:

Циммерлинг А. В. Конкретно: синтактика без семиотики // Слово.ру. Балтийский акцент. 2023. Т. 14, №3. С. 125–153. doi: 10.5922/2225-5346-2023-3-9.

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

REALLY: SYNTACTICS WITHOUT SEMIOTICS?

A. V. Zimmerling

Pushkin State Russian Language Institute,
6, Akademika Volgina Str. Moscow, 117485, Russia
Institute of Linguistics, Russian Academy of Science,
1, Bolshoi Kislovskij Lane, Moscow, 125009, Russia

Submitted on December 26, 2022

Accepted on February 09, 2023

doi: 10.5922/2225-5346-2023-3-9

I discuss the relation of linguistics and semiotics on the basis of the Old Russian discourse particle Т1 'indeed', 'verily', 'truly' discovered by Andrej A. Zaliznjak in 1993. Linguistics and semiotics are different research programmes: the first one deals with specific features of language structures, while the second one discusses general characteristics of all sign systems, from a perspective of interpreting most or all of them as secondary respective to natural language. Formal models of language deal with classes of elements and predict their positions. Lexicographic descriptions provide instructions to the use of particular language items treated as signs with their concepts and syntactics. Functional words including discourse particles allow both approaches. The existence of Old Russian particle Т1 as has been proved by Zaliznjak on the basis of formal conditions, constraining the position of this particle in the clausal structure. Meanwhile, Zaliznjak failed to provide a lexicographical

description of TI_1 and reliable external parallels from other languages. I argue that TI_1 is a marker of verification with the meaning 'p really takes place'. The view that TI_1 expressed enhanced indicativity is not tenable, since this particle was licensed in hypothetical contexts and combined with the optative marker. It is essential to identify the lexicographic type of a functional word in order to get its full syntactics.

Keywords: natural languages, linguistics, semiotics, signs, Old Russian language, particles, verification

This research is supported by the Russian Science Foundation, project no. 22-18-00528 "Clausal connectives in sentence and discourse: Semantics and grammaticalization paths" carried out at the Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences.

References

- Abdur-Rahim, V., 2016. Inna: particle of emphasis and accusative case. In: *Understand-Arabic.com*. 04.06.2016. Available at: <https://understand-arabic.com/2016/04/06/inna-particle-of-emphasis-and-accusative-case/> [Accessed 26 December 2022].
- Abraham, W., 2010. Diskurspartikel zwischen Modalität, Modus und Fremdbewusstseins-Abgleich. In: Th. Harden and E. Hentschel, eds. *40 Jahre Partikelforschung*. Frankfurt a/M.: Peter Lang, pp. 33–77.
- Akinina, O. G., 2008. *Chastitsy, podobnye inna (funktsionirovanie i semantika)* [Particles of the Class 'Inna': Functions and Semantics]. Moscow (in Russ.).
- Albuhayri, S., 2013. *The Pronominal System in Standard Arabic: Strong, Clitic and Affixal Pronouns*. MA thesis. Arizona State University.
- Anderson, S.R., 1992. *A-Morphous Morphology*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Apresyan, Yu.D., 1996. *Integral'noe opisanie yazyka i sistemnaya leksikografiya* [Integral language description and system lexicography]. Moscow (in Russ.).
- Apresyan, Yu.D., 2014. *Aktivnyi slovar' russkogo yazyka* [Active dictionary of the Russian language]. St. Petersburg (in Russ.).
- Arkadiev, P.M., 2022. On the Fate of "Morpheme" and the Differences between Signifying and Signified in Post-structural Morphology. In: *Semiotika v proshlom i nastoyashchem* [Semiotics, its Past and its Future]. Moscow, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Science, 11–13 October 2022. Available at: <https://www.academia.edu/88336709/> [Accessed 26 December 2022] (in Russ.).
- Bach, E., 1986. Natural Language Metaphysics. In: R. Barcan Marcus et al., eds. *Logic, Methodology, and Philosophy of Science*, VI. Amsterdam: North Holland, pp. 573–595.
- Baranov, A.N., Plungyan, V.A. and Rakhilina, E.V., 1993. *Putevoditel' po diskursivnym slovam russkogo yazyka* [Guide to discursive words of the Russian language]. Moscow (in Russ.).
- Belyaev, O. and Khomchenkova, I., 2022. Noun phrase conjunction in Ossetic. *Rhema*, 4, pp. 32–54, <https://doi.org/10.31862/2500-2953-2022-4-32-54> (in Russ.).
- Chao, W. and Bach, E., 2012. The Metaphysics of Natural Language(s). In: R. Kempson et al., eds. *Philosophy of Linguistics*, 14. Amsterdam: North Holland, Elsevier, pp. 175–196.
- Chomsky, N., 1957. *Syntactic structures*. MIT.
- Chomsky, N., 1965. *Aspects of the theory of syntax*. MIT.
- Chomsky, N., 1999. Derivation by phase. In: *MIT Occasional Papers in Linguistics*, 18. MITWPL, Department of Linguistics and Philosophy. Cambridge, MA.
- Davidson, D., 1980. The Individuation of Events. In: D. Davidson, ed. *Essays on Actions and Events*. Oxford: Clarendon Press, pp. 163–180.

- Galton, A., 2005. Eventualities. In: M. Fisher et al., eds. *Handbook of Temporal Reasoning in Artificial Intelligence*, Vol. 1. Foundations of artificial intelligence, pp. 28–59.
- Giannakidou, A., 1998. Polarity Sensitivity as (Non)Veridical Dependency. John Benjamins.
- Gladkii, A. V. and Mel'čuk, I., 1969. *Elementy matematicheskoi lingvistikii* [Elements of mathematical linguistics]. Moscow (in Russ.).
- Glazkov, A. V., 2022. To the coherence of a sentence pair. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo* [Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod], 6, pp. 185–194, https://doi.org/10.52452/19931778_2022_6_185 (in Russ.).
- Haspelmath, M., 2022. *Types of clitics in the world's languages*. December 2022. Available at: <https://ling.auf.net/lingbuzz/007071> [Accessed 26 December 2022].
- Heusler, A., 1969. *Kleine Schriften*. Vol. 1–2. Berlin: Walter de Gruyter & Co.
- Jakobson, R., 1931. Prinzipien der historischen Phonologie. *Travaux du cercle linguistique de Prague*, 4, pp. 247–267.
- Jakobson, R., 1939. Signe zero. In: *Mélanges de linguistique offerts à Charles Bally*. Geneva: Georg.
- Jakobson, R., 1959. Boas' view of grammatical meaning. *American Anthropologist*, Vol. 61, pp. 139–145.
- Jakobson, R., 1973. *Questions de poetique*. Paris: Editions Du Seuil.
- Jakobson, R. O., 1985. *Izbrannye raboty* [Selected Writings]. Moscow: Progress (in Russ.).
- Jakobson, R. O., 1987. *Raboty po poetike* [Works on Poetry]. Moscow: Progress (in Russ.).
- Karcevskij, S., 1929. Du dualisme asymétrique du sign linguistique. *Travaux du Cercle linguistique de Prague*, 1, pp. 88–92.
- Katz, J. and Pesetsky, D., 2011. *The Identity Thesis for Language and Music*. Available at: <https://lingbuzz.net/lingbuzz/000959> [Accessed].
- Kittler, F. A., ed., 1980. *Austreibung des Geistes aus den Geisteswissenschaften: Programme des Poststrukturalismus*. Paderborn; Munchen; Wien; Zurich: Ferdinand Schöningh.
- Kravchenko, A. V., 2022. Language and the nature of humanness (Invitation to a discussion). *Slovo. ru: Baltic accent*, 13 (3), pp. 7–24, <https://doi.org/10.5922/2225-5346-2022-3-1> (in Russ.).
- Krylova, E. B., 2021. *Kommunikationnye funktsii modal'nykh chastits v datskom yazyke* [Danish particles and their communicative functions]. Moscow (in Russ.).
- Levontina, I. B., 2023. *Chastitsy rechi* [Particles of Speech]. Moscow: Azbukovnik (in Russ.).
- Lohnstein, H., 2018. Verum Focus, Sentence Mood and Contrast. In: Ch. Dimroth and S. Sudhoff, eds. *The Grammatical Realization of Polarity Contrast: Theoretical, empirical, and typological approaches*, pp. 55–88.
- Longobardi, G., 2005. A minimalist program for parametric linguistics? In: H. Broekhuis et al., eds. *Organizing grammar. Linguistic studies in honor of Henk van Riemsdijk*. Berlin; New York: Mouton De Gruyter, pp. 407–414.
- Lotman, Yu. M., 1964. *Lektsii po struktural'noi poetike* [Lectures on Structural Poetics]. Tartu (in Russ.).
- Martinet, A., 1960. *Éléments de linguistique générale*. Paris.
- Martinet, A., 1963. The Groundworks of General Linguistics. In: V. A. Zvegintsev, ed. *Novoe v lingvistike* [New in Linguistics], Vol. III. Moscow, pp. 347–556 (in Russ.).
- Mel'čuk, I., 1974. *Opyt teorii lingvisticheskikh modelei «Smysl – Tekst»* [The Theory of Linguistic Modeling “Meaning – Text”]. Moscow (in Russ.).
- Mel'čuk, I., 2023. *General phraseology. Theory and practice*. John Benjamins.
- Montague, R., 1974. *Formal Philosophy: Selected Papers of Richard Montague*. New Haven: Yale University Press.

- Morris, C. W., 1971. Foundations of the Theory of Signs. In: *Writings on the General Theory of Signs*. The Hague: Mouton, pp. 13–71.
- Nikolaeva, T. M., 2008. *Neparadigmaticheskaya lin'vostika (Istoriya «bluzhdayushchikh chastits»)* [Non-paradigmatic Linguistics. A Story of “Wandering Particles”]. Moscow (in Russ.).
- Paducheva, E. V., 2015. Suspended assertion and nonveridicality: the case of Russian Negative Polarity Items. *Russian Linguistics*, 39 (2), pp. 129–162, <https://doi.org/10.1007/s11185-015-9145-6> (in Russ.).
- Palshchikov, I. A., 2022. *Sem' besed o filologii i Digital Humanities* [Seven Conversations about Philology and Digital Humanities]. Moscow (in Russ.).
- Plungian, V. A., 1994. On Morphological Zero. In: V. I. Belikov et al., eds. *Znak: sbornik statei po lingvistike, semiotike i poetike pamyati A. N. Zhurinskogo* [Symbol. A Digest of Articles in Linguistics, Semiotics and Poetics in memory of A. N. Zhurinsky]. Moscow, pp. 148–155 (in Russ.).
- Polivanova, A. K. and Keidan, A., 2023. Neutralization. In: I. M. Kobozeva et al., eds. *«Vpered i vverkh po lestnitse zuchashchei»: sbornik statei k 80-letiyu Ol'gi Fedorovny Krivnovoi* [Forward and Upward the Sounding Stairs. A Digest of Articles to the 80th anniversary of O. F. Krivnova]. Moscow, pp. 59–177 (in Russ.).
- Revsin, I. I., 1971. On Subjectivity in Semiotics. *Uchenye zapiski Tartuskogo gosudarstvennogo universiteta. Trudy po znakovym sistemam* [Scientific letters of The University of Tartu. Sign Systems Studies], Vol. V (266). Tartu, pp. 334–344 (in Russ.).
- Shaikevich, A. Ya., 2005. *Vvedenie v lingvistiku* [An Introduction to Linguistics]. Moscow (in Russ.).
- Sheveleva, M. N., 2002. The Fate of the Present Tense Form of “BE” in the Mirror of Old Russian Texts. *Moscow University Bulletin. Series 9. Philology*, 5, pp. 55–72 (in Russ.).
- Smirnit'skaya, O. A., 1994. *Stikh i yazyk drevnegermanskoi poezii* [The Verse and Language of Old Germanic Poetry]. Moscow (in Russ.).
- Stepanov, Yu. S., 1994. Word. From an Entry for the Dictionary (“Conceptuary”) of Russian Cultural Concepts. *Philologica*, 1 (1–2), pp. 11–31 (in Russ.).
- Stepanov, Yu. S., 1998. *Yazyk i metod. K sovremennoi filosofii yazyka* [Language and Method. On Modern Language Philosophy]. Moscow (in Russ.).
- Tarasti, E., 2001. *Existential semiotics*. Indiana University Press.
- Thurmair, M., 1989. *Modalpartikeln und ihre Kombinationen*. Tübingen: Max Niemeyer.
- Trubetzkoy, N., 1931. Prinzipien der historischen Phonologie und Sprachgeschichte. *Travaux du circle linguistique de Prague*, 4, pp. 228–234.
- Vendler, Z., 1967. *Linguistics in Philosophy*. Ithaca, NY: Cornell University Press.
- Vinogradov, V. V., 1972. *Russkii yazyk. Grammaticheskoe uchenie o slove* [Russian Language. The Grammar of Word]. Moscow (in Russ.).
- Yanko, T. E., 2008. *Intonatsionnye strategii russkoi rechi* [Intonational Strategies of the Russian Speech]. Moscow (in Russ.).
- Yanko, T. E., 2019. Reliability and Probability: Regular Polysemy in the Mirror of Prosody. In: N. D. Arutyunova and M. L. Kovshova, eds. *Lingvokul'turologicheskie issledovaniya. Logicheskii analiz yazyka. Ponyatiya very v raznykh yazykakh i kul'turakh* [Linguocultural Studies. Logical Analysis. The Concepts of Belief across Languages and Cultures]. Moscow, pp. 129–140 (in Russ.).
- Zaliznyak, A. A., 1967. *Russkoe imennoe slovoizmenenie* [Russian Nominal Inflection]. Moscow: Nauka (in Russ.).
- Zaliznyak, A. A., 1993. Studies of the Language of Birch Bark letters. In: V. L. Yanin and A. A. Zaliznyak, eds. *Novgorodskie gramoty na bereste. Iz raskopok 1984–1989 godov* [Novgorod Birch Bark Letters from the Excavations of 1984–1989]. Moscow, Nauka, pp. 191–319 (in Russ.).

Zaliznyak, A. A., 2008. *Drevnerusskie enklitiki* [Old Russian Enclitics]. Moscow (in Russ.).

Zaliznyak, A. A., 2016. Outline of Arabic Grammar. *Moscow University Bulletin. Series 13. Eastern Studies*, 4, pp. 62–72 (in Russ.).

Zeijlstra, H., 2020. Rethinking remerge: Merge, movement and music. In: A. Bárány, T. Biberauer, J. Douglas and S. Vikner, eds. *Syntactic architecture and its consequences II: Between syntax and morphology*. Berlin: Language Science Press, pp. 43–66.

Zimmerling, A., 2014. Clitic templates and discourse marker *ti* in Old Czech. In: J. Witkoś and S. Jaworski, eds. *New Insights into Slavic Linguistics*. Frankfurt: Peter Lang, pp. 389–403.

Zimmerling, A. V., 2020. Animacy. Russian language. *Trudy Instituta Russkogo Iazyka imeni V. V. Vinogradova* [Proceedings of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute], 24, pp. 43–56 (in Russ.).

Zimmerling, A. V., 2021. *Ot integral'nogo k aspektivnomu* [From Integral Frameworks to Aspective Descriptions]. Moscow; St. Petersburg: Aletheia (in Russ.).

Zimmerling, A. V., 2022a. Linguistics and Cryptophilology. In: L. Iomdin, J. Milićević and A. Polguère, eds. *Lifetime linguistic inspirations: To Igor Mel'čuk from colleagues and friends for his 90th birthday*. Berlin; Bern; Bruxelles; N. Y.; Oxford; Warszawa; Wien, pp. 519–529.

Zimmerling, A. V., 2022b. States, Events and Predicate Types. In: S. Koeva, E. Ivanova, Y. Tisheva and A. Zimmerling, eds. *Ontologija na situacii za sastojanie – lingvistično modelirane. Săpostavitelno izsledvane za bălgarski i ruski* [The Ontology of the Stative Situations in the Linguistic Models. A Contrastive Analysis of Bulgarian and Russian Languages]. Sofia: Professor Marin Drinov, pp. 31–52 (in Russ.).

Zimmerling, A. V., 2022c. A tale of two auxiliaries: third person forms of *byti* in Old Russian. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii* [Russian Language and Linguistic Theory], 44 (2), pp. 9–84, <https://doi.org/doi.org/10.31912/rjano-2022.2.1> (in Russ.).

Zwicky, A., 1985. Clitics and particles. *Language*, 61 (2), pp. 283–305.

The author

Dr Anton V. Zimmerling, Professor, Leading Researcher, Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia; Leading Researcher, the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Science, Moscow, Russia.

E-mail: fagraey64@hotmail.com

ORCID: 0000-0002-5996-2648

To cite this article:

Zimmerling, A. V., 2023, Really: syntactics without semiotics? *Slovo.ru: Baltic accent*, Vol. 14, no. 3, pp. 125–153. doi: 10.5922/2225-5346-2023-3-9.

ТРЕБОВАНИЯ К ПОДГОТОВКЕ СТАТЕЙ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ В ЖУРНАЛЕ «СЛОВО.РУ: БАЛТИЙСКИЙ АКЦЕНТ»

Правила публикации статей в журнале

1. Представляемая для публикации статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы, а также соответствовать правилам оформления.

2. Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не публиковавшимся ранее в других печатных изданиях. При отправке рукописи в редакцию журнала автор автоматически принимает на себя обязательство не публиковать ее ни полностью, ни частично без согласия редакции.

3. Рекомендованный объем статьи — до 1,5 п.л.; научного сообщения — до 0,5 п.л. (включая заглавие, аннотацию, ключевые слова, список литературы на русском и английском языках).

4. Все присланные в редакцию рукописи проходят двойное «слепое» рецензирование, а также проверку по системе «Антиплагиат», по результатам чего принимается решение о возможности включения статьи в журнал. Уровень оригинальности авторских материалов по данным системы «Антиплагиат» должен составлять не менее 80 % (с учетом оформленного цитирования и самцитирования).

5. Плата за публикацию рукописей не взимается.

6. Для рассмотрения редакционной коллегией статья может быть отправлена по электронной почте главному редактору либо ответственному редактору журнала. Также статья может быть подана на рассмотрение через электронную форму на сайте Единой редакции научных журналов БФУ им. И. Канта: <http://journals.kantiana.ru/>

7. Решение о публикации (доработке, отклонении) статьи принимается редакционной коллегией журнала после ее рецензирования и обсуждения.

Комплектность и форма представления авторских материалов

1. Статья должна содержать следующие элементы:

- индекс УДК, который должен достаточно подробно отражать тематику статьи (основные правила индексирования по УДК см.: <http://www.naukapro.ru/metod.htm>);

- название статьи строчными буквами на русском и английском языках;
- аннотацию на русском и summary на английском языке (200–250 слов); аннотация располагается перед ключевыми словами после заглавия, summary — после статьи перед references;

- ключевые слова на русском и английском языках (4–10 слов); располагаются перед текстом после аннотации;

- список литературы, оформленный в соответствии с ГОСТом Р 7.0.5.-2008, и references на латинице (Harvard System of Referencing Guide);

- сведения об авторе(-ах) на русском и английском языках (Ф. И. О. полностью, ученая степень, звание, должность, место работы, e-mail, контактный телефон, почтовый адрес места работы).

2. Оформление списка литературы.

- Список литературы, оформленный в соответствии с ГОСТом Р 7.0.5.-2008, приводится в конце статьи в алфавитном порядке без нумерации. Сначала перечисляются источники на русском языке, затем — на иностранных языках.

Если в списке литературы есть несколько публикаций одного автора одного года издания, то рядом с годом издания каждого источника ставятся буквы *a*, *b* и др. Например:

Брюшинкин В. Н. Взаимодействие формальной и трансцендентальной логики // Кантовский сборник. 2006. №26. С. 148–167.

Кант И. Прологомены ко всякой будущей метафизике, которая может появиться как наука // Сочинения : в 8 т. М., 1994а. Т. 4.

Кант И. Метафизические начала естествознания // Сочинения : в 8 т. М., 1994б. Т. 4.

Howell R. Kant's Transcendental Deduction: An Analysis of Main Themes in His Critical Philosophy. Dordrecht ; Boston ; L., 1992.

• Источники, опубликованные в интернет-изданиях или размещенные на интернет-ресурсах, должны содержать точный электронный адрес и обязательно дату обращения к источнику (в круглых скобках) по образцу:

Walton D. A. Reply to R. Kimball. URL: www.dougwalton.ca/papers%20in%20pdf/07ThreatKIMB.pdf (дата обращения: 09.11.2009).

3. Оформление references.

В английский блок статьи необходимо добавить список литературы на латинице (references), оформленный по требованиям *Harvard System of Referencing Guide*: сначала дается автор, затем год издания. В отличие от списка литературы, где авторы выделяются курсивом, в references курсивом выделяется название книги (журнала). В квадратных скобках дается перевод на английский язык названия указанного источника, если он издан не на латинице. Например:

Книга на кириллице: Borisov, K. G. 1988, *Mehanizm pravovogo regulirovanija processa internacionalizacii mnogostoronnih nauchno-tehnicheskikh sojazej v sovremennoj vseobshhej sisteme gosudarstvo* [The mechanism of legal regulation of the internationalization process of multilateral scientific and technical relations in the modern system of universal], Moscow, 363 p.

Книга на латинице: Keohane, R. 2002, *Power and Interdependence in a Partially Globalized World*, New York, Routledge.

Журнальная статья на кириллице: Dezhina, I. G. 2010, Menjajushhiesja priority mezhdunarodnogo nauchno-tehnologicheskogo sotrudnichestva Rossii [Changing priorities of international scientific and technological cooperation between Russia], *Ekonomicheskaja politika* [Economic policy], no. 5, pp. 143–155, available at: www.iep.ru/files/text/policy/2010_5/dezgina.pdf (accessed 08 April 2013).

Журнальная статья на латинице: Johanson, J., Vahlne, J.-E. 2003, Business Relationship Learning and Commitment in the Internationalization Process, *Journal of International Entrepreneurship*, no. 1, pp. 83–101.

Более подробно с правилами составления references можно ознакомиться на сайте: libweb.anglia.ac.uk/referencing/harvard.htm

4. Оформление ссылок на литературу в тексте.

• Ссылки на литературу в тексте даются в круглых скобках: автор или название источника из списка литературы и через запятую год и (для цитаты) номер страницы: (Кант, 1994а, с. 197) или (Howell, 1992, p. 297).

• Ссылка на многотомное издание: автор или название источника из списка литературы, затем через запятую год, номер тома и номер страницы: (Шопенгауэр, 2001, т. 3, с. 22).

5. Предоставленные для публикации материалы, не отвечающие вышеизложенным требованиям, в печать не принимаются, не редактируются и не рецензируются.

Общие правила оформления текста

Авторские материалы должны быть подготовлены *в электронной форме* в формате А4 (210 × 297 мм).

Все текстовые авторские материалы принимаются исключительно в формате *doc* и *docx* (Microsoft Office).

Подробная информация о правилах оформления текста, в том числе таблиц, рисунков, ссылок и списка литературы, размещена на сайте Единой редакции научных журналов БФУ им. И. Канта: <https://journals.kantiana.ru/journals/slovoru/pravila-oformleniya/>

Порядок рецензирования рукописей

1. Все рукописи, поступившие в редколлегию, проходят двойное «слепое» рецензирование.

2. Главный редактор журнала определяет соответствие статьи профилю журнала, требованиям к оформлению и направляет ее на рецензирование специалисту, доктору или кандидату наук, имеющему наиболее близкую к теме статьи научную специализацию.

3. Сроки рецензирования определяются с учетом создания условий для максимально оперативной публикации статьи.

4. В рецензии устанавливается:

а) соответствует ли содержание статьи заявленной в названии теме;

б) насколько статья соответствует современным достижениям научно-теоретической мысли в данной области;

в) доступна ли статья читателям, на которых она рассчитана, с точки зрения языка, стиля, расположения материала, наглядности таблиц, диаграмм, рисунков и формул;

г) целесообразна ли публикация статьи с учетом имеющейся по данному вопросу литературы;

д) в чем конкретно заключаются положительные стороны, а также недостатки статьи, какие исправления и дополнения должны быть внесены автором;

е) рекомендуется (с учетом исправления отмеченных рецензентом недостатков) или не рекомендуется статья к публикации в журнале.

5. Текст рецензии направляется автору по электронной почте.

6. Если в рецензии содержатся рекомендации по исправлению и доработке статьи, главный редактор журнала направляет автору текст рецензии с предложением учесть их при подготовке нового варианта статьи или аргументированно (частично или полностью) их опровергнуть. Доработанная (переработанная) автором статья повторно направляется на рецензирование.

7. Статья, не рекомендованная к публикации хотя бы одним из рецензентов, к повторному рассмотрению не принимается. Текст отрицательной рецензии направляется автору по электронной почте, факсом или обычной почтой.

8. Наличие положительной рецензии не является достаточным основанием для публикации статьи. Окончательное решение о целесообразности публикации принимается редколлегией.

9. После принятия редколлегией решения о допуске статьи к публикации ответственный редактор информирует об этом автора и указывает сроки публикации.

10. Оригиналы рецензий хранятся в редакции журнала в течение пяти лет.

SLOVO.RU: THE BALTIC ACCENT JOURNAL

Guide for authors

1. The journal welcomes relevant and novel contributions. Articles submitted should include problem formulation, results, and conclusions and comply with the guide requirements.

2. Submitted materials should be original and not published elsewhere. Upon submitting an article to the journal, the author undertakes not to publish the article elsewhere, in whole or in part, without consent from the editorial board of the journal.

3. The recommended length of an article is 40,000 characters and that of a report is 20,000 characters with spaces, abstracts, keywords, and references in Russian and English.

4. All submitted contributions are subject to double-blind peer review and plagiarism scanning. The acceptable similarity index is below 20%.

5. There is no charge for publication.

6. To be considered by the editorial board, contributions are submitted via e-mail to the editor-in-chief or the publishing editor. Alternatively, authors can use the submission form on the IKBFU Journals website at <http://journals.kantiana.ru/>

7. The decision on the acceptance, improvement, or rejection of articles is made by the editorial board, following peer review and discussion.

Article structure and style

1. Contributions should include:

- a Universal Decimal Classification index (UDC) most relevant to the topic of the article;
- the title of the article in English and Russian, all lowercase;
- abstracts in English and Russian (200–250 words); the abstract in Russian is placed after the title and before the keywords; the summary in English is placed after the body of the article and before the references;
- keywords in Russian and English (4–10 words); keywords are placed before the body of the article after the abstract;
- references in Russian prepared according to GOST R 7.0.5.-2008 and Harvard-style references in the Latin script;
- a brief autobiographical note in Russian and English, including the full name(s), academic title(s), affiliation(s), e-mail address(es), phone number(s), and work address(es) of the author(s).

2. References.

• References prepared according to GOST R 7.0.5.-2008 are given at the end of the article in alphabetical order, unnumbered. Sources in Russian are listed first, followed by those in foreign languages. If works that have the same author and were written in the same year are cited, a lowercase letter (*a*, *b*, etc.) should be used after the date to differentiate between the works. For example:

Брюшинкин В.Н. Взаимодействие формальной и трансцендентальной логики // Кантовский сборник. 2006. №26. С. 148–167.

Кант И. Прологомены ко всякой будущей метафизике, которая может появиться как наука // Сочинения : в 8 т. М., 1994а. Т. 4.

Кант И. Метафизические начала естествознания // Сочинения : в 8 т. М., 1994б. Т. 4.

Howell R. Kant's Transcendental Deduction: An Analysis of Main Themes in His Critical Philosophy. Dordrecht; Boston; L., 1992.

• If an online source is cited, the reference should include the exact URL for the article and the date of accession, parenthesised. For example:

Walton D. A. Reply to R. Kimball. URL: www.dougwalton.ca/papers%20in%20pdf/07ThreatKIMB.pdf (accessed 09.11.2009).

3. References in the Latin script.

The English-language part of the article should contain Harvard-style references in the Latin script: name of the author(s) followed by the year of publication. The title of the book (journal) should be italicised. If a work has not been published in a language using the Latin script, an English translation of the title should be provided in brackets. For example:

Cyrillic-script book: Borisov, K. G. 1988, *Mehanizm pravovogo regulirovaniya processa internacionalizacii mnogostoronnih nauchno-tehnicheskikh sojazej v sovremennoj vseobshnej sisteme gosudarstv* [The mechanism of legal regulation of the internationalization process of multilateral scientific and technical relations in the modern universal system of states], Moscow.

Latin-script book: Keohane, R. 2002, *Power and Interdependence in a Partially Globalized World*, New York, Routledge.

Cyrillic-script article: Dezhina, I. G. 2010, Menjajushhiesja priority mezhdu-narodnogo nauchno-tehnologicheskogo sotrudnichestva Rossii [Changing priorities of Russia's international scientific and technological cooperation], *Ekonomicheskaja politika* [Economic policy], no. 5, pp. 143–155, available from: www.iep.ru/files/text/policy/2010_5/dezgina.pdf (accessed 08 April 2013).

Latin-script article: Johanson, J., Vahlne, J.-E. 2003, Business Relationship Learning and Commitment in the Internationalization Process, *Journal of International Entrepreneurship*, no. 1, pp. 83–101.

For more details on Harvard-style referencing, see libweb.anglia.ac.uk/referencing/harvard.htm

4. In-text referencing.

• In-text references should be parenthesised and include the name(s) of the author(s), the year of publication, and the page number (for citations), separated by commas. For example: (Howell, 1992, p. 297).

• References to multi-volume works: the name(s) of the author(s), the year of publication, the volume number, and the page number, separated by commas (Schopenhauer, 2001, 3, 22).

5. A failure to meet the above requirements may result in the rejection of a manuscript.

Formatting

Manuscripts should be submitted in an electronic format as an a4-size document (210 × 297 mm).

Contributions are accepted in the *doc* and *docx* formats only (Microsoft Office).

For more details on the text, table, and figure formatting and referencing, see the IKBFU Journals website at

<https://journals.kantiana.ru/journals/slovoru/pravila-oformleniya/>

Peer review process

1. All submitted contributions are subject to double-blind peer review.
2. The editor-in-chief establishes whether submitted works fit the scope and comply with the standards of the journal and submits them for review to an expert with relevant qualifications, holding a doctoral or postdoctoral degree.
3. The review period is such as to ensure prompt publication of accepted articles.
4. The review establishes:
 - a) whether the content of the article corresponds to its title;
 - b) whether the contribution is in line with the latest findings in the field;
 - c) whether the language, style, and layout of the text, tables, diagrams, figures, and formulae make the work clear to readers;
 - d) whether the article contains original research;
 - e) what the strengths and weaknesses of the article are and what improvements should be made;
 - f) whether the manuscript is suitable for publication in the journal.
5. The review is sent to the author via e-mail.
6. If a reviewer recommends reworking the article, these recommendations are sent to the author with suggestions for revision. The author(s) has(ve) the right to defend his/her(their) position. A revised article is resubmitted for review.
7. An article that has been rejected by at least one reviewer cannot be resubmitted. The text of a negative review is sent to the author via e-mail, fax, or regular mail.
8. A positive review is a necessary but not sufficient condition for publication. A final decision is made by the editorial board.
9. If a positive decision is made, the publishing editor notifies the author(s) and inform him/her(them) of the publication date.
10. The editorial board keeps reviews for five years.

СЛОВО.РУ:
БАЛТИЙСКИЙ АКЦЕНТ

SLOVO.RU:
BALTIC ACCENT

2023

Том 14
Vol. 14
№ 3

НЕПЕРЕВОД NON-TRANSLATION
В КУЛЬТУРНЫХ СИСТЕМАХ IN CULTURAL SYSTEMS

Редактор *И. О. Дементьев*. Корректор *П. С. Щербаков*
Компьютерная верстка *Г. И. Винокуровой*

Copy-edited by *I. Dementev, P. Shcherbakov*
Layout by *G. Vinokurova*

Подписано в печать 25.07.2023 г.
Формат 70×108 1/16. Усл. печ. л. 14,0
Тираж 300 экз. (1-й завод – 50 экз.). Заказ 68
Свободная цена

Signed 25.07.2023
Page format 70×108 1/16. Reference printed sheets 14,0
Edition 300 copies (first print: 50 copies). Order 68
Free price

Издательство Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта
236041, г. Калининград, ул. А. Невского, 14

Immanuel Kant Baltic Federal University Press
14 A. Nevskogo St., Kaliningrad, 236041, Russia